Андрей Земляной
Борис Орлов

Офицер

Офицер

Тактик

Стратег

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Борис Орлов

Офицер: Офицер. Тактик. Стратег

«Издательство АСТ»
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Орлов Б. Л.

Офицер: Офицер. Тактик. Стратег / Б. Л. Орлов — «Издательство АСТ», 2019 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-113143-2

Он – бывший ликвидатор и служащий Гохрана. Он знаком со смертью не на словах, и он просто офицер. Человек чести и долга. Перед страной, людьми и памятью предков. И это мы вместе с ним ищем в прошедшем времени опору, дабы не оступиться в дне сегодняшнем. И найти ответы на вопросы, которые уже решили наши деды и прадеды.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-113143-2

© Орлов Б. Л., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Офицер 6
1 6
2 12
3 17
4 23
5 28
6 34
7 43
8 48
9 57
10 67
11 75
12 84
13 94
Конец ознакомительного фрагмента. 123

Андрей Земляной, Борис Орлов
Офицер: Офицер.
Тактик. Стратег (сборник)

© Андрей Земляной, 2019
© Борис Орлов, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019
Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Офицер

1

Там, где асфальт, нет ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта.
Бр. Стругацкие.
Понедельник начинается в субботу

Россия, Анадырское нагорье

Маленький прииск на Анадырском нагорье не был никому интересен до тех пор, пока один из его работников не нашел богатейший пласт самородного золота. Места на Чукотке диковатые и вообще, несмотря на красивейшую природу и уникальный животный мир, мало исследованы. В огромной России много мест не менее интересных и поближе к цивилизации.

Кто дал знать, что к вылету готовится самолёт с полутонной золота на борту, будут разбираться другие люди, а сейчас сотруднику управления «Поиск» Гохрана России предстояло догнать и пожурить тех, кто устроил бойню на прииске.

Кстати, золото приисковые так и не дали захватить. Из шести нападавших сибирские парни убили двоих, сами потеряли троих, но драгоценный металл бандитам не достался.

Небольшой самолёт с оперативно-розыскной группой МВД подготовили к вылету буквально через десять часов после нападения, но им пришлось немного задержаться, так как сотрудник, вызванный для проведения операции, просто физически не успевал. И так, не распаковывая рюкзак, он покидал самое необходимое оборудование и прихватил дежурный кофр, собираясь разобраться уже на месте.

Подполковнику действующего оперативного резерва Кириллу Новикову идти предстояло в одиночку, так как все четверо возможных напарников как-то разом оказались в таких далёких местах, что не успевали даже к шапочному разбору. Это было определённым нарушением инструкций, но Новиков был опытным офицером и не видел никаких сложностей в том, чтобы уйти в одиночный поиск.

В самолете собровцы посматривали в его сторону если не со снисхождением, то во всяком случае, с умеренным интересом, как на туриста. Они бы вообще не взяли никого с собой, но вдруг позвонило такое высокое начальство, что обсуждения не состоялось. Парни взяли под козырёк, и гохрановца попросили с вещами на борт.

После взлёта Кирилл частично распаковался и сменил городской наряд на двухцветный лето-осень полихроматический камуфляж. Потом не торопясь развесил на разгрузке более-менее полезное оборудование и оружие. Поскольку его выдернули с отдыха, в наличии присутствовали вещи, которые в одиночный поиск с собой не берут, но было их не так чтобы много, поэтому общий вес увеличился лишь на четыре килограмма.

Именно в этот момент к нему пробрался старший группы и, глядя на разложенное барахло и снаряжение, покачал головой и протянул руку:

– Валентин.

– Кир, – подполковник пожал крепкую руку и, отставив в сторону расписанный камуфляжными разводами «Вал», стал набивать магазины патронами.

– Интересная штука… – Валентин взял в руку автомат и, не ощутив привычного веса, от неожиданности дёрнул его вверх. – Что за чёрт?

– Лёгкие сплавы, – пояснил Кирилл. – Ствол чуть удлинён, немного доработан глушитель, ну и всякие приблуды типа прицела с термовизором и баллистического вычислителя.

– Да у меня стечкин примерно столько же весит! – восхитится капитан. – А мы-то уже чёрт знает что подумали. Нам же из нашего министерства позвонили, сказали взять человека из Минфина на борт. Ну, мы и подумали, что ревизор какой-нибудь.

– И ревизор, и провизор, и по необходимости проктолог… – Кирилл в последний раз осмотрел кучу вещей и снова упаковал рюкзак. – Понимаешь, Минфин – организация прижимистая, вот и приходится быть на все руки мастером.

Тут он совсем немного, но слукавил, ибо после назначения главой «Поиска» сугубо гражданской, но весьма деятельной Виктории Неменовой, всё изменилось словно по волшебству. Лучшее оружие, снаряжение, премиальные и, самое главное, отношение к офицерам «Поиска» как к собственным сыновьям. Виктория Карловна, несмотря на больные ноги, не ленилась лично ходить в начальственные кабинеты и, ругаясь до хрипоты, выбивать дополнительное финансирование и льготы для сотрудников.

– А это что? – старший оперативно-следственной группы поднял небольшой плоский пакет с крепёжной системой.

– Парашют.

– Такой маленький?

– А чего ему быть большим? – Подполковник пожал плечами. – Чай, не из шёлка. Но у этого довольно капризный характер, и скорость приземления приличная. Так что не всем подойдёт… – Он надел шлем, застегнул ремешок, надел парашют и посмотрел на навигатор. Судя по метке на планшете, самолёт уже приближался к точке сброса, так что здесь его пути с доблестными правоохранителями расходились. Да и не стоило им быть свидетелями будущей содержательной, но короткой беседы с уголовным элементом.

Как говорил Эмерсон, «На свете есть много вещей, насчет которых разумный человек мог бы пожелать остаться в неведении».

Расстались служивые вполне по-дружески. Парни, рассмотрев оружие и снаряжение, признали Кирилла за своего, и, уходя в холодное северное небо, он помахал на прощание и, словно перелистнув страницу, выбросил всё это из головы.

По данным спутникового сканирования местности, четверо оставшихся в живых уходили на юго-запад, и сейчас пилот практически довёз его до точки, где их засекли в последний раз.

Планшет со спутниковой связью позволял сотруднику «Поиска» поглядывать сверху, корректируя маршрут, но в основном он полагался на свой опыт и навыки, развитые за десять лет беспокойной службы в рядах славных Вооружённых сил СССР и России.

Приличная площадка, где подполковник приземлился, находилась в каких-то ста метрах от предполагаемого места ночёвки беглецов, и, свернув парашют, Кирилл уже через несколько минут ползал по лесной подстилке, в поисках разных интересных вещей. В итоге нашлось с пару десятков окурков, пээмовский 9 х 18 патрон с наколотым капсюлем, обрывки упаковок от ИРП и несколько клочков от перевязочного пакета. Всё было закопано или выброшено далеко от места ночёвки, что косвенно подтверждало версию о том, что в нападении участвовали опытные люди.

Отправив кодовый сигнал на спутник, что он «встал на след», и оставив на дереве пометку, видную лишь профессионалам, подполковник легкой рысью направился по отчётливо видимым следам. По расчётам получалось, что через сутки, плюс-минус пару часов, он их так или иначе достанет. Ну, или они его. Тут уж как карта ляжет.

Шли бандиты по лесу вдоль реки, справедливо полагая, что сверху, на водной глади, их засечёт любой пролетающий мимо вертолёт. До реки Анадырь здесь по городским меркам –

всего ничего. Около трёхсот километров, но это недалеко, если по асфальтовой дороге. А вот по нагорью – совсем не ближний свет.

Ровно через сутки, сделав лишь один небольшой привал, Кирилл почувствовал запах костра и привёл оружие в боевое положение.

Но скользя тенью между деревьями и сторожась каждой тени, обнаружил лишь не погасший костёр и небрежно прикопанную кучу окровавленных бинтов. Видимо, бандюки поверили, что оторвались, и снизили уровень маскировки, что ему было лишь на руку.

Солнце уже закатывалось за горизонт, когда Новиков спустился в глубокое ущелье, прорезавшее горы. Сразу стало темно, и туман, скопившийся в низине, не сильно ухудшал ситуацию, так как даже в ноктовизоре[1] видно было лишь на пару метров.

Несмотря на то, что офицер двигался предельно осторожно, каждый звук, даже чуть хрустнувшая веточка, отзывался каким-то звенящим эхом, словно к нему подвесили микрофон. Потом к этим звукам добавился какой-то шелест и словно перезвон колокольчиков, из-за которых можно было услышать нечто похожее на голоса, но совершенно неразборчивые. Ещё сто метров, и туман словно обрезало. Впереди виднелась полянка с небольшим костром, тело, лежащее навзничь, рядом – старинная трехлинейка, и семеро сидящих вокруг костра, с вытянутыми к огню ногами.

Всё это взгляд зафиксировал словно фотоснимок, а руки уже вскинули приклад к плечу.

– Оставаться на местах! Управление «Поиск»!

– А это ещё кто к нам пожаловал? – Мужчина лет пятидесяти, но выглядевший старше своего возраста, как бы случайно облокотился на правую руку, кисть которой ушла под лежащую на земле куртку.

Коротко лязгнул затвор, и мужчина, получивший дырку во лбу, откинулся назад, в кашу из собственных мозгов и осколков черепа.

Ещё двое не вовремя дёрнулись и получили по пуле, а оставшиеся в живых боялись даже вздохнуть.

– Кто ваш человек на прииске?

– Это вот Кочан знал, – уголовник с синими от татуировок руками и перевязанным плечом усмехнулся, показав ряд золотых зубов. – Теперь, гражданин начальник, уже не узнаешь.

– Значит, ты мне не нужен. – Ещё один выстрел, и бандит оседает в высокой траве.

– Я скажу, я! – парень лет двадцати, прижавший ладони к затылку, повернулся в сторону Кирилла. – Это Ямов, бухгалтер прииска! У него телефон спутниковый!..

– А как планировали выбираться? – Новиков, не выпуская из внимания бандитов, переместился так, чтобы видеть всех в одном секторе.

– Вертолёт ждали… – молодой кивнул на большую поляну рядом. – Только здесь связи совсем нет. Хотели с утра забраться на гору и попробовать оттуда…

– Ясно. – Кирилл в принципе узнал всё, что было нужно, и остальное было просто формальностью. Автомат тихо, словно швейная машинка последних моделей, прострекотал, перечёркивая три жизни, и только сделав контроль, Кирилл подошёл к телу, лежащему возле полупустого котелка.

К его удивлению, мужчина был ещё жив. В какой-то замызганной телогрейке, серых пропылённых штанах и клетчатой рубашке, пропитавшейся кровью, он с удивлением смотрел на Новикова и пытался что-то сказать.

Пуля пробила лёгкое и, судя по всему, застряла в позвоночнике. В хорошем госпитале парню, возможно, спасли бы жизнь, но сейчас Кирилл был бессилен, несмотря на вполне приличную медицинскую подготовку и качественные медикаменты.

---

[1] *Ноктовизор* – прибор ночного видения.

Достав на ощупь противошоковое, вколол раненому прямо сквозь ткань штанов, а потом залепил лёгкое пластырем, чтобы тот мог хоть что-то сказать.

Через несколько секунд мужчина натужно прокашлялся, харкая кровавыми сгустками, и Новиков наклонился к самому лицу, чтобы слышать, что он скажет.

– Ты, товарищ, карту доставь. Образцы… – Раненый начал задыхаться. – Ты их… брось… а карту… в Геологоразведку… там всё… – Тут он словно воспрял и заговорил более отчетливо, яростно и жадно сверкнув глазами: – Ты ж из наших, да? Из стратонавтов? Шлем у тя чудной. Я таких и на картинках не видал. Там, на небе, наверное, хорошо?

Кирилл лишь молча кивнул и просунул ладонь парню под голову, чтобы приподнять.

– Кому сообщить о тебе? Родные есть?

– Детдомовский я, – покачал тот головой. – Родители ещё в Гражданскую сгинули. Но вот только если маме Вере. Это детдом в Тамбовской губернии, Тулиновский сельсовет…

Внезапно у Кирилла ожил лицевой индикатор, сигнализирующий об отсутствии связи и приводных маяков, а дорожка на стекле упала вниз и окрасилась красным цветом.

За всем этим с лёгкой полуулыбкой наблюдал умирающий геолог.

– Скажи, товарищ, а как там, в будущем? Коммунизм скоро построим?

– Построим… – Офицер, сжав зубы, кивнул. – Не сомневайся, друг.

– Тогда и умирать не жалко… – Он вздохнул, и с выдохом какой-то серебристый туман вырвался из его рта, тело обмякло.

Кирилл накрыл лицо геолога курткой одного из бандитов и присел рядом на кусок бревна. Сейчас нужно было связаться с руководством, вызывать вертолёт и вообще что-то делать, но в голове царила сплошная каша. Кирилл бездумно смотрел на огонь и думал о том, что зря так легко отпустил бандитов. Как и любой нормальный человек, он не любил грязную работу, но, конечно, умел, и тут наличествовал именно такой случай.

Но что сделано, то сделано.

Что за парень в такой нелепой одежде и как получилось, что у него, ещё не старого совсем человека, родители сгинули в гражданскую, Кирилл даже не думал. Муторно было на душе и гадко. Всё вроде правильно сделал, но…

Потом встряхнулся и, встав, стащил трупы бандитов в одну кучу. Короткий обыск дал три новеньких АКМа, неплохой моссберг, с подствольным магазином, три макарова, мосинскую винтовку и под тысячу штук патронов, в основном автоматных.

В эту же кучу ушли документы бандитов, их мобильники и спутниковый Инмарсат.

Только после этого сотрудник «Поиска» достал свой спутниковый терминал и с удивлением пронаблюдал картину: «Не работает». В принципе, такие места, где временами не брала спутниковая связь, существовали, и Крайний Север в этот список попадал.

Вытащив из рюкзака Yaesu-817, забросил антенну на дерево и включил станцию, но кроме негромкого шипения, на служебных частотах ничего не было. Отсутствовали даже сигналы приводных маяков аэропортов и прочие мощные передатчики. Включив машинку на сканирование всего диапазона, офицер взял котелок и, спустившись к реке, зачерпнул воды.

К стоянке поднялся лишь тогда, когда чудо японской техники огласило окружающий лес бодрыми звуками марша.

Идет страна походкою машинной,
Гремят стальные четкие станки,
Но если надо – выстроим щетиной
Бывалые, упрямые штыки.

Стоим на страже всегда, всегда,
Но если скажет Страна Труда,

Прицелом точным врагу в упор —
Дальневосточная, даёшь отпор!
Краснознамённая, смелее в бой!

Дослушав бравую песню, уже потянулся, чтобы переключиться с ретроканала, когда диктор, чуть прокашлявшись в начале, объявила сводку новостей и стала читать текст, от которого у Кирилла зашевелились волосы на голове. По словам диктора выходило, что в Испании творился полный беспредел с выносом всех и вся, а в СССР хлеборобы ведут битву за урожай и обещают партии и советскому народу рекордный сбор зерновых.

Это было уже серьёзно.

– Прости, брат. – Новиков склонился к похожему на пузырь рюкзаку геолога и сразу же, наверху, нашёл планшетку с документами.

В свете мощного фонаря было видно, что всё лежавшее сейчас перед ним – как минимум достоверно изготовлено. Печати, подписи, качество полиграфии и бумаги, всё соответствовало времени, а кое-что подделать вряд ли вообще возможно. Например, почти новые деньги или номер на трехлинейке и неприметную бирку на рюкзаке.

Версию о подделке пришлось отмести сразу, так как зачем нужно было так напрягаться для введения в заблуждение одного человека, совершенно непонятно. Кроме того, на руках было восемь трупов, а это как-то не располагало к мыслям о шутках. Но и принять версию, что он просто-напросто переместился во времени, тоже как-то не получалось из-за насквозь рационального мышления.

Но факты – вещь упрямая. Навигатор безуспешно искал на небосклоне спутники и не видел их, высокие частоты эфира были девственно чисты, а единственный доступный диапазон – длинные волны, на котором вешались новости от тридцатого июня 1936 года.

– Засада.

Усевшись возле разгорающегося костра, Кирилл смотрел, как закипает вода в жестяном котелке, и думал о том, что вертолёта можно не ждать. Также можно не ждать и эвакуационной бригады, если, конечно, за время его отсутствия не изобрели машину времени и не поставили на вооружение.

Новиков повернулся к тропе, откуда пришёл, и дикая мысль заставила его вскочить и опрометью кинуться обратно, забыв на месте и радиостанцию, и вещи убитых. Через сто метров он вылетел из плотного, словно кисель, облака и даже не вытащил, а выдернул навигатор, уже и без того зная результат, поскольку лицевой индикатор сообщал о наличии спутников и как раз сейчас вёл их подсчёт.

Навигатор, пискнув, выдал карту местности с засечкой местоположения, и подполковник сел прямо на камни, глядя перед собой. Но голова, привыкшая сопоставлять факты, упрямо говорила о том, что невозможное таки случилось, причём именно с ним. И теперь самое главное решить, что делать. Можно, конечно, вызвать сейчас исследовательскую группу, которая перевернёт каждый камень и обнаружит источник аномалии, или… не перевернёт, если она рассосётся. А ведь у него с собой и электроника, и оружие нашего времени, и сам чего-то стоил, так как в своё время получил хорошее образование. Помочь своим предкам не в мыслях и мечтах, а делом, предотвратить распад страны, которой присягал… Да много чего можно сделать.

Если успеет. Оглянувшись в который раз, Кирилл заметил, что туман, перекрывавший расселину, явно начал рассеиваться.

Так, как в тот раз, он никогда не бегал, и уж точно, будучи до мозга костей материалистом, никогда не молился так искренне.

Не чуя под собой ног, Новиков нёсся вперёд, угадывая каким-то звериным чутьём, куда нужно поставить ногу, чтобы не переломать конечности на каменных завалах, и, обливаясь потом, всё шептал: «Господи, не оставь, господи, помоги».

Что тому виной – скорость, а может, искренняя молитва, но через пятнадцать секунд он стоял на той самой полянке, а старенький восемьсот семнадцатый наигрывал что-то про Щорса. Нечасто он сожалел, что не курил, но сейчас хотелось неимоверно. Обыскав бандитов, нашёл мятую пачку «Явы» и с наслаждением выкурил вонючую сигарету, смотря, как облако тумана окончательно рассеивается, и там, за расселиной, проявляется чахлая полоска травы и бок каменного увала.

Посидев какое-то время, Кирилл хлопнул ладонью по колену. Решение принято и осуществлено, а значит, нечего рассиживаться.

Разложив небольшую лопатку, выбрал место и начал копать могилу для погибшего геолога.

Кирилл не знал, какой тот был веры, так что поставил крест в голове, а внизу на небольшой деревянной плахе вырезал звезду. Потом поскидывал бандитов в промоину, плюнул на прощание и, решив, что для них на этом ритуал закончен, принялся за ревизию вещей, которые потащит к людям. Маленькая надувная лодка, входившая в обязательный комплект снаряжения, позволяла не думать об излишнем грузе, и распихав свое имущество обратно в рюкзак, Кирилл лишь натянул сверху брезентовый «пузырь» геолога, на чём маскировку счёл достаточной. В чёрную куртку, сделанную из чего-то, напоминающего издали ткань, завернул калашниковы и моссберг, а пистолеты и мосинку просто закопал, завернув в полиэтилен, поскольку «Грач» в смысле удобства был куда лучше, а тяжеленная пехотная винтовка была вообще ни к селу ни к городу. Затем завернул в плотный мешок из полиэтилена всю электронику, включая шлем, и упрятал на дно рюкзака, сложив сверху свои продукты и то, что он забрал у бандитов.

Несмотря на приличный груз, лодка из пластика, армированного кевларовой нитью, присела незначительно, потому что предназначена была на трёх взрослых мужчин с грузом.

Конечно, его вид никак не дотягивал до жителя СССР тридцатых, но по здравом размышлении Кирилл решил не маскироваться под местного. Всё же слишком велика разница во всём, включая полное незнание реалий этой жизни.

Через пять суток пути из-за поворота реки, навстречу, бодро пыхая угольным дымом, показался небольшой пароход типа буксира, и Кирилл, громко крича, замахал белой тряпкой.

С буксира тут же спустили сходни, и его вместе с лодкой подняли на борт, где трое бородатых мужиков пялились на незваного гостя, пытаясь понять, что же за чудо принесло им на речной волне.

– Ай эм амэрикен пайлот! – Кирилл руками показал нечто вроде крыльев. – Краш, – вроде как старательно выговаривая слова русского языка, смотрел на чешущих в затылке речников. – Мнье нато в Эн-Ка-Ве-Де. Срьочно.

– И чо будем делать, Петрович? – Тот, который был помоложе, в перемазанной мазутом и пропитанной угольной пылью тужурке, всё суетливо растирал грязь на руках чёрной от смазки ветошью и поглядывал на седовласого мужчину, одетого так же, но почище, и щеголявшего фуражкой. – А можа, он какой шпиён, а?

– Чего орёшь? – хмуро осадил механика Петрович, зажав в пожелтевших зубах самокрутку. – Был бы шпион, на хрена ему в НКВД? Сдаться? – И повернувшись к офицеру, неожиданно выдал на вполне приличном английском: – Where are you from?

– United States. California… – радостно выпалил Новиков и, демонстрируя «голливудскую» улыбку, добавил: – Soviet – Americans – friends!

– Ладно, – Петрович кивнул, пыхнул едким дымом и улыбнулся сквозь дым, словно в голливудском кино. – Похоже, действительно американец. Пойдём в Анадырь. Тут, я думаю, всяк дело серьёзное. – Он повернулся к молча стоявшему мужчине в ватнике: – Ты, Палыч, постели гостю в кают-компании, а барахло его в рундук и под замок. Чую я, дело секретное! – Он потопал в рубку, и уже через минуту катерок, заложив вираж, пыхтел в обратном направлении.

2

Путешествуя, не заезжай слишком далеко, а не то увидишь такое, что потом и забыть будет невозможно…
Даниил Хармс

Клим Петрович Шалавин разменял уже шестой десяток и на своем не таком уж и коротком веку повидал многое. И многих. В том числе – и американцев. Еще при царе ходил Клим матросом во Фриско, да и на Аляске бывал. Насмотрелся на американцев, и когда с берданкой в партизанском отряде геройствовал. А потом, во Владивостоке, уже при нынешних властях, тоже не раз встречал заокеанских детинушек, что жуют табак или резину, ровно твои коровы. Для того-то и языку набалтыкался – дюже тяжко немтырям этим на пальцах все растолковывать. Но вот такого американца он видел впервые. Странный какой-то – страннее некуда!

Попыхивая самосадом-зеленухой[2], Клим Петрович бурчал себе под нос:

– Мериканец, ага… А говорит чудно.

Действительно, их найденыш в разговоре почти не двигал челюстями. Все вроде правильно, по выговору судить – южанин, встречал Шалавин на своем веку парняг из Техасу, Луйзияны, Георгии, но чтобы вот так говорили?.. Да любой мерикан, будь он хоть с Севера, хоть с Юга, хоть с Фриско, варежку первым делом раззявит и лыбится – чисто дурачок! А у этого лицо застывшее, и даже когда улыбается – одни губы растянет, а в глазах – хоть бы смешинка! Навидался Клим Петрович таких, когда колчаковцев и японцев в тайге привечал. Взгляд – лед ледяной, и на мушку такому попал – перекреститься не успел, как уже с небесными угодниками беседуешь.

– Лоцман, как же[3], – ворчал Шалавин, весь в облаках сизого дыма. – Ежели он лоцман, так я – мля, Кацман! Убивец, поди, из заокеанских большевиков… В гэпэу – тьфу, прости господи! – в энкаведе простому мерикану делать неча, а вот ежели такому… – Доворчать он не успел. Говорят же: «Помяни черта – он и объявится». Вот и этот «лоцман» нарисовался, незван, непрошен. Миску протягивает, а в миске… Мать моя, кержачка сибирская! В миске ароматным парком исходят мясо и бобы в красном соусе помидорном.

– Here you are[4]… – Во! снова улыбка его одними губищами! – Прощу… Берьите…

Вкусно… Дык, понятно, что скусно. Язви его, из своих запасов, поди, сварганил. Вот тоже новость. Да ни единый американец, не говоря уж об англичанине – а Клим Петрович видывал и их – в жисть ничего за так не сделает и не отдаст. Ну, разве что водочкой – уиски или джин, по-ихнему, поднести может, ежели праздник, наприклад, какой. А вот чтоб еду, да еще сам сготовил… Чудной мерикан, что и говорить, чудной… Такому и впрямь – только в энкаведе и место!

Рацион в виде ячневой каши с солёной рыбой был путешественником во времени категорически забракован, и пришлось доставать банки с тушёнкой и прочими вкусностями из собственных запасов и из запасов убитых бандитов, уничтожая по возможности этикетки или затирая даты. Для этого, правда, пришлось взять готовку на себя, но речные волки не возражали, так как качество еды сильно улучшилось.

Заправлялись углём и водой в каких-то мелких городках и селениях раз пять, но в итоге катерок, гордо дымя трубой, вошёл в залив Онемен, где и стоял Анадырь.

---

[2] Табак, выращенный в маленьких частных хозяйствах, не подвергавшийся ферментации, а просто высушенный.

[3] Английское слово «pilot» в 30-х годах XX столетия переводилось исключительно как «лоцман», летчика же называли «airman» – авиатор. Новиков просто не знал историю развития языка – не тому учили…

[4] Вот, пожалуйста (*англ.*).

Сразу же по прибытии капитан куда-то исчез, а через полчаса имущество Новикова и его самого погрузили на телегу и, в сопровождении солдатика в застиранной до белизны гимнастёрке, вооруженного мосинкой с примкнутым штыком, повезли по пыльным улицам. Люди, видя телегу под конвоем солдатика ВОХР, поглядывали с интересом, но без излишнего любопытства. Здание, в котором находилось местное отделение НКВД, представляло собой трёхэтажный деревянный дом, явно принадлежавший ранее какому-нибудь купцу. Стоило телеге остановиться, как из дверей показался сержант в зелёной с синим форме и с большой кобурой на поясном ремне.

– Тебе чего, Василич? – Тут его взгляд скользнул по Новикову, и рука потянулась к кобуре. – Шпиона привёз, что ли?

– Ноу, я не шпион. – Кирилл растянул губы в резиновой улыбке. – Американ ситизен. Гражьданьин. Ай'м вонт нашальник ЭнКаВеДе. Срочно!

– Так, – сержант уже сделал какие-то выводы и кивнул вознице: – Давай во двор. Вещи занесёшь в сени, там оставь.

– Ноу сеньи! – Новиков замахал руками. – Охрана, секрьетно!

– Тьфу тебя, чёрт нерусский! – Сержант вздохнул и неожиданно гаркнул во всю глотку: – Иванцов, Капустин!

Сразу же из дверей выскочили пара солдатиков в белых гимнастёрках с помятыми от сна лицами.

– Всё, что лежит на телеге, под охрану. Глаз не спускать. Если что… – он ловко выдернул наган из кобуры и красноречиво крутанул барабан.

– Понятно… – один из бойцов кивнул и, приняв лошадь под уздцы, стал заводить её во внутренний двор.

– Пойдём… – сержант кивнул и пошёл вперёд, а Кириллу ничего не оставалось, как следовать за ним.

Кабинет начальника окружного НКВД находился на втором этаже в бывшей столовой купца, что следовало из не вывезенных деталей интерьера. Не вписывался в картину лишь тяжелый двухтумбовый стол, покрытый зелёным сукном, и роскошный кожаный диван. За столом сидел широкоплечий мужчина лет тридцати и что-то сосредоточенно писал в толстой книге, которую в те года называли амбарной. Потом поднял голову и устало посмотрел на сержанта:

– Ну чего тебе, Сытин? Кого привёл?

– Вот, требует вас, товарищ капитан госбезопасности, – нейтрально произнёс сержант. – Говорит, из Америки. – Он тактично отошёл назад, давая Новикову возможность говорить.

– Съекретный груз. Нужно подньять зюда. Говорить.

Капитан госбезопасности положил перо на письменный прибор и протер усталое лицо ладонями.

– Давай, Сытин. Пусть поднимут вещи.

– Есть! – Сержант куда-то испарился, а капитан очень внимательно прошёлся по фигуре пришельца, задержавшись на ботинках и камуфляжной куртке.

– Да. Странный вы, гражданин. Даже для американца.

– Давайте сразу договоримся, – произнёс Кирилл на нормальном русском. – Мне нужно в НКВД в Москву, к Лаврентию Павловичу Берия или Всеволоду Николаевичу Меркулову. Я могу показать вам кое-что, но есть шанс, что вас, как видевшего слишком много, просто запрячут подальше.

– Куда уж дальше… – Капитан неожиданно улыбнулся. – Давай показывай, что там. Золотой самородок? Или ещё что нашли?

Вытащив свой мобильник и включив заранее заготовленный ролик, Новиков положил его на стол перед офицером, внимательно отслеживая реакцию собеседника. Все пять минут, пока шёл короткий фильм о пилотаже Су-50, капитан просидел молча и, похоже, даже не дыша.

– Товарищ капитан, куда сгружать?

Рефлексы у энкавэдэшника оказались правильными. Он мгновенно прикрыл смарт каким-то документом и подбородком показал в угол кабинета.

– Давай бросай туда, я разберусь.

Через минуту, когда солдаты ушли, он медленно, словно боясь, что под бумагой ничего не окажется, убрал документ и посмотрел на почерневший экран:

– Что это было?

– Самолёт. – Кирилл пожал плечами. – Лучший, конечно. Чуть меньше, чем через сто лет, такие будут в воздухе. Могу ещё кое-что показать. – Он достал из рюкзака пластиковый пакет и вынул защищённый планшет, за который в своё время отдал кучу денег.

Несколько касаний экрана, и на его поверхности высветилась карта России, испещрённая значками.

– Вот так можно увеличить масштаб. Это золото, это комплексные никельсодержащие руды, из которых добывают и золото, и платину, это нефть… Ну, тут много всего.

– Дела… – Начальник краевой госбезопасности побарабанил пальцами. Но соображал он быстро. – Так. Я на радиостанцию, свяжусь с Москвой. А вы пока отдохните. Это недолго. У нас здесь аэродром свой, так что если что, за четыре дня будем там. – Капитан поднял напряжённый взгляд. – Охрана у дверей, это для вашей же безопасности.

– Не надо охрану, – Кирилл покачал головой. – Это моя страна, и сбежать я могу только на фронт. А насчёт безопасности… Лучше не отправляйте никаких шифровок. Просто погрузимся в самолёт и летим. На месте разберёмся. И это… Сделайте мне документы. Хотя бы паспорт.

Как уже было отмечено, думал энкавэдэшник быстро.

– Да… – он кивнул. – Думаю, это правильно. У нас тут такие дела творятся… – он махнул широкой, словно лопата, рукой. – Корейцев вот выселяют. А звание у вас какое?

– Ушёл подполковником, – Новиков улыбнулся, заранее предчувствуя реакцию.

– Что значит ушёл? – капитан нахмурился.

– У нас есть такая организация – Гохран. Государственное хранилище ценностей Минфина. Им срочно потребовался человек, вот меня и перевели. Занимался безопасностью приисков, поиском всяких гадов – ну, в общем, хватало забот.

– Минфин – это что?

– Ну, по-вашему – Наркомат финансов.

– А… – лицо энкавэдэшника сразу просветлело. – Ввели, значит, снова звание для помощника командира полка[5]. – Он шагнул в коридор и, достав из кармана огромную связку ключей, открыл небольшую комнатку, которая, видимо, служила кладовкой. Теперь здесь стоял широкий кожаный диван, пара стульев и широкий платяной шкаф.

Они быстро перетащили вещи в комнату, капитан отцепил ключ от связки и протянул его Кириллу.

– Держи. Ключ единственный, так что тебя никто не побеспокоит. Я быстро.

Пока начальника не было, Кирилл, как бывалый походник, сразу соорудил себе чайку на крошечной горелке, и даже успел закусить печеньем из сухпая, когда ручку двери подёргали на себя.

– Я тебе точно говорю, здесь он. Больше негде.

Потом раздался аккуратный стук в дверь и негромкий голос:

[5] Звание «подполковник» было введено только в 1939 г.

– Мистер Питерс, вы здесь?

Пакет с оружием лежал совсем рядом, и, подхватив калашников, Кирилл успел передёрнуть затвор, прежде чем двери распахнулись. Видимо, информация о единственном ключе оказалась не совсем верной.

На пороге стояла троица граждан, одетых в сапоги, широкие штаны, парусиновые пиджаки и картузы, а в руках они держали револьверы, причём у одного из них был настоящий кольт.

Вся картинка пролетела перед его глазами, словно брошенная мимо фотография.

Три молниеносных удара, от которых никто из гостей не смог защитится, – и все валятся на дощатый пол.

Связав им руки капроновым шнуром, Кирилл, не обращая внимания на постанывающих пленных, допил чай и как раз смотрел в окно, когда перед зданием остановилось нечто колёсное, порыкивающее мотором, откуда вылетел главный энкавэдэшник и рысью кинулся в здание.

– Вот ни хера ж себе! – произнёс он, глядя на тела с набухающими кровоподтёками на лицах. Склонившись над одним из неудачливых налётчиков, он перевернул того на спину. – Кого я вижу, ипать-колотить! Сам полковник Хватов, собственной персоной. Не думал я, что свидимся. – На лице капитана заиграла такая мечтательная улыбка, что сразу становилось понятно – этой встречи начальник окружного НКВД давно ждал, а полковник, скорее всего, ее не переживёт. – А кто тут ещё? Ба, знакомые всё лица. Ротмистр Кобылкин. Тоже уж не чаял встречи. А этого не знаю. – Он поднял взгляд на меня: – Ну, удружил, подполковник. Пепеляевцы это. Года три назад вырезали рабочий посёлок, так даже детей не пожалели. Они, видать, засекли, когда тебя везли, и решили, что это кто-то из ихних. Век не забуду. Теперь и помирать не страшно.

– Рано нам помирать. Давай, сбагривай этих, и вперёд. У нас с тобой сейчас другие задачи.

Капитан встал и протянул руку:

– Пётр Вольский.

– Кирилл Новиков, лучше просто Кир… – Подполковник с удовольствием пожал твёрдую сухую ладонь.

– Кир так Кир, – Пётр кивнул и, сделав два шага, выглянул в коридор: – Мальцев, Кисин!

Подбежавших на крик командиров капитан Вольский распекал, прикрыв двери комнаты, но слышно всё было прекрасно.

Вместе с описанием служебных и интеллектуальных качеств неизвестных Кириллу Мальцева и Кисина тот узнал, что капитан имел половые связи с их родственниками по материнской и даже по мужской линии, и ещё много чего. После этого капитан лично выволок связанных пепеляевцев в коридор, откуда их переместили в подвал.

Пока шла суета, вызванная визитом белогвардейской банды, капитан притащил в комнату форму с лейтенантскими петлицами, три почтовых мешка из толстой прорезиненной ткани и умчался дальше по своим делам, а Кирилл принялся переодеваться.

Некоторое затруднение вызвала попытка пристроить «Грача» в нагановскую кобуру, но потом, плюнув на конспирацию, он просто перевесил свой пистолет вместе со штатной тактической кобурой на новый ремень.

К очередному визиту Новиков уже стоял в форме – синий низ, зелёный верх – и, согнав складки гимнастёрки назад, смотрел на себя в зеркало. Форма была немного мала в плечах, и чуть коротковаты рукава, но если не особенно приглядываться, то всё легло довольно прилично.

– Хорош. – Пётр кивнул и, внеся в комнату фотоаппарат на массивной деревянной треноге, посадил подполковника на фоне белой стены. – Сиди смирно. – Он снял крышку с аппа-

рата, сделал один оборот рукой вокруг объектива, закрыл его и, бросив: – Жди! – ушел, унося аппарат с собой.

Через сорок минут, в течение которых Кирилл успел почитать на ридере очередную главу какого-то мозгоразжижающего фэнтези про эльфов, орков и могучих колдунов, капитан вернулся, неся в руке тоненькую стопку документов.

– Держи, – он вручил попаданцу книжечку временного удостоверения сержанта милиции[6], – Кирилл Андреевич Новиков. Это удостоверение и командировочное предписание. Приказом проведён как привлечённый специалист, так что всё нормально. Самолёт только сел, так что пока они его разгружать будут, пока снова почтой загружать, заправлять да проверять – куча времени пройдёт, а мы через пару часов поедем на аэродром… – Тут его взгляд упал на чёрную капроновую кобуру. – М-да… – Через несколько секунд он махнул рукой: – Ладно. Пусть будет. Лучше такая штуковина, чем незнакомый ствол. Стреляешь прилично? Ну и ладненько. Займись тогда чем-нибудь. Я за тобой зайду.

Не дожидаясь ответа, он покинул комнату, а Кирилл запер двери, снял пахнущую нафталином фуражку и снова погрузился в мир магии.

А через полтора часа они уже стояли перед изрядно побитым арктическим климатом и трудовой жизнью Юнкерсом F-13, вокруг которого суетились техники.

Машина Кириллу показалась тесной. Четыре пассажирских места располагались в два ряда, за которыми был отсек, где навалом лежали точно такие же мешки, в какие упаковали вещи Новикова, только с почтой, и какие-то ящики.

Несмотря на скептическое к себе отношение со стороны человека двадцать первого века, творение господина Юнкерса бодренько взревело мотором и покатило по полю, слегка подпрыгивая на кочках, а уже через пять минут, набрав высоту около двух тысяч метров, взяло курс на запад.

Маршрут, пролегавший через всю страну, занял чуть меньше четырёх суток, включая посадки на промежуточных аэродромах, отдых экипажа и погрузочно-разгрузочные работы.

Припасов капитан захватил с собой на два таких путешествия, но рестораны в аэропортах они всё же посещали, и Кирилл, отметив про себя отличное качество еды, хотя и в скромном ассортименте, вовсю глазел по сторонам, впитывая эту пока ещё чужую для себя жизнь. Девушки ходили в основном в лёгких платьицах из тонкого ситца, туфлях и ботиночках, которые надевали на носочки или вообще на голые ноги. Женские чулки здесь были весьма дорогой одеждой, потому что делались из тончайшего шёлка, а время синтетики ещё не наступило. Мужчины почти все были в брюках, многие – заправленных в сапоги, пиджаках и головных уборах, среди которых первенство держали фуражки, лёгкие матерчатые картузы и кепки светлых тонов.

Вообще, всё смотрелось таким пасторально-уютным и домашним, что хотелось непрерывно улыбаться, словно вернулся в детство.

Пару раз подходили милиционеры в белой форме и просили предъявить документы, что Вольский и Новиков и делали, после чего коллеги, коротко козырнув, удалялись дальше бороть преступность.

[6] Персональное звание, введенное 26 апреля 1936 г. Соответствовало званию сержанта государственной безопасности и лейтенанту РККА.

3

Организация – это удлинённая тень одного-единственного человека.
Ральф Эмерсон
СССР, Москва

В Москву прилетели часов в десять утра и сразу же, погрузив всё имущество в Газ-А[7], покатили куда-то в сторону центра.

– Куда сейчас? – нейтрально спросил Кирилл.

– К другу моему, – капитан улыбнулся. – Вместе басмачей гоняли. Человек-кремень. Если ему не верить, то веры вообще никому нет. Он сейчас в центральном аппарате, занимается чем-то очень важным. Это, кстати, его машина.

– Нам вообще-то желательно как можно быстрее наверх забраться… – Новиков покачал головой. – Но тебе видней.

– Видней… – Пётр вздохнул и отвернулся к окну.

Через час они подъехали к небольшому трёхэтажному дому в тихом московском переулке и, поднявшись на второй этаж, занесли вещи в просторную квартиру, заставленную массивной мебелью.

По привычке Кирилл сразу занялся проверкой жилья на предмет подслушивающей техники и обнаружил аж шесть микрофонов, установленных во всех комнатах, кухне и даже в ванной.

Молча взяв под руку капитана, показал ему места закладок и развороченную настольную лампу с миниатюрным (для этого времени) микрофоном «Вестингауз Электрик» и, оставив того в тяжких раздумьях, пошёл на кухню заваривать чай.

Чай недурного качества нашёлся в старой потёртой жестяной коробочке. Заварив его в пузатом фаянсовом чайнике, Новиков позвал капитана.

Пока употребляли бутерброды с дальневосточной копчёной рыбкой и красной икрой, никто не проронил ни слова.

Через полчаса, так же молча, капитан собрался и, тщательно осмотрев себя в ростовом зеркале, оглянулся и, сделав жест, который был интерпретирован как «бди!», убыл в неизвестном направлении.

А чего тут бдить? Достав из малого походного набора длинный кнаufовский шуруп, подполковник вкрутил его так, что теперь дверь можно было вынести лишь ударом кувалды. Потом уничтожил все подслушивающие устройства, поставил смарт на зарядку, принял душ, и на этой оптимистичной ноте и завалился спать прямо в гостиной, накрывшись термонакидкой.

А капитан, сделав контрольный крюк по городу, поехал в ещё один неприметный особняк, тоже принадлежавший ИНО ГУГБ, где его ждал старый друг и соратник Глеб Россохин.

– Садись. – После того как друзья обнялись, Глеб снял портупею и, достав из объёмистого портфеля пару бутылок коньяка, сел на потёртый табурет.

– Нет, Глеб, – Пётр остановил руку товарища, уже готового содрать пробку с коньячной бутылки. – Потом. Сейчас поедем.

– Туда? – Глеб, ни капли не удивившись, стал вновь надевать «сбрую».

– Да. И кстати. Мой гость нашёл там уши. Уж не знаю чьи…

– Ерунда, – майор госбезопасности махнул рукой. – Не может там быть ничьих ушей. Сто раз проверенная точка.

---

[7] *Газ-А* – марка советского легкового автомобиля.

Капитан достал из кармана небольшой эбонитовый кругляш с косо обрезанным проводом.

– Было в лампе.

– Так. – Майор вспоминал, какие встречи и с кем проходили в этой квартире, и получалось, что если прослушка там давно, то всё было очень плохо.

– Суки! – Он сжал губы и посмотрел в глаза товарища: – Найду кто, кишки заживо выну.

– Вынешь, конечно, – легко согласился Пётр. – Но потом. Сначала поговоришь и послушаешь одного человека.

В машине, которой управлял сам майор, немного пообщались и уже через полчаса поднялись на второй этаж, где Пётр уверенно нажал кнопку электрического звонка.

– Кир, открывай, свои.

– Сейчас, – раздался голос, приглушенный дверью. Потом в двери что-то скрипнуло, и через пару минут она распахнулась.

На пороге стоял незнакомый Глебу сержант милиции или лейтенант войск НКВД с холодным стальным взглядом, а в руке его была… отвёртка.

– Контроль двери, – пояснил он в ответ на немой вопрос Петра. – На всякий случай. Не люблю нежданных гостей.

Когда офицеры вошли в гостиную, «лейтенант» быстро свернул странно шуршащую золотую ткань и вопросительно посмотрел на капитана.

– Показывай, – коротко произнёс тот, и лейтенант, пожав плечами – мол, тебе видней – достал из кармана бриджей пластину чёрного цвета со скруглёнными краями.

– Вам бы, товарищ майор, присесть бы, – он беззлобно улыбнулся.

– Давай, показывай. Я такого, брат, навидался, что на десяток таких, как ты, хватит.

– Это вряд ли…

Кириллу майор понравился сразу. Взгляд твёрдый, уверенный, глаза красные от недосыпа, а форма выглядит так, словно вчера из ателье.

Он включил очередной ролик на смарте и, запустив проигрыватель, поднёс его к глазам гостя. Ничего особенного, просто компьютерная анимация работы системы боевого управления ОКБ Новатор. Но красиво сделанный. Взлетали ракеты, крутились антенны систем ПВО, над маленькой землёй летели спутники связи, и работал самолёт ДРЛО. Всё это перемежалось кадрами реальных боевых стрельб, внутренностей боевых машин и центров управления.

– П…ц! – Майор плюхнулся на диван и прикрыл глаза. – Ожидал всего что угодно, даже того, что Петя принесёт в клюве коды связи Квантунской армии. Но такое…

– А что, сильно надо? – Кирилл пожал плечами. – Если есть радиоперехват, то можно попытаться дешифровать. Но сразу говорю, что у вас везде утечки. Шпионов и просто подонков реально много. Так что нужно прорываться на самый верх.

– А почему Берия и Меркулов? – спросил не отошедший от шока майор. – Насколько я знаю, Меркулов сейчас в Грузии на партийной работе, а Берия – там же в Закавказье. Первый секретарь…

– Просто эти люди будут в числе первых расстрелянных после смерти Иосифа Виссарионовича. А поскольку это дело рук настоящего иуды, то значит, люди правильные. Кроме того, оба в скором времени должны занять руководящие места в НКВД. Но я просто не знал, что их ещё не назначили. С историей у меня не очень.

– С историей, – майор усмехнулся. – Для нас это будущее. Но тут ты прав. Нужно прорываться на самый верх, к Хозяину. Есть у меня один вариант. Есть… – он кивнул и задумался. – Я так понимаю, микрофоны здесь ты убил?

– Сразу, – Новиков кивнул. – Сейчас не до игр.

– Это точно. – Глеб встал и подошел к телефону. Номер был всего из пяти цифр, и через минуту он уже разговаривал с кем-то, кого вежливо называл «товарищ майор».

– Да, это срочно, – майор кивнул невидимому собеседнику. – Товарищ майор, сведения чрезвычайной важности и срочности. Я готов ответить по всей строгости революционного закона, но мне просто необходимо увидеться с товарищем Сталиным. Я готов сначала рассказать всё вам, и если на это будет ваше решение, встретиться с товарищем Сталиным. – Он помолчал, слушая собеседника, несколько раз кивнул и через некоторое время, коротко бросив: – Слушаюсь! – положил трубку.

Майор вздохнул и посмотрел на сидящих на диване гостей:

– Одеваемся. Иосиф Виссарионович сейчас в Кремле. У Боровицких нас встретят и проводят.

– А с кем это вы разговаривали? – спросил Кирилл и наткнулся на улыбку Глеба.

– Майор госбезопасности Николай Сидорович Власик. Начальник охраны Хозяина. Мы как-то познакомились на мероприятии, он даже переманивал меня к себе в службу, да не срослось… – Он мельком глянул на часы: – Всё, по коням, товарищи. У нас всего полчаса.

В большой кожаный портфель лёг планшет, смарт и поисковый детектор, а остальные вещи уложили в багажник.

Машина, словно выпущенная из катапульты, летела по полупустым улицам Москвы. Той скученности и пробок, которые станут визитной карточкой мегаполиса, не было и в помине. Только на мосту движение было ощутимым, но всё же совсем не таким, как в двадцать первом веке. Въезд в Кремль перегораживал шлагбаум, возле которого стоял красноармеец с винтовкой в руках, а рядом нетерпеливо прохаживался офицер в кителе и с большой кобурой на поясе. Завидев машину, он жестом показал, куда ехать. Проехав по Кремлю буквально двадцать метров, они вышли.

– Пойдёмте, – офицер мотнул головой и, не оглядываясь, быстро пошёл вперёд, так что им оставалось лишь поспешать.

Кремль предстал почти таким же, как его помнил Кирилл, только без помпезного Дворца съездов. Они прошли по кремлёвским дорожкам совсем немного, пока не упёрлись в красивый двухэтажный особняк, возле которого уже стоял коренастый широкоплечий мужчина в форме. Потом зашли в небольшую комнату, в которой, видимо, отдыхали охранники, и когда расселись, Власик строго посмотрел на майора:

– Ну что там у тебя?

И Кирилл вновь полез за смартфоном, радуясь, что зарядил его, когда была возможность.

Кино начальник сталинской охраны смотрел не отрываясь, словно боялся, что аппарат исчезнет, стоит ему отвести взгляд.

Кирилл прокрутил ему и ракетные стрельбы ТАРКР «Петр Великий», и даже собственноручно снятую атаку Ка-52. Не то чтобы Кирилл был заядлым милитаристом, но мощь такой техники завораживает. Впрочем, судя по эффекту, не его одного. Власик сидел в совершеннейшей прострации, пытаясь собрать мысли в кучу, и получалось, как видно, не очень хорошо.

Наконец он очнулся и уже совершенно другими глазами посмотрел на Новикова:

– Откуда это?

На что получил совершенно правдивый и точно такой же сакраментальный ответ:

– Оттуда.

– Пойдём.

Кирилл понимал, куда его поведут, поэтому демонстративно открыл портфель и показал планшет, поисковый прибор и то, что кроме этого там ничего не было. Начальник сталинской охраны только кивнул, разрешая взять всё с собой, и они пошли.

Власик сразу прошёл в кабинет вождя, оставив Кирилла в приёмной, где за столом сидел маленький лысый человек с твёрдым взглядом.

Новиков поставил портфель у ног, присел на жёсткий стул и прикрыл глаза, привычно контролируя всё, что происходит вокруг.

Через пять минут Власик высунулся из полуоткрытой двери и сделал движение головой, которое Новиков расценил как приглашение и шагнул вперёд. Но в дверях Власик решительно протянул руку и хотя и вежливо, но не терпящим возражения голосом произнес:

– А вот портфель ваш я сам занесу, – и Кириллу ничего не оставалось, как, согласно кивнув, передать бесценную ношу.

Кабинет на втором этаже Сенатского дворца был довольно внушительным по размерам, явно больше ста метров, и довольно аскетично обставленным.

Фактический глава советского государства стоял у окна и сделал широкий жест:

– Заходите, присаживайтесь, товарищ.

К удивлению гостя, акцент практически не чувствовался. Сталин говорил на чистом русском, ну может, чуть мягче и напевнее.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – и Кирилл присел на ближайший стул.

Спиной он чувствовал, как Власик остановился в двух шагах за ним, хотя начальника охраны Сталина было не только не видно, но и совершенно не слышно.

– Показывайте, чем это вы так впечатлили товарища Власика. А то он не смог и двух слов связать. Всё твердил, что я должен это видеть сам. – Иосиф Виссарионович скупо улыбнулся.

– Хорошо, товарищ Сталин, – из-за плеча перед Кириллом появился портфель, уже открытый. Новиков включил многострадальный смарт, но в отличие от предыдущих сеансов, встал и начал давать пояснения.

– Это атака пары винтокрылых штурмовиков на позиции мятежников. Машины такого типа сейчас разрабатываются в США конструктором Сикорским и, насколько я знаю, в СССР этим занимается конструктор Камов. Это, кстати, именно его КБ сделает через семьдесят лет такую технику.

Мощь пары «Чёрных акул» конечно же впечатляла и подавляла. После их прохода, кажется, горела даже земля. Потом включился кусок из фильма о пилотаже Су-50. Хищно распластанные тела истребителей пятого поколения творили в воздухе немыслимое, чуть не летая хвостами вперёд.

– Это пара новейших истребителей Су-50. Взлётная масса тридцать пять тонн, максимальная скорость – две тысячи шестьсот километров в час. Для него делают управляемые ракеты дальностью четыреста километров. А это стрельбы атомного ракетного крейсера «Пётр Великий». Каждая такая ракета гарантированно потопит крейсер, а пара – линкор типа «Шарнхорст».

– Знаю такой корабль. Утопить его парой реактивных снарядов – это сильно. – Поскольку ролики кончились, Иосиф Виссарионович развернулся в сторону подполковника: – Так откуда же вы к нам прибыли?

– Из две тысячи четырнадцатого, товарищ Сталин. Преследуя банду на Анадырском нагорье, случайно перешёл в это время. Бандитов уничтожил, но, к сожалению, подстреленного бандитами геолога из этого времени спасти не успел. Он умер у меня на руках. Потом посмотрел его документы, поискал радиостанции в эфире и понял, что каким-то образом передвинулся во времени. Сначала вернулся назад, но потом подумал, что мои знания, мои навыки и информация могут здорово помочь СССР, и совершил обратный переход.

Сталин встал, прошел к своему столу и стал неторопливо набивать трубку табаком, который крошил из папирос.

Увидев, как жадно Кирилл смотрел на это действие, мундштуком трубки пододвинул пачку в его сторону.

– Курите, товарищ.

– Я не курю, товарищ Сталин. Просто эта ваша привычка высыпать табак из папирос описана в таком количестве фильмов и книг, что для меня это ожившая легенда.

– А что вообще говорят о нашем времени потомки? – спросил Иосиф Виссарионович после долгой паузы.

– Разное. В двадцать первом веке можно говорить практически всё, что думаешь. Кто-то считает вас тираном, кто-то палачом, но подавляющее большинство, уверен, с радостью увидело бы вас на посту руководителя государства снова. Нынешнему руководству, на мой взгляд, иногда не хватает решимости и жёсткости. Что, в свою очередь, порождает расхлябанность в суждениях и поступках у некоторых… граждан.

– А чем вы занимались там, в своём времени?

– Двенадцать лет служил в специальных подразделениях главного разведывательного управления Генштаба, потом был переведён в оперативно-поисковое управление Гохрана с сохранением звания и выслуги.

– Звание?

– Подполковник.

– Вы что-то говорили об информации? Всё в этой коробочке? – Сталин встал и снова подошел к смарту, сиротливо лежащему на столе, покрытом зелёным сукном.

– Нет, конечно… – Кирилл усмехнулся. – Вы позволите?

После кивка он поставил портфель на стол, достал десятидюймовый защищённый планшет и, водрузив на стол, включил.

– Вот то, – Новиков качнул головой в сторону смарта, – конечно, круто. В одной коробочке и фотоаппарат, и средство связи, и многое другое. Вершина наших технологий в этом сегменте. Но из-за маленького экрана пользоваться неудобно. А это именно для того, чтобы просматривать документы, карты…

– И много их там? – в голосе вождя едва заметно проскальзывал лёгкий скепсис.

– Много, – гость уверенно кивнул. – Вся библиотека имени Ленина заняла бы едва треть места, а может, и меньше. Это в своём роде шедевр технологий. Несмотря на хрупкую начинку, выдержит даже падение с двухметровой высоты на бетонный пол в любом положении. Но кроме этого – очень хороший экран и многое другое.

К этому времени планшет загрузился, и Кирилл вывел на экран карту месторождений. Пододвинув устройство к Сталину, встал за его спиной, готовясь давать пояснения.

– Это карта месторождений. Здесь всё, что нашли к нашему времени, включая космическую разведку. Вот так можно увеличить масштаб. Чтобы прочитать о месторождении, нужно просто коснуться пальцем значка, и система выведет все данные. Глубина залегания, размеры, форма рудного тела, плотность и процентное содержание полезного металла.

– Да… Всю геологоразведку можно переориентировать на другие цели. – Сталин, зажав погасшую трубку в кулаке, горящими глазами смотрел на карту, а перед его глазами проходили сотни заводов и фабрик. – Отлично, просто отлично. А что ещё есть в вашем замечательном приборе?

– Книги. – Кирилл улыбнулся. – Тысяч триста наименований. Большинство, конечно, мусор, всякая художественная литература, но есть и ценные для текущего момента экземпляры… – Он вывел меню букридера и быстро нашёл технический раздел. – Например, учебник по металлургии для высших учебных заведений образца две тысячи девятого года или боевые уставы. Всё, что являлось секретом до шестидесятых годов, а может, и дальше, в двухтысячных открыто преподаётся в высших учебных заведениях. А вот, например, учебник по шифрованию и дешифровке. Но кстати, здесь есть специальная программа по дешифровке кодов, так что можно взломать всё, что есть на текущий момент. Не всё быстро, но думаю, дней за пять – десять он расколет любой шифр этого времени.

Судя по лицу, руководитель Советского государства задумался очень сильно, поэтому Новиков, чтобы не отсвечивать, присел в уголке и стал рассматривать убранство кабинета.

Примерно через десять минут Сталин повернулся в его сторону и, видимо, уже приняв решение, посетовал:

– Жаль, что у вас только один такой прибор, товарищ помощник командира полка… – он улыбнулся и разгладил усы.

– Можно переснять текст и фотографии с экрана на любую фотокопировальную технику. Заодно, кстати, и почистить текст от артефактов типа года выпуска и прочего. Видео можно переснять точно так же.

– Вы умеете всё это делать? – Сталин не удивился, а скорее выразил некоторое сомнение.

– Естественно, – Кирилл кивнул. – Я получил очень хорошее образование и умею пользоваться почти всей техникой. Особенно фотокопировальной и картографической. Но если идёт речь об ограничении посвященных людей, то можно воспользоваться тем, что есть уже два офицера ГУГБ, которые помогли мне выйти на вас. Это капитан – начальник анадырского краевого управления ГУГБ, и майор тоже откуда-то из ГБ. Я думаю, если они и не умеют работать на такой технике, обучить их не составит труда.

– А вы сами чем хотели бы заняться?

Подполковник ненадолго задумался.

– Если будет химическая лаборатория, могу сделать хороший прибор ночного видения. Разработки восьмидесятых годов двадцатого века. Там, в общем, ничего сложного нет. Можно будет сделать очки для ночных истребителей и ночные снайперские прицелы. Кроме того, я прихватил с собой вооружение и снаряжение, так что нашим конструкторам будет несложно повторить эти образцы. Там бесшумная винтовка, автоматический карабин и пистолеты. Кроме того, камуфляж, термонакидка, позволяющая ночевать на снегу, и многое другое. Всё это, я думаю, сохранит жизни наших бойцов.

– Вы говорите «наших»? – Сталин улыбнулся неожиданно тёплой улыбкой.

– Наших, товарищ Сталин, – Новиков уверенно кивнул. – Я присягал этой стране и собираюсь сдержать слово. Кстати, я рекомендовал бы вам прочитать для начала несколько книг, где описывается период с тридцатых по пятидесятые годы. Это ведь как заранее знать все ответные ходы противника и все свои ошибки. Конечно, можно наделать новых, но это маловероятно.

– Неужели наши решения были худшими из возможных? – Сталин нахмурился.

– Наоборот. Были практически оптимальными, учитывая имевшиеся на тот момент информацию и кадры. – Кирилл подошел к планшету и вывел на экран титульный лист трилогии Елены Прудниковой, свёрстанной в один файл. – Перелистывать как обычную книгу, справа налево или, если хотите вернуться, слева направо. – Проведя пальцем по экрану, Новиков показал, как это работает. – Там ещё много книг по войне. И Финской, и на Халхин-Голе, и Великой Отечественной.

– С Германией? – спокойно уточнил вождь, беря планшет в руки.

– С ней, – Кирилл кивнул. – Такая бойня будет…

– Я думаю, товарищ помощник командира полка, вам следует сейчас отдохнуть, но позже мы вернёмся к нашему разговору, – Сталин звонком вызвал секретаря. – Товарищ Поскрёбышев, выделите место для отдыха товарищу помощнику командира полка и сопровождающим его лицам и попросите зайти Власика.

4

Человек будущего уже среди нас.
Л. Толстой

Через десять минут всё имущество из двадцать первого века, а также Глеб, Пётр и Кирилл оказались в небольших трёхкомнатных апартаментах, где была спальня, гостиная и кабинет. У входа сразу встали два лейтенанта государственной безопасности, но ходить по корпусу Кирилл и так не планировал. Всё, что нужно было, и так рядом, включая огромную чугунную ванную, и даже новинку тех лет – холодильник «Дженерал Электрик», который здесь называли *электроледник*, или на заграничный манер – *рефрижератор*.

Через пару часов в судках принесли обед, и они втроём поели. Говорили мало, избегая политических тем, налегая в основном на истории из жизни и просто смешные байки. Новиков вставил свои пять копеек, поделившись рассказом про американца, делавшего антенну на мачте и спускавшего инструменты с помощью бочки. Хохот после рассказа стоял такой оглушительный, что офицеры даже не услышали стука в дверь, и посыльный лейтенант, на лице которого, казалось, не отражалось вообще никаких чувств, дождался тишины и коротко пригласил Кирилла пройти с ним.

В кабинете кроме Сталина был ещё один человек, которого гость узнал сразу. В основном благодаря демократически-либеральным пляскам вокруг договора, подписанного им вместе с Риббентропом.

– Присаживайтесь, товарищ помощник командира полка. Это товарищ Молотов Вячеслав Михайлович. Есть мнение, что так или иначе число посвящённых в эту историю придётся расширять, и он отныне тоже будет участвовать в этой работе. А сейчас мне бы хотелось, чтобы вы рассказали о себе.

– Новиков Кирилл Андреевич. Родился в тысяча девятьсот семидесятом году в Москве. Закончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики по специальности радиоэлектроника. Активно занимался спортом. После окончания прошёл офицерские курсы и был призван на годичную службу в качестве оператора систем радиоэлектронной борьбы. В ходе операции по подавлению радиообмена пришлось вступить в бой, и довольно удачно, так что меня сразу забрали к себе военные разведчики. Остался служить в частях специального назначения сначала в должности командира взвода, а потом и командира роты. Служил в разных местах, пока не оказался в составе группы ликвидаторов. Это…

– Не нужно, мы поняли, – Сталин кивнул. – Кто был объектом вашего внимания?

– В основном лидеры бандитских формирований, действовавших на территории Чеченской республики и Дагестана. Правда иногда приходилось выезжать и за рубеж. Моей специальностью были в основном несчастные случаи и так называемые «загадочные смерти». Для этого пришлось пройти дополнительную подготовку по медицине, фармакологии, химии и взрывотехнике.

– А взрывотехника зачем? – удивился Сталин. – Если это несчастный случай?

– Ну, не всегда это был именно несчастный случай, но взрыв бытового газа вполне соответствует этому определению, – пояснил Кирилл. – Потом работал инструктором в спецшколе, а два года назад, в две тысячи двенадцатом, после ранения, был переведён в Гохран в оперативно-поисковое управление, которое так и называлось – «Поиск». Занимался безопасностью приисков, отловом нелегальных золототорговцев, уничтожением приисковых банд и пресечением контрабанды золота. Работы, в общем, хватало. Потом в ходе поисковой операции догнал и уничтожил банду, как я понимаю, уже в этом времени.

– Я, кстати, прочитал то, что вы мне посоветовали, – глаза Иосифа Виссарионовича при этом как-то потемнели, и стало видно, что чтение не было лёгким. – Что ещё порекомендуете?

– Может, боевые уставы? – предложил Кирилл, чтобы как-то отвлечь от темы предательства ближайших соратников. – Есть как послевоенные, так и совсем новые, но они рассчитаны на совсем другую картину управления боем, когда командир знает состояние и местоположение каждого бойца, а командование знает численность и боеготовность каждого подразделения. Системы боевого управления двадцать первого века – это прежде всего связь, связь, и ещё раз связь.

– Боюсь, что это для нас несбыточная мечта, – Сталин вздохнул. – Радиостанций недостаточно, и мы просто физически пока не сможем насытить войска этими приборами.

– В том времени есть один анекдот, если позволите.

Сталин улыбнулся, и Новиков, посчитав это разрешением, рассказал о призывнике, которого не взяли в ВВС, и он попросился в ПВО со словами: «Если сам летать не буду, то и другим не дам».

– Системы подавления связи немного сложнее, но их нужно всего пару штук на участок в тридцать – сорок километров. Сделать такие устройства на базе существующей техники вполне реально, нужны лишь мощные передатчики и приёмники. У вермахта основная связь по радио, так что если обеспечить массированное и одновременное применение установок радиоэлектронной борьбы в начале войны, то потеря боевого управления гарантирована. Телефонную линию к танку или самолёту не привяжешь. И вообще, телефонная связь – она хороша лишь для обороняющейся стороны.

– Почему вы так уверены, что непременно будет война с Германией? – Молотов говоря чуть наклонялся вперёд, отчего взгляд получался исподлобья.

Сталин, уже получивший ответы на все вопросы, молчал, так что отдуваться пришлось гостю.

– Сейчас на восстановление германской промышленности работают финансово-промышленные круги всей Европы и даже Америки. Они уверены, что Гитлер после захвата Европы двинется на восток. К этому его подталкивают со всех сторон. А как известно, кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Конечно, когда этот зверь напьётся крови, у него совсем снесёт крышу, и он укусит даже руку, кормящую его. Но мы просто ближе. Вспомните историю Наполеона. Тот тоже порыскал по Африке и пошёл искать новые земли у нас в России. Сейчас идёт обкатка основных оперативно-тактических схем в Испании, а потом на очереди Австрия, Чехия, Франция, Северная Европа, Польша и… мы.

– Вы уверены, что мы сможем лишь оборонятся? – спросил Молотов.

– Давайте посчитаем… – Кирилл помедлил, вспоминая цифры. – Германия, вместе со странами, захваченными к сороковому – сорок первому году, будет представлять собой империю почти в двести пятьдесят миллионов человек. Экономика всей Европы однозначно сильнее, чем экономика СССР. Плюс новейшие технологии в разных отраслях промышленности и высокая культура производства позволяют им делать технику более качественную и при этом менее металлоёмкую и в гораздо больших объёмах. Кроме того, войска при военных действиях в Европе получат столь необходимый боевой опыт, что скажется на всём. Я не помню точных цифр, но если вы сравните численность нашей дивизии и дивизии вермахта, то будете сильно удивлены количеству автотранспорта, средств связи и технических подразделений. То же касается танковых и артиллерийских частей. Вообще, насколько я знаю, у нас сейчас много танков, но мало ремонтных и заправочных машин. Кроме того, непонятно, как это вообще возможно – управлять танковой или воздушной армадой без радиосвязи. Так что радиосвязь придётся двигать вперёд всеми силами. И тут я могу предложить для внедрения несколько разработок более позднего времени. Точнее, несправедливо забытый кристадин Лосева. Лампы, конечно, в каком-то смысле лучше, но только до определённого предела. В целом, кристаллические полу-

проводники и экономичнее и легче, что для электроники, согласитесь, очень важно. Стоп, – Кирилл остановился. – Кажется, я знаю, что вам, товарищ Сталин, следует почитать. Вам были бы интересны мемуары товарищей Жукова, Рокоссовского и Василевского? Написанные по результатам прошедшей войны, они, как мне кажется, довольно точно описывают весь круг проблем.

Сталин молча сделал разрешающий жест и, подойдя к столу, достал из верхнего ящика планшет.

Новиков быстро нашёл искомые мемуары и, закрепив их в списке для чтения, глянул на индикатор батареи. Полбака, однако.

– Товарищ Сталин. Батарей хватит ещё на пять – восемь часов работы. Потом нужно будет подзарядить.

– Хорошо, товарищ Новиков. – Сталин кивнул. – Идите пока к себе.

Кирилл уже шагнул к двери, когда был остановлен начальственным голосом:

– А почему это вы одеты не по форме, товарищ помощник командира полка? Неужели потомки так небрежно относятся к военной форме и знакам различия? – Новиков повернулся, но вместо сердитого взгляда увидел весёлые глаза.

– Нет, товарищ Сталин. Но обычно для похода в ателье требовался приказ о зачислении на службу и приказ о присвоении звания по управлению кадров.

– А моего слова, значит, недостаточно? Слышал, Вячеслав, какие недоверчивые у нас потомки? Будет вам приказ, – Сталин усмехнулся, видя, как Кирилл, чётко козырнув, вышел из кабинета, и повернулся в сторону Молотова: – Что скажешь, Вячеслав?

Молотов умел чувствовать Вождя, а потому понимал, какого ответа тот от него ждет. Впрочем, он и сам думал схоже…

– Парень хороший, – председатель СНК улыбнулся. – Есть всё-таки в наших потомках хоть что-то правильное, несмотря на то что они Союз профукали.

– Ну, с него-то спрашивать глупо. Кем он тогда был? Студент, потом лейтенант. Это нас с тобой спрашивать надо, почему мы допустили, чтобы такие, как Никитка, во власть пролезли, – ворчливо произнёс Сталин. – И давай вызывай сюда Лаврентия. Пора ему приниматься за серьёзные дела. Кавказ и Закавказье, конечно, важны, но то, что творит здесь Ягода, ни в какие рамки не лезет. Не будет товарищ Ежов командовать НКВД.

Он помедлил и поднял взгляд на Молотова.

– Но больше меня интересует совсем другой вопрос. Понимаешь, всё как-то красиво складывается. И парень этот, и фантастические машинки его.

– Ты ему не веришь?

– Ему-то как раз верю, но не тебе ли не знать, как можно сыграть человека втёмную. Может это быть провокацией тех, из будущего, чтобы как-то изменить историю в желаемом им направлении? Начнём готовиться к войне с Германией и прозеваем другую угрозу, например с востока… – Трубка уже давно погасла, и Сталин, втянув горечь смолы, недовольно сморщился. – Слишком ставка высока.

– Можно воспользоваться лишь научно-технической информацией, а его самого проверять, – Молотов пожал плечами. Он явно не видел проблемы в том, о чем говорил Сталин. – Он не навязывает нам никаких решений…

– Да одна информация об этом подхалиме Хрущёве уже изменение нашего мира. – Сталин повысил голос и сразу стал слышен грузинский акцент. – Как я могу ему теперь доверять? Или Тухачевский, Гамарник. Алкснис? Может быть, это в будущем именно те полководцы, что вытащат Союз из большой войны, из большой беды?..

– Да… – Молотов кивнул, признавая правоту старого товарища. – Но из Хрущёва, правда, гениального руководителя точно не получится…

И оба невесело рассмеялись.

Когда Молотов ушёл, Сталин несколько раз принимался читать «Воспоминания и размышления» Жукова, но одна мысль всё не давала покоя после прочтения этой Прудниковой. Выходило так, что он, несмотря на все властные рычаги, не до конца контролировал… нет, даже не жизнь всей страны, это невозможно в принципе – но даже работу своих ближайших соратников практически выпустил из внимания. И если написанное в книгах было правдой, то к чему это привело через двадцать лет, было закономерным результатом.

Как так случилось, что этот Ягода устроил из НКВД личную вотчину? И где были его, Сталина, глаза, что он этого не увидел? К счастью, кровавый террор только начался, и у него достаточно сил, чтобы восстановить ситуацию.

Он до последнего верил в то, что старые большевики, такие как Зиновьев, Каменев и Бухарин, одумаются и перестанут мутить воду своей демагогией, но судя по материалам из будущего, всё равно придётся поступить с ними по всей строгости закона.

Сталин не спеша набил трубку табаком и, стоя перед окном, неторопливо раскурил ее, пуская прямо в стекло струю дыма. Неожиданно в голову пришла мысль о том, как разом разрешить несколько проблем, образовавшихся после пришествия человека из будущего. Он решительно подошёл к столу и вызвал секретаря.

– Товарищ Поскрёбышев, назначьте… да, товарищу Артузову, на сегодня на восемь часов вечера. И подготовьте распоряжение о присвоении звания «полковник» военнослужащему РККА Новикову Кириллу Андреевичу, тысяча восемьсот девяносто третьего года рождения. Проведите через управление кадров РККА, а также приказ о его переводе в главное управление Государственной безопасности с присвоением звания «капитан госбезопасности» и об откомандировании в распоряжение ЦК партии.

Решение об организации Особого информационного бюро разом решало проблему использования нового человека так, чтобы тот был на виду, и кивнув самому себе, Сталин наконец взялся за книгу.

Читал он очень быстро и осилил за два часа более двухсот страниц. Потом посмотрел на часы, подошел к столу и снова набил трубку. Пыхнув табаком, он постоял, размышляя, потом спрятал планшет в сейф и, выйдя из кабинета, не обратив ни на кого внимания, пошёл в сторону комнаты, которую отдали гостям.

Охранявшие комнату сотрудники госбезопасности вытянулись в струнку, но Сталин сделал успокаивающий жест и, стукнув в дверь для приличия, повернул тяжёлую бронзовую ручку. Открывшаяся взгляду генерального секретаря картина была достойна кисти художника. Два красных командира в нательных рубахах и галифе занимались пришиванием на форму знаков отличия, а третий держал в руках гитару.

Увидев Сталина, все трое вскочили, но тот сделал жест ладонью, усаживая их обратно.

– Чем это занимаются товарищи краскомы? – Он присел на свободное кресло и с улыбкой посмотрел на растерянных сотрудников госбезопасности.

– Принесли форму, товарищ Сталин, так мы посмотрели, как он держит в руках иголку, и решили, пусть лучше он играет, а знаки мы ему сами пришьём. – Пётр виновато улыбнулся: – Он, видать, иголку в руках нечасто держал.

– А что играете? – Сталин обернулся в сторону Кирилла. – Послушать можно?

– Да, давай эту, про правду. – Немного успокоившийся Пётр пояснил гостю: – Песня уж больно хорошая.

– Хорошо. – Кирилл легко прошелся чуткими пальцами по струнам и запел приятным сильным баритоном:

Остался дом за дымкою степною.
Не скоро я к нему вернусь обратно,
Ты только будь, пожалуйста, со мною,

Товарищ правда, товарищ правда.

Я всё смогу, я клятвы не нарушу,
Своим дыханьем землю обогрею.
Ты только прикажи, и я не струшу,
Товарищ время, товарищ время.

Ему удалось передать чеканный ритм текста, и в конце даже Сталин покачивал головой в такт.

– Хорошая песня, – Сталин пыхнул трубкой и посмотрел на теперь уже капитана госбезопасности, что соответствовало армейскому полковнику, таким взглядом, что сразу стало понятно, что того уже включают в какие-то расклады. – А вы знаете ещё какие-нибудь песни? – При этом вид у него был такой, что Кирилл понял – интересуют его не абы какие, а именно «правильные» песни.

Пока парни заканчивали возню с новой формой, он спел «Бьют свинцовые ливни», «Русское поле» из «Неуловимых» и закончил «Мгновениями» из «Семнадцати мгновений весны».

– Нехорошо, что такие замечательные песни слушает лишь маленькая часть нашего народа, даже если это его лучшие представители, – Сталин обвёл присутствующих взглядом, и зардевшимся от удовольствия красным командирам стало ясно, что имеют в виду именно их. – Совсем нехорошо. А вы, товарищ Новиков, могли бы выступить на радио?

– Конечно, могу, товарищ Сталин, – Кирилл кивнул. – Только вот с авторством непонятно. Это же не мои песни.

– Это совершенно неважно, – Вождь вновь пыхнул дымом. – Есть мнение, что авторством этих и многих других замечательных песен народ заинтересуется в последнюю очередь. Но этот вопрос вы обсудите со своим новым руководителем, товарищем Артузовым. Было принято решение создать специальную службу, которая будет подчиняться непосредственно аппарату секретаря ВКП(б) товарищу Сталину.

Насладившись произведенным эффектом, который, правду сказать, был совсем не слабым, Сталин продолжил:

– Вашей задачей будет предоставлять по запросу точную и своевременную информацию о положении в любой точке СССР, а если понадобится – и за его границами, а также вести научно-исследовательскую работу. Кроме того, возможно, нам понадобится ваша работа по основной специальности.

Последние слова Сталин едва заметно выделил голосом, но так, что понял его лишь Кирилл.

– Полномочия у вас будут широкие, вплоть до чрезвычайных, и постарайтесь оправдать возложенное на вас доверие.

Иосиф Виссарионович внимательно посмотрел на присутствующих, проверяя: все ли прониклись важностью задачи? Удовлетворённо откинулся в кресле и попытался сделать затяжку, а поняв, что табак окончательно прогорел, встал и, кивнув на прощание, покинул апартаменты.

Несколько секунд в комнате царило молчание.

– Да-а… Вот тебе и сходили за хлебушком, – капитан весело переглянулся со своим товарищем и посмотрел на Новикова: – А ты чего кислый такой?

– Слишком быстро всё завертелось, – Кирилл покачал головой.

– Время такое, сам понимаешь. Сколько там, ты говоришь, нам до войны осталось?

5

В форме главное – содержание.
Прапорщик Криворучко

Форма села, словно шилась по мерке, и Кирилл, покрутившись перед зеркалом, отправился учить устав РККА, потому что в тридцать шестом существовали такие звания, что можно было с ума сойти. Например, военинженер второго ранга, дивветеринар или бригадный комиссар, что было чуть выше полковника, но ниже генерал-майора. Назови кого-нибудь не так – и стыда не оберёшься. Кроме того, звания НКВД не соответствовали армейским, потому что капитан НКВД был чем-то средним между майором и полковником, так как звания «подполковник» в РККА не существовало. Обратиться же к милиционеру было и вовсе сложно: там существовали свои собственные чины…

Но профессиональная память не подвела, так что через пару часов он уже сдал своеобразный зачёт своим новым коллегам и, коснувшись темы про оружие, начал распаковывать привезённый людьми Власика пакет из будущего.

– Смотрите. Это – автомат. Ну, такой короткий автоматический карабин, – Новиков любовно провёл ладонью по металлу АКМа. – По сути, что-то среднее между винтовкой и пистолетом-пулемётом.

– Удобное оружие, – Глеб, сразу оценив качество компоновки Калашникова, приложил автомат к плечу. – Только непонятно, зачем оно?

– Вспомни, на какой дистанции вы реально вступали в бой?

– Если подвижные группы – то метров триста – двести. А если уже закопались в окопы, то можно стрелять и с пятисот, но попасть – только с оптикой.

– Вот ты и ответил на свой вопрос. Оружие может стрелять как угодно далеко, но прицеливается человек, поэтому уже на дистанции двести метров без оптики противник выглядит просто крохотной точкой. А на триста, да ещё и в лежащего, попасть может только опытный стрелок или пулемётчик, который засеет всё пространство пулями. Поэтому в подразделениях должно существовать разделение обязанностей. Снайперы выбивают командный состав, пулемётчики прореживают нападающих на дальних дистанциях, а основная масса устраивает врагу статистику.

– Это как? – Пётр удивился.

– Ну… в смысле, по результатам статистики, на каждого убитого во Второй мировой войне приходится несколько десятков тысяч патронов. Но такое оружие гораздо более прицельно, чем тот же пистолет-пулемёт, и удобнее, чем винтовка. А вообще, через двадцать лет после того как АК встал на вооружение, уже весь мир воевал этим оружием. А всего по миру выпущено около пятидесяти миллионов единиц. И вместо того чтобы прицеливаться каждый раз, имея в руках автомат, стрелок просто кладёт облако пуль в силуэт, а дальше работает статистика. Кстати, насколько я помню, в конце войны уже вся основная масса солдат воевала с пистолетами-пулемётами типа дегтярёвского. Но это, – Кирилл взвесил в руках калашников, – и легче, и удобнее, и точнее. Без вариантов, это лучшее оружие двадцатого века.

– Какой маленький, – Глеб с интересом покрутил в пальцах семимиллиметровый патрон от АК.

– А зачем пуле лететь два километра? – удивился свежеиспечённый капитан гэбэ. – И кстати, такая пуля наделает в организме делов больше, чем винтовочная.

Артур Христианович Артузов был точен словно швейцарские часы, что было вполне объяснимо, учитывая его происхождение.

К его удивлению, секретарь Сталина сразу кивнул на дверь кабинета, и даже не присев в приёмной, Артузов прошёл внутрь.

– Здравствуйте, товарищ Сталин.

– Здравствуйте, товарищ корпусной комиссар, – Сталин кивнул и как-то по-особому посмотрел на гостя. – Мне интересно было бы услышать ваше мнение относительно одного предмета. – Он встал, держа в руках нечто похожее на книгу в тяжёлом переплёте, и положил её перед Артузовым. Потом нажал что-то, и на поверхности вдруг возникла картинка, такая яркая, словно там, за ней, был настоящий мир. Пальмы и коралловый риф, и поверх этого всего – крошечные картинки с изображением часов и каких-то непонятных вещей. Сталин коснулся картинки с изображением книги, и сразу же перед оторопевшим разведчиком возник книжный разворот.

– Читайте.

Там было написано о том, как в мае тридцать седьмого его арестовали и 21 августа того же года расстреляли. Но поразил Артузова не сам факт его ареста и расстрела, а то, как об этом было написано. Словно о давно свершившемся. Потом внимание скользнуло на неведомый прибор, лежащий на столе. Как профессиональный разведчик, он, естественно, был в курсе всех новейших технических разработок передовых стран, но мог поклясться, что ничего подобного нигде в мире не существует. Однако будучи материалистом и видя собственными глазами то, чего не может быть, в бешеном темпе прокручивал варианты, как такая вещь могла оказаться у Сталина.

Это, конечно, не могло быть прибором для просмотра цветных плёнок, потому что таких цветов и такой чёткости не было ни на одной цветной фотографии. Кроме того, никому и в голову не пришло тыкать в экран, чтобы что-то там включить.

– Товарищ Сталин, – Артузов поднял растерянное лицо, – это… Извините, но неужели нашим ученым удалось?..

Сталин молчал, и Артур Христианович рискнул продолжить:

– Уэллс был прав? У нас построили машину времени? И мы можем… – он непроизвольно сглотнул, – получать технику и информацию из будущего?

– Я рад, товарищ Артузов, что вы пришли к такому выводу. – Хозяин едва заметно, лишь уголками глаз, улыбнулся. – Но должен вас огорчить: машину времени советским ученым создать пока не удалось. Пока.

Последнее слова Сталин выделил голосом, а потом, после короткой паузы, произнес:

– Но ваше предположение верно: это действительно вещь из будущего. Кроме неё есть и другие. Оттуда. Но самое важное, что к нам попал человек. Носитель ценнейших знаний о том мире и технологий.

– Товарищ Сталин, – Артузов вдруг напряжённо прищурился. – Ведь возможно, что это всё провокация, созданная для того, чтобы направить нас по другому пути. Кто знает, какие там у них в будущем возможности? Может быть, для них написать десяток книг – просто пустяк?

– Вот и надо, товарищ Артузов, чтобы вы разобрались в этом непростом, но очень важном для нас вопросе. – Сталин вернулся за свой стол и, подняв небольшую картонную папку с матерчатыми завязками, подал её Артузову: – Здесь приказ Главного управления кадров РККА о переводе вас в распоряжение ЦК и приказ о назначении главой Особого информационного бюро. Вашей задачей будет обеспечить нашему другу нормальные условия для работы, а также перенос всей информации с этого устройства на плёнку. Ещё мне бы хотелось, чтобы вы начали делать информационные бюллетени о положении в стране. Отдельные регионы, отрасли и даже некоторые предприятия. Взвешенная, трезвая, всесторонняя и абсолютно честная оценка положения дел. Сразу хочу предупредить, что и при Разведупре РККА, и при СНК создаются отделы с подобными функциями, и вы будете с ними конкурировать. Отчасти конкурировать.

С Разведупром при инспекции армейских подразделений, а с Инспекцией СНК – при работе по гражданским объектам. Есть мнение, что такая конкуренция пойдёт на пользу делу.

Вождь внимательно посмотрел на разведчика, подумал и продолжал:

– Кроме того, не следует забывать о секретности и полном недопущении утечек информации о любых аспектах работы Осинфбюро. Подчинятся вы будете только мне и отчитываться в работе будете лишь передо мною.

Оружейный экскурс и сопутствующие разговору споры продолжались почти два часа, а остановил диспут лично Иосиф Виссарионович, который привёл Артузова знакомиться со своими новыми сотрудниками.

– Садитесь, – Сталин коротко махнул рукой. – Хочу представить вам, товарищи, корпусного комиссара Артузова Артура Христиановича. С сегодняшнего дня он руководитель Особого информационного бюро при Центральном комитете. Пока не обзаведётесь своими людьми, охрану будет осуществлять аппарат товарища Власика. Помещение для работы вам уже выделено, первичные задачи обозначены. А что это значит? Это значит – за работу, товарищи!

Он повернулся к Кириллу и, увидев в глазах вопрос, произнёс:

– Вы что-то хотите сказать, товарищ Новиков?

– Да, товарищ Сталин, – Кирилл кивнул. – Я бы хотел поставить прибор на зарядку.

– Пойдёмте.

Они вдвоём дошли до кабинета, и Новиков, достав из кармана прихваченный с собой зарядник, подсоединил планшет и воткнул его в чёрную эбонитовую розетку, выступавшую из стены.

– Кстати, здесь есть не только книги, но и фильмы, – он быстро пролистал список, где в основном были фильмы советского периода, и выбрал «Кавказскую пленницу». – Вы не против хорошей комедии?

Через полчаса Власик, получив от охраны сигнал о чрезвычайной ситуации, влетел в кабинет и увидел поистине удивительную картину. Вождь, который даже на просмотрах комедий только улыбался, хохотал в голос, утирая слёзы платком. Впрочем, через пять минут, присоединившийся к просмотру майор смеялся вместе со Сталиным, глядя на злоключения Шурика.

Спать Иосиф Виссарионович лёг в прекрасном настроении, а проснувшись, вполголоса напевал песенку о медведях.

Вечером того же дня командиры имели долгий и обстоятельный разговор с новым начальником, который оказался настоящим асом агентурной разведки. Артузов с Новиковым понимали друг друга с полуслова, а вот Глебу и Петру приходилось кое-что пояснять и переводить отдельные слова на общепринятый русский.

Их первым заданием была инспекционная поездка в Научно-исследовательский институт техники связи Красной Армии. Кирилл подозревал, что там как раз всё было в порядке, но в качестве пробного выезда вполне годилось.

Новые документы привезли рано утром, и, упаковавшись в просторный правительственный автомобиль «Бьюик», проверяющие покатили в институт.

Разговор с ведущим специалистом – Асеевым Борисом Павловичем[8] – вышел конструктивный и, более того, плодотворный. Пока новые сослуживцы Новикова с умным видом ходили по помещениям и лабораториям, Кирилл рисовал схемы различных устройств и, стараясь не выглядеть провидцем, объяснял конструктору политику партии в области радиосвязи, делая упор на мобильность, простоту обслуживания, дальность и устойчивость связи. Поговорили

[8] *Асеев Борис Павлович* – видный советский учёный, руководитель НИИ связи РККА.

и о кристадинах, а когда Артузов вернулся, Кирилл озадачил его получением информации о работах Оскара Хейла и Лилиенфельда. И пользуясь тем, что работы в этом направлении уже начались, нарисовал устройство биполярного транзистора, указав материалы, легирующие добавки и многое другое, что проходил ещё на первом курсе, а также нарисовал на большой школьной доске устройство для зонной плавки полупроводников.

По сути, транзистор был тем же самым кристадином, только в нём вместо одной иглы было две, и находились они очень близко друг к другу.

Технологии лабораторного производства полупроводников были отработаны им на практических занятиях в Технологическом, так что, заручившись обещанием достать необходимые вещества качества ХЧ[9] и попробовать сделать транзистор, Кирилл отбыл из института в приподнятом настроении.

– Скажите, а о чём вы так увлечённо спорили? – спросил Артузов, когда машина тронулась в обратный путь. – Я, к стыду своему, ничего не понял.

– Артур Христианович, – капитан государственной безопасности вздохнул и посмотрел на своего нового начальника. За рулём сидел Пётр, так что Кирилл решился на серьёзный разговор. – Если они справятся, через год – полтора будем иметь радиостанции мощнее нынешних раза в три, а весить они будут не десятки килограммов, а всего пару. Что это значит для армии?

– Понятно, – Артузов кивнул. – Кстати, по приказу нам выделено целое здание, и там будет химическая лаборатория.

– Отлично! – Кирилл улыбнулся. – Я бы ещё не отказался от нормальной мастерской и зала для тренировок. Ещё тир бы устроить…

– Да всё что угодно, – Артузов хмыкнул. – Там здоровенный корпус бывших казарм, где можно штаб фронта разместить вместе с батальоном солдат. А у нас всего четыре человека. Кстати, если есть хорошие ребята, можно будет перетащить к нам. Только, конечно, каждую кандидатуру согласовывать там, – Артур Христианович двинул головой вверх, намекая на то, кто именно будет последней инстанцией.

– Кстати, я сейчас подумал… – Кирилл помолчал, задумавшись. – Наверное, можно будет сделать такой прибор, чтобы отделять правду от лжи.

– Что-то связанное с мистикой? – улыбнулся корпусной комиссар.

– Ну что вы! – Новиков взмахнул рукой. – Никакой мистики. Просто у человека, который врёт, повышается давление, изменяется электропроводимость кожи и другие параметры. Если будет десятка полтора качественных измерительных приборов и пара самописцев, я такую штуку за неделю сделаю. Проверить и откалибровать можем в узком кругу, а потом приглашать начальство. – Он пытливо посмотрел на Артузова, и тот, быстро просчитав варианты, кивнул.

– Да, такой прибор нам бы очень не помешал.

– Еще знаю рецепты нескольких химических соединений, которые, будучи введены в кровь, полностью блокируют возможность врать.

– Я тоже знаю такой рецепт. Называется удар сапогом… – судя по лицу разведчика, тема была для него болезненной.

– Нет. Под пытками человек расскажет то, что от него хочет следователь. А я хочу предложить препарат, который заставляет человека говорить правду и, кстати, активизирует его воспоминания. Таким образом можно быстро отделить виновных от невиновных. То, что сейчас делает спецлаборатория Майрановского, отчасти преследует те же задачи, только вот контроль за её работой, мягко говоря, ненадлежащий. Одни опыты с ипритом на людях чего стоят.

– Я подумаю, – Артузов кивнул.

---

[9] *ХЧ* – «химически чистое», квалификация химического реактива. Обозначает реактив с содержанием основного вещества более 99 %.

– Знаете, Артур Христианович, – Кирилл помялся, подбирая слова. – У меня, конечно, нет опыта аппаратной борьбы и подковёрных интриг, но полагаю, что таких людей, как Майрановский, нужно держать на коротком поводке или вообще прибивать гвоздями. А обо всех случаях интереса со стороны партийных чиновников докладывать самому. Такие вещества детям не игрушка.

– Вы сможете написать соответствующий рапорт? – Артузов прищурился. – Я не могу идти с докладом на основании нашего с вами разговора, а тема серьёзная.

– Сделаю.

Историю конторы, в которой прослужил больше шести лет, Кирилл, конечно, знал весьма подробно, и мог даже назвать на память вещество, которым с пятидесятого года потихоньку травили самого Сталина.

Так что отчёт, который пришлось набивать на пишущей машинке «Ундервуд» собственноручно, вышел объёмистым. Листов пятнадцать. Когда этот документ читал Артузов, Кирилл просто физически видел, что «волосы дыбом» – вовсе не фигуральное выражение, и из комнаты корпусной комиссар вылетел с куда менее аккуратной причёской.

Через полчаса капитана вызвали к Хозяину, и ответ пришлось держать уже лично.

Конечно, не обошлось без демонстрации ряда документов и выдержек из воспоминаний Судоплатова и некоторых других деятелей, но судя по чрезвычайно мрачному настроению Сталина, информацию он воспринял со всей серьёзностью.

А на следующий день, ядро будущего Осинфбюро переехало из Кремля в новое здание, где уже копошились рабочие, устраняя особо вопиющие следы пребывания предыдущих владельцев. К удивлению гостя из будущего, работали мастера быстро и вполне качественно, так что после не нужно было ничего переделывать.

Здание было действительно огромным. Старые Александровские казармы, П-образной формы, располагались фасадом к Подольскому шоссе, а крыльями к Даниловской площади. Его сразу же огородили стальным забором, установив КПП, и по настоянию Кирилла, начали монтировать мощные решётки на окнах.

Заняв более-менее приличные комнаты, вчетвером начали принимать оборудование, которое уже подвозили со всех уголков Москвы. И чего тут только не было – от электротехнических устройств типа самописцев до рентгеновского аппарата. Сначала Новиков хотел завернуть аппарат, а потом подумал, что пусть будет. В хорошем хозяйстве сгодится всё.

Копировальный аппарат поставили в самой защищённой комнате, вообще без окон, лишь усилили стены стальными листами и сделали принудительную вытяжную вентиляцию, что при методе цианотипии[10] было вовсе не лишним. Потом прямо поверх железа настелили полы, стеновые покрытия и натянули ткань под потолком. Получилось не очень красиво, но никто не собирался участвовать в конкурсе дизайна.

Внесли могучий дубовый стол и на него водрузили фотокопировальный аппарат «Кодак», который до этого Кирилл видел лишь на картинке в учебнике.

Несмотря на то, что аппарат был выпуска тридцать третьего года, примитивным назвать его было нельзя. Всё было изготовлено с высоким качеством и могло проработать хоть сто лет. Специальная плёнка для микрофильмирования в жестяных коробках уже громоздилась в углу, и тут же пришлось срочно соображать что-то вроде стеллажа, чтобы не перепутать отснятые коробки с чистыми. Потом с конвоем из шести человек привезли планшет, и Новиков надолго зарылся в копирование материала. После проявки плёнку можно было просматривать на ком-

[10] *Цианотипия* – в просторечье «синька» – старый способ монохромной фотографической печати, который давал отпечатки голубого оттенка. Использовался для размножения чертежей и печатных текстов.

пактном аппарате той же фирмы «Кодак», и насколько он знал, такой уже установили в кабинете Сталина и на даче в Кунцево.

Стол в углу предназначался, чтобы размножать пресловутые «синьки», о которых Кирилл только слышал, хотя видеть не доводилось.

Через пару дней такой ударной вахты Артузов внимательно посмотрел на осунувшегося капитана, и уже к вечеру привезли недалекого, но надежного, словно чугунная болванка, парня, который взял на себя всю мелкую работу, что сильно облегчало дело.

Копировали не всё подряд, а шли по тематическому списку, составленному лично Сталиным.

Что удивляло Новикова, так это разнообразие тем, но размышлять над этим вопросом было физически некогда. Но вот один документ, озаглавленный «Предатели Родины», он сделал особым образом, и после изучения Артузовым, бумага отправилась в Кремль в запечатанном конверте и с охраной в виде Петра, Глеба и десятка из охранного взвода войск НКВД. Перебежчики и просто предатели, с двадцатых годов до двухтысячных шли сплошной кучей, но Кирилл специально не редактировал документ, полагая, что так он смотрится куда более серьёзно.

6

Мост в будущее можно построить только из материала прошлого.
Шико (Жан-Антуан д'Англере),
придворный шут Генриха III французского

Москва, Подольская площадь

Через неделю два молодых химика, найденные Артузовым, уже собрали химлабораторию, мастера закончили делать мощную вентиляцию, и капитан государственной безопасности приступил к изготовлению прибора ночного видения. В первый раз не получилось, но после того как очистка сырья была проведена более тщательно, всё заработало. Сначала «на коленке», а после, когда привезли генератор из радиоинститута, удалось затолкать всё в короб.

После демонстрации Артузов пришёл в крайнее возбуждение, и к команде Осинфбюро добавился ещё ученик самого Ландсберга[11] Наум Соломонович Гершевич – опытный инженер-оптик с поистине золотыми руками, который и придал готовому изделию вид чего-то приличного. На своих станочках он сделал настоящий оптический прицел и очки, которые были похожи на какой-то дикий стимпанк из-за обилия латунных деталей. Но работала штука превосходно. Благодаря хорошей оптике, в почти полной темноте было видно на триста-четыреста метров, и на засветку очки реагировали вполне приемлемо. А в качестве высокочастотного генератора работал пока ещё кустарный, но зато полупроводниковый «суперкристадин», а не какая-нибудь ламповая схема, для которой пришлось бы городить в десять раз более ёмкое питание.

Перебирая в который раз хозяйство, притащенное из другого времени, Кир достал небольшую коробку с прицелом переменной кратности, долго смотрел на неё, а потом, вздохнув, вынул Leupold VX[12], за который в своё время отдал кучу денег, вышел из кладовки и тщательно запер её на два сейфовых замка.

Наум Соломонович был у себя и что-то разглядывал в инструментальный микроскоп.

– А… Кирилл, заходите, я как раз собирался сделать перерыв на чай. – Он начисто игнорировал любую субординацию, но кроме того, втайне считал своего прямого начальника собратом по вере, и ничто не могло изменить его убеждений.

– Чай – это хорошо, – Новиков присел на потёртое полукресло, знававшее на своём веку аристократические задницы, и с благодарностью кивнул. – А я тут вам задачку любопытную притащил.

– Ну-ка? – Наум Соломонович, отставив чайник в сторону, осторожно взял из рук Кирилла прицел.

Через минуту он отложил прибор и внимательно посмотрел на капитана.

– Откуда это, вы мне конечно же не скажете.

– А нужно? – Кирилл пожал плечами. – Всё равно там больше этого нет. Но я принёс вам прицел не для того, чтобы хвастаться. Сможете повторить? Хоть как?

– Не жалко? – Наум Соломонович возобновил манипуляции с чайником и, прикрыв его полотенцем, сел напротив.

– Жалко, но нужно. – Новиков вздохнул. – Единичный экземпляр ничего не решает. Нужны как минимум десятки, а лучше сотни таких прицелов.

---

[11] *Ландсберг Григорий Самуилович (*1890–1957) – выдающийся советский физик-оптик. В 1936 – член-корреспондент АН СССР (с 1932 г).

[12] *Leupold* – фирма-производитель прицелов высокого уровня.

– Да, на мелочи вы не размениваетесь, – мастер кивнул.

– И имейте в виду. Прибор под давлением. Это значит, что внутри закачан специальный газ. Он безопасен, и его немного, но всё же примите во внимание. Там много требухи типа подсветки и прочего, но главное – это сама оптическая схема. Вот её и нужно изучить, чтобы потом выпускать подобные изделия серийно. Пусть и маленькими партиями. Если получится, с меня причитается.

– Да бросьте! – Наум взмахнул руками. – За такую задачу любой из специалистов оптиков вам ещё должен останется. – Мастер ещё раз взглянул в прицел и подвигал кольцо трансфокатора[13]. – Да, а поле-то какое светлое!

– Насколько я знаю, этого добиваются так называемым глубоким просветлением.

– Вы тоже знакомы с работами Александра Алексеевича Лебедева[14]? – мастер взмахнул руками. – Талантливейший человек, замечу я вам. И с большим будущим.

– Главное, чтобы нам никто не помешал это будущее построить.

– Я понял, – Наум Соломонович кивнул. – Будут вам прицелы.

Все приглашённые специалисты трудились на казарменном положении, для чего на четвёртом этаже были сделаны пусть и небольшие, но вполне приличные комнатки, а на втором работала полноценная столовая, получавшая блюда прямо из ресторана «Прага», где можно было поесть даже ночью, чем Кирилл довольно часто пользовался. Таким образом, под его началом трудилась уже вполне нормальная «шарашка». Правда люди были сплошь вольнонаёмные, подписавшие особый документ, и режим был не совсем тюремный. В актовом зале показывали кино, а вечерами часто устраивали танцы с девушками из столовой, узла связи и штаба.

Охрана здания как-то сама собой увеличилась до полноценной роты, и Пётр, осуществлявший все режимные мероприятия, не скучал, тем более что Кирилл сделал ему комнату для прослушки, куда свёл все микрофоны, щедро наставленные в здании, и линии охранной системы. Таким образом сразу были выявлены несколько человек, занимавшихся сбором информации, и ещё больше обыкновенных бездельников.

Зато привезённые из Туркестана пограничники не сачковали, и в спортивном зале даже поздно вечером можно было обнаружить группы, тренировавшиеся в рукопашном бое и прочих воинских премудростях.

Как-то вечером, когда Новиков, поймав паузу между группами, занимался в зале, заметил группу бойцов, тихо стоявших у стеночки.

– Интересно двигаетесь, товарищ капитан госбезопасности. – Сухощавый невысокий парень с сержантскими петлицами, мягко, словно барс, подошёл ближе. – В Корее учились?

– И в Корее тоже, – Новиков кивнул. – А ты, насколько я знаю, учишь парней работать с ножом и бою без оружия?

– Да, домулла[15], – сержант почтительно поклонился. – Но вы двигаетесь так, что я, наверное, и половины не увидел. Может, вы окажете мне честь, показав некоторые связки?

– Конечно… – Новиков замялся, не желая обращаться к сержанту по званию, но не зная его имени.

К счастью, сержант понял всё правильно.

– Умид Ходжаев.

– Хорошо, Умид, – Новиков кивнул и посмотрел на остальных солдат. – А вы чего встали, словно неродные? Давайте-ка сюда, – Кирилл сделал движение головой.

---

[13] *Трансфокатор* – устройство, изменяющее фокусное расстояние прибора. В быту – зум.

[14] Русский, советский физик, специалист в области прикладной и электронной оптики, оптики атмосферы и гидрооптики, лазерной техники, теории стеклообразного состояния, изучения свойств и строения стёкол, космического излучения. Действительный член АН СССР (1943), Герой Социалистического Труда (1957).

[15] *Домулла* – учитель (*узб.*). Почтительное обращение к человеку в знак уважения к его знаниям.

С тех пор Новиков начал регулярно заниматься с пограничниками, обучая их всем тонкостям боя. Постепенно на тренировки начали подтягиваться не только бойцы и младший комсостав, но и старшие командиры, так что Кириллу пришлось составлять расписание занятий и назначать наиболее понятливых учеников инструкторами.

Потом как-то само собой перешли к бою в ограниченном пространстве и скоростной стрельбе в движении, а затем и к другим боевым дисциплинам спецназа образца конца двадцатого – начала двадцать первого века.

Занятый делами, Новиков не заметил, как миновало два месяца. Когда первые четыре прибора были готовы, поехали на полигон показывать Самому. Армейское начальство, конечно, было в шоке от того, что такое высокое начальство ночью попёрлось на полигон, но не задавая особых вопросов выставили мишени и убрали лишних людей.

Сталин наблюдал за тем, как Новиков в темноте лихо расстреливал мишени, в бинокль с более-менее компактным блоком питания на основе серебряно-цинковых аккумуляторов, Клименту Ефремовичу достался почти готовый к серийному выпуску шлем-очки ночного видения, а Лаврентий Павлович любовался видами через модифицированную стереотрубу.

– Это серьёзная работа, товарищ Новиков. – Сталин опустил бинокль, и по его знаку включили свет, который больно резанул по глазам. – Когда вы сможете передать подобные изделия для освоения специалистами РККА и НКВД?

– Сама матрица уже почти на потоке, но всё упирается в оптическую систему и корпуса, – Кирилл развел руками. – Мы пока не связывались с оптическими заводами, потому что нужно ведь ваше решение.

– Это правильно, – довольный Сталин разгладил усы и на мгновение стал похож на хорошо поохотившегося, сытого тигра. – А ты, Клим, что скажешь?

– Для пограничников вообще незаменимая штука, – Ворошилов покрутил в руках шлем и расплылся в улыбке. – Можно на танки поставить, сделать ночные прицелы для бомбардировщиков, и вообще сажать самолёты в полной темноте, не демаскируя аэродромы… – маршал не находил слов. – Спасибо тебе, товарищ капитан госбезопасности. Громадное дело ты, товарищ, сделал. Это ж… – он рубанул рукой, словно в ней была шашка, – такое дело!

– Кстати, мне сказали, что наши специалисты по радиосвязи тоже вас хвалили, – Сталин скупо улыбнулся. – Суперкристадин очень хорошо показал себя на опытных стендах, и теперь они работают над схемой комбинированной лампово-кристаллической радиостанции.

Новиков кивнул:

– Да, там, к сожалению, ещё много проблем, но Борис Павлович Асеев – уникальный инженер и разрешает все задачи, кажется, быстрее, чем они возникают.

– Но я знаю, что вы нам не всё показываете. Может, откроете страшную тайну вашего подвала? – Сталин снова усмехнулся.

– Раньше времени не хотелось хвастаться, а то, знаете, откажет что-то в последний момент…

– Есть мнение, что за проделанную работу по укреплению обороноспособности страны вы достойны ордена Красной Звезды. И помните, последняя ваша работа очень важна для советской страны, так что нужно поторопиться.

Новиков понял, на что намекал секретарь компартии. Мятеж Тухачевского уже был обложен людьми, и дело было лишь за командой «фас». Но в связи с тем, что готовился закон об отмене смертной казни и пыток при допросах, требовался, во-первых, надёжный инструмент для следователей, хотя бы для работы с главными подозреваемыми, а во-вторых, способ проверки на надёжность. Два радиоинженера, назначенные для этой работы, уже трудились по пятнадцать часов в сутки, придавая опытной установке транспортабельный вид и готовя схемы для тиражирования, а тем временем следователи из НКВД уже зачастили в Осинфбюро,

возя некоторых своих клиентов. Как правило, арестованные, увидев всю эту машинерию, кололись уже до прогрева аппарата, но были и такие, которые держались гораздо дольше. Проверяя работу датчиков, Кирилл иногда доходил до вопросов, на которые подследственные не желали отвечать, но организм человека тридцатых годов врать отказывался. Это уже в конце двадцатого – начале двадцать первого враньё станет вторым я. А в середине тридцатых всё было гораздо честнее.

Кирилл постарался сделать устройство как можно более понятным для будущих пользователей, и главной трудностью был шестиперьевой самописец, который по специальному заказу изготовили в НИИ связи. Потом были ещё трудности с бумагой необходимой ширины и разметки, но Пётр съездил в Мосбумпром, и уже через неделю старшина Молодько принял почти тонну нестандартных рулонов. Вообще проблемы в этом мире решались довольно быстро. Стоило взмахнуть волшебной книжечкой, как чудесным образом находились и фонды, и люди. Причём всё делалось без нарушения плановых показателей.

Но уровень технического оснащения не обмануть, и даже зная аппаратные решения двадцать первого века, уместить всё изделие в небольшой объём не получилось.

Детектор лжи получился огромным. Почти тонна оборудования на основе ламповых милливольтметров и самописцев, а также дублирующая система визуального контроля с лампочками от телефонного узла.

Через неделю прислали группу следователей с техническим образованием, и Кириллу пришлось устраивать ликбез, обучая их грамотному использованию техники.

Потом в один прекрасный день всю аппаратуру и одного из инженеров увезли на Лубянку, а в Бюро прислали ещё троих, с которыми Кирилл начал делать систему радиоподавления.

К этому моменту почти вся информация, заказанная Сталиным, была скопирована, и Новиков, немного автоматизировав работу, начал просто планомерную пересъёмку всех имевшихся материалов. Вместо фотоаппарата пристроил кинокамеру и, написав короткий скрипт, заставил планшет выводить текст с секундной задержкой. Теперь, когда в камере заканчивалась плёнка, а было её почти двести метров, вспыхивала специальная лампа, а планшет, реагируя на вспышку, прекращал листать книгу. Оставалось поменять катушку с плёнкой и возобновить процесс. Новиков при проявке даже не пользовался специальной лампой, предпочитая очки ночного видения собственного изготовления.

Потом плёнки увозили в Кремль, где для них было организовано защищённое словно бункер хранилище. И уже там парочка людей, осуждённых к высшей мере социальной защиты, просматривала тексты и делала отпечатки на фотобумаге, сшивая в более-менее обычные книги.

Заодно на цветную позитивную плёнку «Агфаколор»[16] Кирилл переснял фильмы, которых оказалось почти тридцать штук.

Иногда приезжал посыльный из аппарата Меркулова и привозил пачку шифровок, которые Новиков загружал в планшет и после дешифровки отправлял обратно, радуясь, что география радиоперехвата всё время растёт.

То, что над Бюро начинают собираться тучи, Новиков понял в тот момент, когда во время обычного променада по осенним московским улицам, заметил не только увеличенную в три раза охрану, но и разглядел несколько людей из команды Власика, а любителей тот не держал. Кирилл не мог знать, как они в сравнении со специалистами «Девятки»[17], потому что просто не разбирался в таких вещах, но двигались ребята очень хорошо, и ситуацию вокруг пасли чётко. Когда в его сторону зашагал патруль из пары солдатиков и капитана, никто не сделал лишнего

---

[16] *«Агфаколор»* – немецкое предприятие, первым выпустившее цветную плёнку.

[17] *Девятое управление КГБ* – охрана. Преобразовано в Федеральную службу охраны.

жеста, но один из охранников невзначай отсёк их, потом что-то сказал, и комендачи куда-то делись, словно их и вовсе никогда не было.

Но звоночек для капитана госбезопасности прозвучал очень чётко, и поскольку Артур Христианович был в командировке, Кирилл пошёл к Глебу, который занимал просторный кабинет на втором этаже.

Молоденькая девушка в форме сержанта ГБ лишь стрельнула глазами, когда он проходил приёмную, но ничего не сказала, и начальник научного отдела застал заместителя ОИБ за перекладыванием каких-то бумажек и Петра, скромно сидящего в уголке с газетой «Гудок».

– Рассказывайте. – Кирилл уселся на стул напротив и положил руки на стол. – Кто, когда, какими силами…

– Кто… – Глеб помолчал. – Фамилии Фриновский и Агранов тебе ведь ничего не скажут?

– А должны?

– Ну, всё-таки первые замы Ягоды… Ты вообще напрасно сторонишься активной жизни…

– И что хотят эти первые замы? – Новиков провёл бессонную ночь, и поэтому настроение не располагало к длинным разговорам.

– По нашим сведениям, собираются силами до батальона напасть, почистить здесь всё, а потом подкинуть компрометирующие документы. Ты уже очень многим успел крепко насолить, – внёс свои пять копеек в беседу Петя.

– Да я вообще веду себя как мышка! – возмущение просто захлестнуло Кирилла. – Сижу тут словно привязанный, в кабаки не хожу, только в Большой раз выбрался, да и то целая история была.

Оба дружно рассмеялись, глядя на Кирилла как на несмышлёныша.

– Да даже то, что какой-то капитан госбезопасности заходит к Хозяину, как к себе домой, а Власик ему при встрече долго трясёт руку… – Глеб откровенно подначивал, но Новикову было совсем не до веселья.

– А чего ему не трясти-то? – удивился Новиков. – Стереотрубы с блоком ночного зрения кто ему сделал? Теперь вся округа Кремля и подступы к объектам даже ночью словно на ладони.

– А не подскажешь, кто это такой красивый с Ворошиловым в коридоре обнимался? – сварливо спросил Пётр и, отложив газету в сторону, переставил стул так, чтобы сесть рядом.

– Это была, кстати, его инициатива, – Новиков по старой армейской привычке попытался сразу отмазаться от наезда. – Приволокли мы с Асеевым ему опытный вариант полевой УКВ-радиостанции уровня взвод – рота, так тот с этой коробочкой чуть по потолку не пробежался. Вот теперь как ни увидит, всё обниматься лезет.

– Ты что, совсем дурак? – с усталой улыбкой спросил Глеб, потянулся куда-то под стол и вытащил полупустую бутылку коньяка и три стакана. – Тут же такой зверинец. Все друг за другом присматривают…

– А вы ловите рыбку в этой мутной воде?

– Ловим, – разлив по пятьдесят граммов точным движением, начальник режимного отдела спрятал бутылку. – И скажу тебе честно, такого жирного живца у меня в практике ещё не было. Даже настоящих немецких шпионов уже три штуки отловили.

– И теперь нас придут убивать?

– А как же! – всё так же улыбаясь, кивнул капитан. – Мы уже загнали всех гражданских и техперсонал на четвёртый этаж, а на других этажах выставили заслоны и пулемёты в окнах. У нас здесь двести пятьдесят человек, и все обстрелянные бойцы. Я перетащил больше сотни наших с Петром парней из Туркестана, так что прикурить они дадут за рубль на сотню.

– Пойдём. – Кирилл залпом, словно водку, махнул коньяк и, встав, машинально одёрнул гимнастёрку. – Думаю, пора воспользоваться благами цивилизации.

В его персональном хранилище лежали предметы из будущего, до которых по тем или иным причинам не дошли руки, и личные вещи. Например, автоматы из двадцать первого века, приборы наблюдения, связи и всякое прочее, включая камуфляж, палатку и надувную лодку.

Патронов к калашам было не так чтобы много, но по три снаряжённых магазина и под тысячу россыпью нашлось. Себе Кирилл взял «Вал» с термовизором, а зайдя в лабораторию, выгреб все готовые приборы, которых оказалось целых восемь штук.

– Как пойдут, сразу бейте фонари и прожектора. Ночники раздай снайперам. В шлеме целиться неудобно, но лучше, чем ничего. Я постреляю командиров, и атака, скорее всего, захлебнётся. В кромешной темноте, без командования…

– Согласен.

Штурм начался после трёх ночи, когда внимание караульных бывает на минимуме. Но тут было совсем по-другому, так как вместо солдат охранной роты на передовых позициях была пустота. Опрокинув грузовиками высокий, трёхметровый забор из стальных прутьев, нападавшие кинулись к окнам первого этажа и попытались выломать мощные решётки, вмурованные в стену, а снайперы роты охраны сразу начали прореживать комсостав, стараясь никого не убить.

Самых «вкусных» Кирилл выбил сразу, как только началось движение. Пятеро приехавших на новеньком, только с завода, автомобиле Ленинград-1[18] только достали свои бинокли, чтобы в свете фонарей и автомобильных фар наблюдать за операцией, как от точных выстрелов посыпались стёкла, и вся площадка погрузилась в кромешный мрак.

Тяжёлая девятимиллиметровая пуля влетела первому в плечо, и того просто опрокинуло навзничь в октябрьскую грязь. Следом легли все остальные, и хотя Новиков старался стрелять так, чтобы получить как можно большее количество живых, кто-то из них наверняка умрёт ещё до приезда медиков.

В принципе, имея на руках грозную бумагу, подписанную новым наркомом НКВД, товарищем Берией, сотрудники Осинфбюро могли вообще всех положить из пулемётов, но офицеры Бюро считали, что простые солдаты и младшие командиры совершенно не виноваты. Их, скорее всего, просто обманули, рассказав, что здесь гнездо контрреволюции и вообще живёт всякая сволочь.

Подёргав решётки и разбив несколько стёкол, солдаты было подогнали грузовик, но тот, получив пару пуль из трёхлинейки прямо в мотор, намертво встал. Пуля мосинской винтовки, способная пробить слона, с первого попадания отправила двигатель на капиталку, и нападавшие оставили эту затею.

Через пятнадцать минут невнятной возни вспыхнули прожектора на здании, и раздался голос Петра, усиленный рупором:

– Граждане бандиты, предлагаю всем положить оружие и с поднятыми руками строиться во дворе. Двор простреливается пулемётами и снайперами, сопротивление бессмысленно.

Кто-то стрельнул на голос из нагана, но сидевший на крыше стрелок не дал ему больше одной попытки.

Под ярким слепящим светом прожекторов нападавшие стали бросать винтовки в кучу и отходить в сторонку. Бойцы из охранной роты быстро произвели сортировку и вытащили раненых, которым стали оказывать первую медицинскую помощь, а Кирилл подошёл к Л-1.

Как и предполагалось, двоим медики уже не требовались.

– Дейч Яков Абрамович и работник ЦК Цесарский. – Пётр, командовавший внешней группой, присел к телам и с каким-то брезгливым интересом повернул Цесарского на бок. – Да, товарищ капитан, такими темпами ответработников ждут тяжёлые времена. – Он хохотнул.

---

[18] *Ленинград-1 (Л-1)* – советский лимузин, реплика с Бьюика 32–90.

– Да вроде аккуратно стрелял. – Кирилл, положивший цевьё «Вала» на сгиб левого локтя виновато пожал плечами. – Видишь, сколько крови натекло, видно крупный сосуд зацепил, он от кровопотери и того. А этот, наверное, от болевого шока… А остальных знаешь?

– Как не знать собственное начальство? – Глеб, зажимая длинную царапину на щеке носовым платком, глумливо усмехнулся. – Товарищ Агранов – первый зам Ягоды. Товарищ Берия еще отстранить не успел. А вот это совсем залётный товарищ. Некто Евдокимов – первый секретарь Ростовского обкома, и ещё один заместитель наркома внудел товарищ Фриновский собственной персоной. – Глаза его скользнули по повязке, наложенной на ногу Фриновского. – А чего ты так скромно? Уж кого следовало актировать, так это его. Как ты говоришь, нет человека – нет проблемы?

– На самом деле такая пуля опаснее, чем ранение в плечо, – пояснил Кирилл, глядя на безучастного первого заместителя народного комиссара внутренних дел. – Огнестрельный перелом бедренной кости, да ещё и такой тяжёлой пулей… Вполне мог умереть от болевого шока. Слушайте, а мы так и будем пялиться на них?

– Власик уже в пути, скоро будет. Так что ещё минут двадцать, и можешь идти спать.

– Да как тут поспишь. – Новиков хмыкнул. – Вон стёкла на первом этаже почти все перебили. Деревня.

– Знаешь, – Глеб встал и одёрнул форму. – Когда ты потребовал замуровать в окна первого и второго этажа решётки, я сначала решил, что это просто блажь и глупость, но просто махнул рукой. А оно вот как обернулось.

Власик, только что получивший старшего майора, приехал не один. Из второй машины вышел мужчина в штатском, которого Новиков в темноте признал не сразу. Лаврентий Павлович Берия, несмотря на неурочное время, выглядел вполне бодро и, окинув взглядом поле боя, сразу подошёл к нам и, пожав руки, коротко бросил:

– Рассказывайте.

Глеб как старший по должности коротко доложил ситуацию, и Власик с Берией, негромко переговариваясь, подошли к оставшимся в живых руководителям нападения.

О чём они говорили, сотрудникам Бюро было не слышно, так как они деликатно отошли, но судя по лицам раненых, разговор был не из приятных.

Потихоньку стали прибывать грузовики, и всех нападавших под конвоем увезли куда-то в ночь. Когда убыл последний, Лаврентий Павлович, окинув внимательным взглядом оружие, качнул головой в сторону корпуса:

– Давайте, хвастайтесь, товарищи. Не самый лучший повод для визита, но за неимением гербовой…

– Предлагаю начать с охранной системы, – Кирилл вопросительно посмотрел на Глеба, но тот лишь едва заметно кивнул, мол, принимай командование, и Новиков повёл высоких гостей в подвал, где находился центр наблюдения и самые секретные из лабораторий.

Возможность прослушать любой кусок здания и проверить целостность охранных контуров больше впечатлила Власика, а вот в демонстрационном зале, где Новиков выложил свои попытки повторить технологии будущего, больше проняло Берию. Он, сняв пальто, брал в руки каждый образец и пытливо расспрашивал о его возможностях. Мгновенно поняв, для чего нужен пластифицированный гексоген, называемый в нашем времени пластитом, он перешёл к столу, где Кирилл разложил макеты мишенных мин.

– Если обычная взрывчатка поражает цели в некоем радиусе, включая землю и воздух, то данная мина выбрасывает осколки строго в сторону цели, выкашивая всё на гораздо большем расстоянии и куда более основательно. У этой дальность сплошного поражения – пятьдесят метров в секторе шестьдесят градусов. Можно будет устанавливать прямо перед окопами и приводить в действие длинным шнуром. Хотя есть и варианты дистанционной закладки. Гнездо под стандартный взрыватель, так что проблем с освоением не должно быть. Взрывчатка

здесь особая, но исходный материал – метиловый спирт, так что думаю, наладить производство будет не трудно.

– А это что? – он взял в руки изуродованный Кириллом наган, который приобрел толстый ствол и более отогнутую назад рукоять.

Вместо ответа Новиков взял такой же и, зарядив барабан, протянул его рукояткой вперёд.

– А вы, товарищ народный комиссар, попробуйте выстрелить. Щит вон там, – он показал на угол, где стоял уже порядком измочаленный дубовый пулеуловитель. – Подходят в принципе обычные патроны, но я сделал особые боеприпасы.

Взяв в руки револьвер, Берия вскинул оружие и нажал курок, внутренне ожидая довольно громкого звука, как от брамита[19], но когда раздался едва слышный хлопок, недоумённо посмотрел на оружие. Потом снова навёл на угол и в хорошем темпе отстрелял весь барабан.

– Не понимаю.

Он с растерянной улыбкой вернул оружие, и Новиков взял в руки стандартный, на первый взгляд, револьверный патрон.

– Пуля более тяжёлая и удлинена. Кроме того, глушитель комбинированного винтового типа выдерживает до пяти сотен выстрелов и быстро заменяется. – Новиков одним движением снял глушитель и протянул его Берии. – Хочу также сделать автоматический пистолет с глушителем, но пока нужной модели не подобрал. Нужно что-то вроде Вальтера ПП и Люгера-Парабеллума. А вот ещё одна доработка, – Кирилл подал наркому пистолет, в котором угадывались очертания ТТ[20]. Изменил рукоятку, немного доработал силуэт и сделал другие пули.

– Чем вас старые не устраивали? – Берия взял в руки пистолет, отметив, как ладно он пришёлся к руке.

– Сейчас. – Новиков поставил напротив пулеуловителя две пластины и снарядил два магазина обычными и модифицированными пулями. – Обычный ТТ оставляет в человеке ровное отверстие, словно бы того проткнули шпагой. – Он вскинул пистолет и выстрелил в правую мишень несколько раз. Потом сменил магазин и один раз выстрелил в левую и, убрав оружие, положил обе мишени на стол перед Лаврентием Павловичем. В правой пластине было три аккуратных дырки, а левая была просто разворочена, словно в неё попал патрон крупного калибра.

– Перевооружение – штука дорогая и долгая, а переделать уже имеющиеся пистолеты можно в любой мастерской. А в патронах вообще заменена лишь пуля, и она, в общем, не сильно дороже обычной. ТТ – пистолет очень хороший, но вот рукоять и эффект поражения вне всякой критики. А тут куда ни попал – болевой шок гарантированно выводит противника из строя. Кстати, можете забрать револьверы и пистолет. Если нужно, могу дать ещё по пятьсот патронов к тому и другому.

– Обязательно заберу. – Глава наркомата весело блеснул стёклами пенсне и добавил: – У вас будет нужное оружие… – Потом кивнул: – Понятно, почему они рвались к вам. Но я думаю, что лучшим выходом будет построить для Осинфбюро отдельный корпус, где предусмотреть все возможные случайности.

– И если можно, нормальный станочный парк, товарищ народный комиссар, и надёжного хорошего мастера. – Новиков виновато улыбнулся. – А то приходится бегать по заводам, заказывая детали в разных местах, и собирать уже здесь, или вытачивать на миниатюрных станках, что не всегда удобно и возможно.

– А вы лично чего хотели бы? – Берия пристально посмотрел капитану в глаза.

---

[19] *Брамит* – один из первых серийных глушителей звука выстрела, изобретён братьями Митиными в 1929 году. Из-за специфики конструкции быстро выходил из строя и требовал тщательного ухода.

[20] *Тульский Токарева* – автоматический пистолет.

– Даже не знаю. – Новиков сразу понял подоплёку вопроса. – Жильё у меня отличное, здесь на третьем этаже целых три комнаты, лаборатории укомплектованы полностью, люди подобраны.

– Это хорошо. – Нарком кивнул и повернулся к Глебу и Петру: – А у вас, товарищи, есть пожелания?

Глеб вздохнул.

– Нам бы грузовоз, тонны на три, а то полуторка – старая, совсем развалилась. Да ещё небольшую легковушку. Бьюик больно приметный. Кроме того, на нём товарищ Артузов постоянно ездит.

– Решим, – Берия кивнул и посмотрел на Власика: – А вы, товарищ старший майор, ничего не хотите добавить?

– А чего добавлять? – тот пожал плечами. – Сработали отлично – кровавой бани не устроили. Вот только если приказать товарищу капитану установить сигнализацию на некоторых кремлёвских объектах?

– Разумеется, – Кирилл кивнул. – Только хорошо бы парочку грамотных инженеров-электриков и электронщиков. Всё же не отдельное здание, там работы для одного многовато.

– Но вот что я точно могу сказать – решение о предоставлении вам охраны на постоянной основе уже принято, и будьте добры учитывать это в своих перемещениях, – добавил Власик категорично. – Товарищ Сталин мне про это особым образом наказал.

7

Естественный отбор лучше производить искусственно и планомерно.
Чень Са – придворный палач
Цинь Ши Хуанди

Москва, Подольская площадь

Руководство отбыло, а весь личный состав Бюро занялся восстановлением порушенного. Не рефлексируя по поводу происшествия и быстро разделившись на группы, они с шутками и прибаутками занялись ремонтом, вставляя стёкла, которых оказался изрядный запас, и восстанавливая забор. Потом прибыли ремонтные команды из штаба округа, которые забрали шесть грузовиков из восьми, два оставив в распоряжении Бюро, причём именно те, что меньше всего пострадали. Кроме того, был оставлен и Л-1, отделавшийся небольшой дыркой в крыле. Старшина Молодько сразу же взял машины в оборот, загрузив возить какие-то материалы, а Кирилл, почесав в затылке, скинул разгрузку и завалился спать прямо в своём крошечном кабинете.

Разбудил его Пётр, ворвавшийся с каким-то заполошным гиком в комнату. Новиков сразу проснулся и, наблюдая за тем, как друг возбуждённо наворачивает круги, встал, обулся и пошел умываться.

К чему Кирилл так и не привык, так это к варварской «опасной» бритве и порошку для чистки зубов вместе со щёткой из натуральной щетины. Но тут все его друзья-коллеги были категоричны, и всё, что не соответствовало текущему времени, пришлось оставить в хранилище, включая «Грача». Вместо него Новиков таскал Браунинг НР тридцать пятого года, неведомыми путями попавший в оружейку НКВД и выданный за две бутылки коньяка вместо штатного ТТ.

Конечно, можно было потрясти бумагами, но так ему досталось ещё и две тысячи патронов 9 х 19, которые в Советской России были не очень распространены.

Ещё тяжелее было привыкнуть к тому, что в магазинах практически не было фруктов. Мясо – пожалуйста, колбаса такая, что любой элитный сорт из его времени удавился бы от зависти, хлеб свежайший и очень вкусный, даже конфеты любых сортов, правда дороговато. А вот фруктов, кроме яблок, можно сказать, что и не было. Только в сезон появлялись груши или бахчевые дыни-арбузы, мандарины встречались совсем редко, а уж виноград и апельсины были совершеннейшей экзотикой. Правда, Петр и Глеб рассказывали, что в дорогом ресторане, вроде «Метрополя», можно заказать ананас, но это было уж совсем по-буржуйски.

Отсутствие фруктов в какой-то мере компенсировалось вареньем, коего даже в обычном продмаге всегда имелось несколько сортов. Яблочное и сливовое – всегда пожалуйста, вишневое и клубничное – поискать, ну а если уж прийти в центральный магазин типа «Елисеевского» или ГУМа, то можно прикупить и черничное, и земляничное, и даже из морошки.

В комнату Кирилл вернулся, когда Петя уже успокоился и сидел в углу, задумчиво рассматривая потолок.

– Сегодня в два часа дня открывается внеочередной пленум ЦК, – спокойно произнёс он, но Новиков просто физически чувствовал, как друга переполняли эмоции. – Власик звонил и просил всех троих быть там и при оружии.

– О! А то я уже начал скучать от спокойной жизни, – кивнув, Кирилл прошёл к своему кофру и достал мягкий свёрток. – Держи.

– Что это? – капитан развернул пакет. – Какой-то жилет. Толстый, – сообщил он, пощупав ткань. – Тёплый, наверное?

Новиков фыркнул.

– Пуленепробиваемый жилет, – быстро надев китель и портупею, он посмотрел на себя в зеркало. – Порядок. Надо будет отдать Власику, чтобы уговорил Самого. Держит винтовочную пулю со ста метров. Такого здесь ещё лет восемьдесят не изобретут.

Пленум ЦК партии проходил в зале Большого Кремлевского дворца. Члены ЦК, технические работники и приглашённые гости уже с утра стекались в здание, чтобы обсудить последние новости, которых было очень много. Начинали, конечно, все с ареста трёх высокопоставленных сотрудников НКВД, причём не келейного, как обычно, а в ходе практически бандитского налёта на один из секретных объектов госбезопасности. Потом делились впечатлениями о розданных заранее тезисах доклада Сталина и высказывали мнение, что, скорее всего, после краткой вступительной речи, разговор всё равно пойдет о Зиновьеве, Каменеве и Бухарине, которые постоянно играя в оппозицию, похоже, все-таки доигрались. Совсем вполголоса обсуждали совершенно неожиданное назначение Берии наркомом внутренних дел и арест Генриха Ягоды.

Делегатов на первый взгляд пришло человек двести плюс различные технические специалисты и охрана, которая была довольно многочисленна. Присутствовали не только члены ЦК, но и кандидаты в члены, а также члены комиссии партийного контроля. Теперь, после назначения Берии, весь первый отдел ГУГБ подчинялся Власику, и тому приходилось работать за троих, занимаясь охраной не только первого лица, но и других лидеров Советской России. И если учесть, что в ведомстве прошла тихая, но глубокая чистка, это было совсем не простой задачей.

Как позже будет написано в «Правде», «под бурные несмолкающие аплодисменты» в зал стали заходить члены президиума и занимать свои места, но когда вошёл Сталин, все вскочили и громкость аплодисментов стала просто невероятной.

Сразу пройдя к трибуне, что было некоторым нарушением регламента, Сталин поднял руку, и грохот стих.

– Товарищи! Обычно принято на съездах и пленумах говорить о достижениях. Нет сомнений, что у нас достижения имеются. Они, эти достижения, конечно, не малы, и скрывать их незачем. Но, товарищи, у нас в последнее время стали говорить о достижениях так много и иногда так приторно, что теряется всякая охота повторять сказанное. Поэтому разрешите мне нарушить общий порядок и сказать вам несколько слов не о достижениях наших, а о наших слабостях и о наших задачах в связи с этими слабостями.

Я имею в виду, товарищи, задачи, охватывающие вопросы нашего внутреннего строительства. Наша страна – первое в истории государство рабочих и крестьян, со всех сторон окружена врагами, и время, когда сознательные рабочие всех стран перейдут к активной борьбе против эксплуататоров, наступит не завтра. Мы вынуждены действовать во враждебном окружении и так, чтобы у наших врагов не было ни единого шанса на победу.

Сталин помолчал, смотря тяжелым взглядом в зал, и продолжил:

– Но враги всё же пробираются в наши ряды. Где обманом и ловкостью, а где и пользуясь нашей беспечностью и успокоенностью мирной жизнью. А всякое завоевание, товарищи, в том числе и завоевание мирной жизни, имеет и свои отрицательные стороны. Условия мирного строительства не прошли даром для нас. Они наложили свой отпечаток на нашу работу, на наших работников, на их психологию. За эти пять лет мы шли плавно вперед, как на рельсах. В связи с этим создалось у ряда наших работников настроение, что все пойдет как по маслу, что мы сидим чуть ли не на экстренном поезде и двигаемся по рельсам прямо без пересадки к социализму.

На этой почве выросла тактика «самотека», практика «авось – небось», мнение о том, что «все образуется само собой», что у нас нет классов, враги наши успокоились и все пойдет у нас как по писаному. Отсюда некоторая тяга к инертности, к спячке. Вот эта психология спячки, эта психология «самотека» в работе – она и составляет отрицательную сторону периода мирного развития. Это происходит и потому, что руководящие органы нашей страны оказались вне критики Советов всех уровней, и прежде всего – советского труженика. Того самого, который вручил нам право на управление государством.

К чему это привело? В чем состоит опасность таких настроений? В том, что они засоряют глаза рабочему классу, не дают ему разглядеть своих врагов, усыпляют его хвастливыми речами о слабости наших врагов и подрывают его боевую готовность. И последствия, товарищи, очень неприятные. Во многих местах целенаправленная и поступательная работа сменилась штурмовщиной, погоней за цифрами отчётов, а не реальными результатами деятельности.

Точно такая же, как говорится, ржавчина поразила и наши органы внутренних дел. Фальшивые протоколы, пытки и расправы с неугодными стали рядовой практикой многих сотрудников комиссариата. Сейчас мы не будем обсуждать и оценивать деятельность бывшего Народного комиссара внудел Ягоды. Этим займётся специальная комиссия. Но то, что комиссариат нуждается в серьёзных организационных выводах, уже несомненно. Нельзя утешать себя тем, что в партии у нас миллион членов, в комсомоле – два миллиона, в профсоюзах – десять миллионов, что этим все обеспечено для окончательной победы над врагами. Неверно это, товарищи. История говорит, что самые большие армии гибли от того, что они зазнавались, слишком верили в свои силы, слишком мало считались с силой врагов, отдавались спячке, теряли боевую готовность – и в критическую минуту оказывались застигнутыми врасплох.

Самая большая партия может быть застигнута врасплох, самая большая партия может погибнуть, если она не учтет уроков истории, если она не будет ковать изо дня в день боевую готовность своего класса. Быть застигнутым врасплох – это опаснейшее дело, товарищи. Быть застигнутым врасплох – это значит стать жертвой «неожиданностей», жертвой паники перед врагом. А паника ведет к распаду, к поражению, к гибели.

Вот почему первое решение, которое я предлагаю обсудить, это запрет на высшую меру социальной защиты – расстрел. За прошедший год только по делам комиссариата внутренних дел было расстреляно более ста человек. Среди них есть саботажники, предатели Родины и даже агенты иностранных держав. Но я хочу спросить вас: неужели мы боимся их настолько, что готовы лишить жизни, а не предоставить возможность изменить свои взгляды? Пусть и в заключении или на стройках народного хозяйства. Но смерть их не устраняет всех последствий, что они принесли. Не сделает нашу жизнь лучше. А труд на благо страны – это ещё один шанс, который мы даём этим людям. Шанс, что они смогут прямо смотреть в глаза своим матерям, отцам и детям.

Особенно тяжело говорить о случаях вынесения ошибочных приговоров. Из произвольно выбранных ста приговоров пятнадцать оказались вынесенными по ложным обвинениям и теперь отменены. Но жизни расстрелянных граждан страны это уже не вернёт.

Сейчас работает специальная комиссия под руководством товарища Мехлиса, но уже ясно, что количество несправедливо осуждённых будет измеряться сотнями. Конечно, все виновные понесут ответственность, но давайте вспомним судьбу Великой Французской революции. Она пожрала собственных детей, и когда пришло время защищать страну, уже не было никого, кто разделял идеалы равенства и братства.

Нам всем нужно много учиться. Забыть наконец, что университеты гражданской войны в мирное время немного значат. Быть рачительными хозяйственниками, садовниками, терпеливо растящими будущий сад, а не бойцами, с шашкой наголо срубающими ростки только потому, что они медленно растут.

Да, у нас совсем мало времени. Война уже на пороге нашего дома. Капиталисты всех стран уже точат штыки и набивают патроны в пулемётные ленты. И не видеть этого – преступно. А потому нужно всемерно усилить, ускорить, усовершенствовать подготовку к обороне, сделать так, чтобы любая свинья, сунувшая рыло в наш огород, была счастлива, если ей удастся унести подобру-поздорову ноги.

В зале раздался смех, кто-то выкрикнул: «Поторопимся! Приготовимся!» Сталин поднял руку и продолжил:

– Но сделать быстро не должно означать сделать плохо. И уж тем более не должно означать «не сделать никак». А борьбу за качество, которую ведёт наша партия, никак нельзя назвать успешной. Теория «самотека», поиски врагов народа там, где их нет и никогда не было, – все это не помогает, а мешает нашей стране, нашему народу. Партия сейчас требует от всех коммунистов вплотную заниматься обучением рабочих новым приёмам труда, повышением технической грамотности и контроля качества на каждом рабочем месте. И я вижу в этой работе прежде всего Советы народных депутатов всех уровней. Кто как не рабочие и колхозники – люди труда – смогут решить эту важнейшую задачу?

Слова «Советское – значит лучшее» должны стать девизом каждого советского предприятия, каждого советского человека! И, пользуясь случаем, я хочу обратиться к студентам, к школьникам, ко всей молодежи нашей великой Родины.

Перед нами, товарищи, стоят величайшие задачи переустройства всего нашего народного хозяйства. Недостаток новых кадров строителей тормозит наше продвижение вперед. Достаточно вспомнить о шахтинском деле, чтобы понять всю остроту вопроса о новых кадрах строителей социалистической индустрии. Конечно, у нас есть старые специалисты по строительству промышленности. Но во-первых, их мало у нас, во-вторых, не все они хотят строить новую промышленность, в-третьих, многие из них не понимают новых задач строительства, в-четвертых, значительная часть из них уже состарилась и выходит из активного возраста. Чтобы двинуть дело вперед, надо создать ускоренным темпом новые кадры специалистов из людей рабочего класса, из коммунистов, из комсомольцев.

Охотников строить и руководить строительством у нас хоть отбавляй как в области сельского хозяйства, так и в области промышленности. А людей, *умеющих* строить и руководить, у нас до безобразия мало. И наоборот, невежества у нас в этой области тьма-тьмущая. Более того, у нас есть люди, которые готовы воспевать нашу некультурность. Если ты неграмотен или пишешь неправильно и кичишься своей отсталостью – ты «рабочий от станка», тебе почет и уважение. Если ты вылез из некультурности, научился грамоте, овладел наукой – ты чужой, «оторвался от масс», перестал быть рабочим. Нужно решительно бороться с такой точкой зрения, с такими ошибками! И, невзирая на лица, крепко давать по рукам тем руководителям, что еще цепляются за старое, за отсталое.

Вы – будущее страны, её сила и разум. Получение знаний, учёба – это ваш фронт. Ваша война. Уверен, что вы будете в ней победителями и не посрамите ваших отцов и дедов.

Также хочу обратиться к тем, кто по тем или иным причинам сейчас оказался за границами нашей Родины. Обманутые генералами и атаманами, люди сотнями и тысячами покинули Россию, бедствуя на чужбине. Помните, Родина ждёт вас. Те, кто не замешан в кровавых казнях безоружных людей, те, для кого слово «Родина» всё ещё что-нибудь значит, могут явиться в посольство СССР и получить паспорт вместе с проездными документами. Но даже для совершивших преступления двери не закрыты. Справедливый суд назначит обязательный срок работ на стройках народного хозяйства, отбыв который человек становится полноправным гражданином.

Но хочу предупредить тех, кто вернётся с целью продолжить подрывную работу. После суда и отбытия наказания они будут депортированы из страны навсегда и лишатся права въезда, так же как и их потомки.

Сталин говорил глухим спокойным голосом, но каждое слово вбивал словно раскалённый гвоздь. Делегаты слушали его затаив дыхание, но даже Новиков, человек не вполне знакомый со всеми реалиями, понимал, что сейчас осуществляется коренной перелом во всей политической жизни страны.

Последующие после пленума дни только показали правильность этого вывода. Мехлис был назначен главой Партконтроля и начал активную чистку аппарата. Несколько раз к этой работе привлекали и сотрудников Осинфбюро, а в один из дней, после вызова к Сталину, Кирилл заперся в лаборатории и, выгнав лаборантов, с чем-то долго возился. Закончив, оделся в гражданскую одежду и, показав охране приказ Власика, один ушёл в стылую осеннюю ночь.

А наутро Лазарь Моисеевич Каганович, спускаясь по лестнице своего дома, столкнулся с сутулым рабочим, как видно из обслуги, и, поморщившись от неприятного запаха, поспешил пройти мимо.

До работы он так и не доехал. Шофёр, увидев, что пассажиру стало плохо, сразу повёз того в больницу, но там лишь констатировали смерть от инсульта.

8

Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?
Н. В. Гоголь.
Ревизор

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ

18 октября в 10 часов 30 минут в Москве, в Больнице № 1 от паралича сердца скоропостижно скончался народный комиссар путей сообщения, член Политбюро Центрального комитета ВКП (большевиков) товарищ Каганович Лазарь Моисеевич.

«Известия» 19 октября 1936 г.

ХРОНИКА

Президиум ЦИК СССР назначил т. Ежова Н. И. на пост народного комиссара путей сообщения.

«Известия» 24 октября 1936 г.

Ближняя дача, Волынское

В тот не по-осеннему жаркий день на даче в Волынском[21] было людно. Кроме Самого с детьми тут были Предсовнаркома Молотов с женой и дочкой, нарком внудел Берия с женой и сыном, нарком обороны Ворошилов с семьей. Мехлиса, Микояна, Деканозова[22], Меркулова пригласили одних, без жен. И, разумеется, здесь же был вездесущий Власик.

После смерти Надежды Аллилуевой Николай Сидорович Власик обеспечивал не только охрану Вождя – он отвечал за его питание, транспорт, надзирал за его детьми и даже занимался организацией праздничных демонстраций на Красной площади. Он был настоящий пестун[23] в первоначальном значении этого слова. И словно медведь, Власик с отчаянной, фанатичной яростью бросался заслонить, защитить Сталина от бытовых забот и проблем. Вот и сейчас он отчаянно разрывался, стараясь успеть и быть все время и всюду. Проследить, чтобы великовозрастные Вася с Тимуром не обижали маленького Серго или чтобы все эти три мушкетера не объединились и не начали дразнить маленьких Светланочек[24]. Проконтролировать, чтобы товарищ Жемчужина не сцепилась в который раз с Екатериной Давидовной, вновь и вновь демонстрируя извечную ненависть правоверных евреев к выкрестам[25]. Или же – спаси и сохрани! – чтобы они вместе не полезли к Нино, выхваляясь своей ученостью и образованностью, хотя супруга товарища Берии им сто очков форы даст по части разумности и практической сметки. Лично проконтролировать, чтобы паровую осетрину не поставили возле товарища Деканозова, который рыбу на дух не переносит, а бутылку саперави – в досягаемости от Хозяина и от Берии, но от второго дальше, чем от первого… Много, много забот у товарища Власика, а тут еще и новое дело: сегодня появится новый человек. Ну, то есть не новый, конечно, и давно уже знакомый, а все же, все же…

---

[21] «Ближняя дача» Сталина располагалась недалеко от села Волынское, вблизи бывшего города Кунцево. «Ближней» дача стала именоваться по сравнению с прошлой дачей Сталина, располагавшейся в Успенском.

[22] *Деканозов* (Деканозовишвили) Владимир Георгиевич (1898–1953) – советский партийный и государственный деятель.

[23] *Пестун* – медвежонок 1–2 лет, оставшийся при матери и отвечающий за безопасность младшего поколения, ревниво их опекающий.

[24] Имеются в виду сын Сталина Василий, приемный сын Ворошилова Тимур Фрунзе и сын Берии Серго 1921, 1923 и 1924 г. р. соответственно, а также дочери Сталина и Молотова, обе носившие имя Светлана, 1926 и 1929 г. р.

[25] Супруга Молотова Жемчужина Полина Семеновна, как и жена Ворошилова Голда Давидовна Горбман были еврейками. Однако вторая крестилась и стала Екатериной Давидовной Ворошиловой, в то время как первая всю жизнь активно подчеркивала свою национальную принадлежность.

Сталин прохаживался по широкому двору, задумчиво посасывая уже давно погасшую трубку. После того, что он узнал из книг, предоставленных «попаданцем», стало абсолютно очевидным: успеть подготовиться настолько, чтобы встретить врага во всеоружии, возможно, но… И вот это самое «но» сейчас терзало разум Вождя. Связь, новое оружие, новые прицелы, даже новые штаты танковых и механизированных дивизий – все это можно создать, подготовить, собрать. Вот только где найти бойцов для этого изобилия? Где взять радистов, ремонтников, гэсээмщиков, даже грамотных артиллеристов – всех тех, о ком толковал действительно умный и знающий Новиков, если основная часть бойцов в Красной Армии – крестьяне? Если даже шоферов на автомобили в армии найти удается с трудом, и пушки на конной тяге – не от бедной жизни, а от того, что конюхов в любом полку найти можно, а вот шоферов – поищешь.

Немцам, англичанам, американцам хорошо. У них давно и сильно развитая промышленность, культура, хоть и капиталистическая, а все же… А здесь, на одной шестой земного шара, только вчера соху убрали. Да и то не везде.

Так что другой путь, предложенный Новиковым и продемонстрированный им же на Кагановиче, – горькая, но осознанная необходимость. Пусть даже этот путь идет вразрез с трудами классиков марксизма и великого Ленина.

Сталин поморщился. «Марксизм – не догма, а руководство к действию!» – так сказал он сам, но вот теперь… Какая-то эсеровщина получается.

– Коба, я вот все думаю… – откуда-то, словно из-под земли, возник Берия. – Я вот думаю: эсеровщиной это все отдает, нет?

Иосиф Виссарионович слегка удивился. Нет, не тому, что Лаврентий подумал о том же самом, а тому, что он выразил свои сомнения его же словами. Огладил усы, чиркнул спичкой, раскурил трубку.

– Я думаю – нет, не эсеровщина. Я так думаю: эсеровщина – это бессмысленный террор. Это когда неважно, сколько людей пострадает и к каким последствиям приведет. Вот что такое эсеровщина, Лаврентий. А то, что предлагает твой сотрудник, – Сталин намеренно слегка поддел Берию, прекрасно знавшего, что Осинфбюро подчиняется ему лишь номинально, – это совсем не эсеровщина. Это совсем другое. Я так думаю. И вспомни, Лаврентий, куда тянулись все ниточки от смертей Кирова и Куйбышева. – Вождь пыхнул трубкой, выпустив клуб ароматного дыма. – Очень верно заметил товарищ Новиков: дозированное, тщательно рассчитанное удаление ключевых личностей – метод политической борьбы. Возможно, даже классовой борьбы.

Тут Вождь замолчал, потому что прямо перед ним с шумом и треском выскочили из кустов Тимур и Серго. Молнией проскочили они через аллею и исчезли в зарослях. Через мгновение за ними выскочил потный и красный Василий. Он тоже намеревался проскочить через аллею и догнать обидчиков, но увидев отца, внезапно присмирел и остановился. Сталин поманил его к себе:

– Вася. Сейчас к нам приедет в гости один человек, – произнес Иосиф Виссарионович, не глядя на сына. – На твоем месте я бы постарался познакомиться с ним поближе. Если бы был на твоем месте… Пойдем, Лаврентий.

Василий замер, переваривая услышанное, а Сталин и Берия тем временем ушли в дом. Сыну Вождя нечасто доводилось получать от отца такие конкретные приказы. Говоря по правде, парень редко видел своего великого родителя, даже слишком редко. И потому после минутного раздумья Василий отправился к Власику, узнать его мнение о странном госте.

Новиков чувствовал себя не в своей тарелке. Одно дело общаться с сильными мира сего по службе, так сказать по делу, и совсем другое – общение в неформальной обстановке. В голове вихрем роились рассказы о том, как Сталин подпаивал и даже специально спаивал своих гостей, как хитро вел застольные разговоры.

– Кир, приехали, – сообщил Петр, сидевший, по обыкновению, за рулем. – Доставай спецпропуск.

Кирилл протянул в окно крепышу с кубарями сержанта госбезопасности пропуск на дачу Сталина. Тот принял плотный листок картона, не спуская глаз с Новикова, и протянул документ куда-то назад. Там, в полутьме караульной будки, кто-то невидимый изучил пропуск и вернул его охраннику, а тот в свою очередь – Кириллу. Улыбнулся одними губами:

– Все в порядке. Выйдите из автомобиля, пожалуйста.

У них забрали оружие, после чего Новикова и Вольского быстро, но качественно обыскали. Хотя «качественно» – это только по меркам тридцатых годов двадцатого столетия.

Затем также быстро и грамотно досмотрели машину, после чего все тот же сержант сказал:

– Попрошу освободить шоферское место.

Петр без звука перебрался на заднее сиденье, а другой крепыш с петлицами младшего лейтенанта госбезопасности уселся за руль. Л-1 тихо фыркнул двигателем и неспешно покатил по тенистой еловой аллее. Кирилл с любопытством обозревал знаменитую Ближнюю дачу, о которой в его время ходило столько легенд. Но ничего особенного он не увидел, доводилось ему видывать особняки куда богаче, да и попросторнее. Разве что само здание было на удивление органично вписано в пейзаж и окружающий его парк. «Сейчас так не умеют, – ехидно подумал Новиков. – Культура не та». И тут же беззвучно засмеялся сам над собой: как раз сейчас это умели, а вот в будущем… Впрочем, если он постарается – это будущее вообще не наступит. Только нужно очень стараться.

Автомобиль тем временем остановился на площадке рядом с другими машинами. Тут были и роскошные «паккарды», и похожие на «Ленинград» бьюики, и фордики, и даже бог весть как попавший сюда потрепанный «фиат». Кирилл не успел задуматься о тех неведомых путях, которыми детище солнечной Италии попало на территорию Союза Советских Республик, когда младший лейтенант нажал на тормоз и произнес безо всякой интонации:

– Приехали, товарищи командиры. Вам туда, – и он показал Кириллу рукой на неширокую дорожку, засыпанную мелко крошенным кирпичом. По бокам дорожка была отбортована таким же кирпичом, только целым, и Новиков приятно удивился, рассмотрев, как аккуратно выложены красными брусками водоотводные канавы вдоль дорожки. «Красиво, – оценил он. – И чего же потом такое забыли?»

Должно быть, Петру такое было не в диковинку, потому что он, не обращая внимания на «дорожное покрытие», бодро зашагал куда-то вместе с младшим лейтенантом, а Кирилл пошёл по дорожке.

Сказать по правде, Василий Сталин Власика не любил. Потому что не за что было его любить, в отличие от его предшественника Паукера[26]. Дядя Карл был веселый, неистощимый на всякие забавные выдумки, проделки и розыгрыши. Даже Деда Мороза на елке играл. Его было за что любить. А вот Власика, которого Паукер дразнил «пупком» – не за что. Строгого белорусского крестьянина, ругавшего за любые, даже самые мелкие провинности, Василий не то чтобы боялся – он вообще никого, кроме отца, не боялся! – но не любил. Однако уважал. За твердость характера, за физическую силу, за умение настоять на своем, за умение стрелять без промаха, за удивительную практичность и крестьянскую сметку. А еще – за умение мгновенно и почти всегда безошибочно разбираться в людях. Потому-то узнавать об удивительном госте сын Вождя отправился именно к нему: если Николай Сидорович хоть что-то про этого человека расскажет, значит – так оно и есть.

[26] *Паукер Карл Викторович* (1890–1937) – советский деятель ВЧК-ОГПУ-НКВД. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга. С 1924 г. – личный охранник Сталина.

Власик отыскался возле кухни, где он за что-то «песочил» двух поваров-армян, одновременно плотоядно посматривая на крутые бока и высокую грудь крутившейся рядом молодой чернявой подавальщицы. Увидев сына Хозяина, он тут же оставил свои дела и, точно огромный преданный пес, шагнул Василию навстречу:

– Да, Василий?

Паренек проводил глазами соблазнительную фигурку брюнеточки-официантки, но тут же настроился на серьезный лад и пристально посмотрел в лицо своему собеседнику:

– Николай Сидорович, а что за человек такой сегодня приехать должен? – И, увидев, как непроизвольно дернулся взгляд Власика, поспешил пояснить: – Мне отец о нем сказал. И еще сказал, чтобы я с ним поближе познакомился.

Николай Сидорович задумался. Как объяснить пятнадцатилетнему парню причину слов его всесильного отца, ничего толком не объясняя? Напрямую не скажешь: подписка такая, что в случае чего, пощады никому не будет. А как не сказать, когда Сам просветил сына, хотя, по своему обыкновению, и намеком.

– Это да… – произнес после некоторого раздумья Власик. – Это такой, брат, человек, что…

Тут он снова было смешался, но взял себя в руки и, с видом бросающегося вниз головой в ледяную воду, выдал, словно припечатал:

– Такой уж это человек, Василий, что вот ищи-ищи, а другого такого не сыщешь. Тут тебе и стрелок, и с ножом, и без, и химию-физику какую преподаст, да так, что твоим учителям в школе и не снилось! Вот!

Сказав все это, он хлопнул парня по плечу, улыбнулся, подмигнул и устремился куда-то по своим делам, мгновенно исчезнув из виду, оставив Василия в глубоком недоумении: что же за гостя сегодня пригласил отец?

Василий задумчиво побрел к главному входу, даже не заметив пару сосновых шишек, которые бросили в него Тимур и Серго. Впрочем, сейчас Василий не заметил бы и более крупных метательных снарядов. Он погрузился в свои размышления столь глубоко, что чуть не налетел на незнакомого человека с петлицами капитана госбезопасности. Столкновение казалось неминуемым, но в последний момент капитан как-то легко «оттек» назад – ровно настолько, сколько нужно было, чтобы юноша прошел мимо.

– А вот и мой Васька Красный[27], – раздался негромкий, чуть глуховатый голос отца. – Ты что это не смотришь, куда идешь? Смотреть надо, а то не будешь смотреть – зайдешь куда совсем и не надо!

Василий покраснел густо и быстро, полностью оправдывая свое прозвище, и рванулся было прочь, но в последний момент его что-то удержало. Незнакомец, с которым он едва-едва не столкнулся. Совершенно новое лицо, ранее никогда не виденное. Уж не об этом ли человеке говорили и Власик, и отец?

– Это – вы? – спросил он у незнакомца.

– Я – это я, – ответил тот, чуть усмехнувшись уголками губ, причем остальное лицо его оставалось абсолютно бесстрастно и неподвижно.

Особенно впечатлили Василия глаза странного человека. Ему не раз доводилось видеть холодный, точно подернутый ледяной кромкой взгляд отца, но эти глаза словно бы светились морозным светом. Пораженный юноша невольно сделал шаг назад и отвел взгляд. Но тут он вспомнил, что ему говорил Власик, и любопытство взяло над ним верх.

– Мне Николай Сидорович сказал, что вы ножом здорово деретесь, – начал Василий. – Меня вот тоже ребята из охраны учат.

---

[27] Детское прозвище Василия Сталина.

Тут он осекся, ощутив на себе строгий недовольный взгляд отца, но незнакомец вдруг шагнул к нему:

– Да? Очень любопытно, молодой человек, очень. Покажете? Ну, хотя бы пару базовых связок или… – тут он замолк, видимо подбирая слова.

А Василий уже мчался к дому и, почти сразу же, обратно. Когда он вернулся, в его руках был длинный кавказский кинжал в серебряных, покрытых черненым узором ножнах и с такой же рукоятью. Этот был подарок отца, который, в свою очередь, получил его от кубачинских мастеров к пятнадцатой годовщине Великого Октября и потому в традиционные узоры вплетались цифры «1917», буквы «СССР» и силуэт «Авроры».

Новиков внимательно смотрел, как подросток пытается показать ему что-то отдаленно напоминающее армейский ножевой бой, постоянно сбиваясь при этом на спортивное фехтование. А через пару минут – не выдержал.

Кирилл подошел к пареньку поближе и, аккуратно перехватив кисть с зажатым кинжалом, чуть-чуть довернул, приводя в нужное положение:

– Вот так. А иначе клинок может пойти вскользь, по ребрам… – Тут он заметил, что лезвие слегка болтается, – Э-э, нет, так не пойдет! Таким ножом работать нельзя: крепление у рукояти плохое.

Василий растерянно оглядел кинжал. Да как же так?! Отличный кинжал, и клинок старинный. Отец говорил, что эти кинжалы по всему Кавказу славились.

– Где же плохое? А, товарищ… – тут он запнулся, сообразив, что до сих пор не знает, как зовут гостя.

– Зови просто «Кирилл», без чинов. Вот смотри, – и Новиков показал ему на рукоять. – Видишь, под одну из заклепок ноготь подсунуть можно. А крепится эта рукоятка всего-то на двух заклепках. Если одна слабая, то вторая уже не может клинок удержать. Правда, это недостаток почти всего холодного оружия кавказского региона.

Он подумал и добавил:

– Да и вообще: кинжал этот красивый, конечно, но для боя совсем не годится.

– А зато клинок хороший, – вскинулся Василий. – Мне отец говорил – старинный! И вообще.

– Да, клинок неплохой, – Новиков аккуратно вынул кинжал из руки юноши и поднес к глазам, изучая разводы дамасской стали. – Тысячи две слоев, я думаю.

– Три, – негромко произнес Сталин, внимательно следивший за разворачивавшейся перед ним картиной. – Три тысячи, товарищ Новиков, три.

– Это очень хорошо, товарищ Сталин, – произнес Новиков, – но у дамасской стали есть, кроме всем известных плюсов, один серьезный минус. Воды она боится. Клинок нужно постоянно маслом смазывать или салом натирать. Иначе коррозия пойдет, а из-за слоистой структуры она будет развиваться неравномерно. Кроме того, во внутренних слоях могут оказаться посторонние включения, и если клинок скорродирует как раз по такому включению – переломится на раз. Мяу сказать не успеешь.

По лицу Сталина пробежала легкая досада, но он тут же взял себя в руки:

– Я обязательно это учту, когда буду дарить сыну другой клинок, – спокойно сказал Вождь. – Спасибо вам, товарищ Новиков, за хороший совет. Очень метко сказал о таких советах знаменитый узбекский поэт Омар Хайям: «Яд, мудрецом предложенный, прими. Брать от глупца не стоит и бальзама». Очень верно сказано. И русский народ говорит верно: «Век живи – век учись!»

Он с шутливым сокрушением покачал головой:

– А вот когда вы в следующий раз придете к нам в гости, товарищ Новиков, я вас попрошу показать моему Васе ваш собственный нож.

– Я и сейчас могу, – сказал Новиков спокойно. – Если, конечно, у меня есть еще пара свободных минут.

При этих словах в его руке словно бы из ниоткуда возник нож – типичный «Ка-Бар», и запорхал в пальцах. Власик, увидев этот из воздуха взявшийся клинок – черный, матовый, хищный, даже на взгляд! – чуть не подавился и схватился за сердце. Лишь через две минуты он сумел выдавить из себя каркающе:

– Как?.. Как?.. Как?..

В этот момент он был так похож на встрепанную ворону, что Берия и Молотов не сумели сдержать улыбки, а Ворошилов просто расхохотался. Не удержался и Сам. Сталин смеялся негромко, словно стесняясь своего смеха, но веселые искорки в глазах явственно свидетельствовали: Вождь откровенно веселится.

– Как же это так вышло, товарищ Власик? Товарища Новикова ваши подчиненные досматривали-досматривали, а нож просмотрели?

Николай Сидорович, явно не ожидавший такой «подлости» от Новикова, наконец пришел в себя и с укоризной спросил Кирилла:

– Зачем же вы так, товарищ Новиков? Ну зачем?

Тот пожал плечами:

– Да вот, видите ли, товарищ Власик, я за столько лет с оружием, можно сказать, сроднился. Я без него себя точно голый чувствую. Ну не мог же я в гости голым пойти?

Чем вызвал новый приступ веселья.

– Вот видишь, Василий, ручка – из специального каучука, и в руках она не скользит. А прочность хвата – определяющая для точности наносимого удара.

Младший Сталин кивнул, крепче ухватил нож и тут же нарвался на новое замечание:

– А вот так сильно давить не надо. Знаешь, один умный человек сказал как-то: «Шпага – это птица. Будешь держать ее слишком крепко – задушишь, слишком слабо – она улетит»[28]. Специфика ножевого боя в том, что нужно быстро нанести резаную рану противнику и не нарваться на контратаку. Примерно вот так. – Двигаясь словно в замедленной съемке, Кирилл показал несколько базовых связок и, остановившись, внимательно посмотрел, как пацаны усердно машут руками в попытке повторить движения Новикова.

После двадцатиминутной тренировки Кирилл решительно поднял руку:

– Так, на первый раз достаточно, а не то завтра с постелей не встанете. Мышцы ныть будут. – И увидев огорченные физиономии ребят, усмехнулся: – Переходим к культурной программе. А ну, брат Василий, показывай: где у вас тут гитары водятся. Бойцы, вперед!

Светланы откровенно скучали. Оба кукленка-голыша уже были выкупаны, одеты, накормлены «кашей» из песочницы, снова раздеты и уложены спать. Большая французская кукла с фарфоровой головой и настоящими волосами, которую подарил дядя Паша[29], уже восемь раз причесана, семь раз переменяла платье и шесть раз – туфли. Щенок Кутька вырвался и убежал к охранникам, которые фальшивыми голосами утверждали, что не видели своего любимца, а серый котенок Мурзик, насмотревшись на страдания Кутьки, залез на высокую березу и отказывался слезать, даже когда ему предложили кусок колбасы. Было ужасно скучно и даже хотелось подраться, но девочки точно знали, что вот уж в этом случае им перепадет по первое число. И, может быть, даже березовой каши. А потому, когда совсем рядом раздался рокот гитарных струн, девочки подхватились и опрометью бросились туда, откуда раздалась музыка.

---

[28] Эти слова принадлежат учителю фехтования из французского фильма «Скарамуш».

[29] *Аллилуев Павел Сергеевич* (1894–1938) – советский военный деятель, дивинженер, один из создателей и руководителей Главного Броневого управления РККА. Старший брат жены И. Сталина Надежды.

– Давным-давно на белом свете жили не только глупые короли, – распевно, но как-то очень задушевно говорил незнакомый командир с тремя шпалами в петлице, – прекрасные принцессы и страшные лесные разбойники, но и веселые трубадуры. Трубадуры бродили по дорогам, пели песни, и народ их очень любил.

Новиков поудобнее перехватил гитару и запел песенку с грампластинки, которую в детстве умудрился выучить наизусть:

Ничего на свете лучше не-е-ету,
Чем бродить друзьям по белу све-е-ету!
Тем, кто дружен, не страшны тревоги
Нам любые дороги дороги!
Нам любые дороги доро-о-оги!

Внезапно он заметил две любопытные детские мордашки, осторожно выглянувшие из-за угла. Он прервал припев и махнул им рукой:

– Красавицы, давайте к нам! – И уже ребятам: – А ну, бойцы, потеснись!

Светланы осторожно подошли и уселись на край скамейки, на которой уже разместились Василий, Серго и Тимур. Кирилл старался, как мог. Не умея играть на гитаре как один из авторов «Бременских музыкантов», он выжимал максимум из своего голоса, старательно подражая Олегу Анофриеву. И заразил весельем мультяшной истории не только ребят. Полина Жемчужина подошла, послушала, села к стоявшему в зале роялю и подхватила мелодию, а Нино Берия вдруг присоединилась к песне своим сильным и чистым голосом. Даже Власик, обычно невозмутимый и сосредоточенный точно изваяние языческого божка, внезапно пошептался о чем-то с младшим лейтенантом госбезопасности, и тот приволок гармошку. Николай Сидорович взял гармонь, пробежал пальцами по клавишам.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно – гармонист!
Для начала, для порядку,
Кинул пальцы сверху вниз,

– выдал, улыбаясь, Новиков, прервав на мгновение историю бродячих артистов. Власик хмыкнул, чуть улыбнулся:

– Ты, дорогой товарищ Новиков, давай не рассусоливай, а продолжай. Видишь, публика нервничает!

Ах, как же ошибся товарищ Власик, как ошибся! Тимур, Серго и в первую очередь Василий так и покатились со смеху, когда услышали:

Когда идем – дрожит кругом земля!
Всегда мы подле, подле короля!
Ох, рано
Встает охрана!
Если близко воробей
Мы готовим пушку!

Слова про муху подхватили уже все хором, подталкивая друг дружку и исподтишка косясь на обиженное лицо Николая Сидоровича. И громче всех пел и смеялся Сам. А уж когда дело дошло до разбойников, то Иосиф Виссарионович вдруг сунул под усы четыре пальца и…

От молодецкого посвиста задребезжали рюмки и бокалы в горке, и даже люстра, кажется, пару раз качнулась. А Сталин сорвал с ковра кабардинский кинжал и, стряхнув с него ножны, пошел каким-то странным танцем, выкрикивая:

Разбойники, разбойники!
Пиф-паф! И вы покойники,
Покойники! Покойники!

Новиков смотрел и не верил своим глазам. Он привык воспринимать Сталина как уравновешенного, рассудительного хладнокровного человека, хотя и не чуждого юмору, но постоянно спокойного. И разговор за столом, под легкое вино и замечательно вкусные блюда русской кухни, лишь утверждал Кирилла в этом мнении. А вот теперь он увидел, как Вождь умеет отдыхать и веселиться.

Когда смолк последний аккорд ещё не написанной сказки, все присутствующие разразились громкими аплодисментами, словно присутствовали на премьере в Большом театре.

Кирилл с улыбкой поклонился и уже хотел отставить гитару в сторону, когда Сталин, слегка улыбнувшись в усы, произнёс:

– А может, вы споёте что-нибудь ещё? Из того, что я ещё не слышал?

– Конечно, товарищ Сталин, – Кирилл кивнул и, мгновенно перебрав по памяти свой репертуар, мягко тронул гитарные струны.

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.

Мальчишки сидели, приоткрыв рты. Им казалось, что этот, еще вчера совершенно незнакомый капитан госбезопасности просто читает их мысли и негромким проникновенным голосом рассказывает им об их мечтах, чаяниях и надеждах.

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой берёзки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.
А может, она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги просёлочной,
Которой не видно конца.

Неожиданно для себя Василий вдруг тихонько подхватил:

С чего начинается Родина?

и легко подстроился под продолжение. Вместе с ним запели и Тимур с младшим Берия:

С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской будёновки,
Что где-то в шкафу мы нашли.

При этих словах Тимур взглянул на приемного отца, Серго сжал кулаки, а Василий внезапно поднялся, подошел к отцу и прижался к его плечу.

А может, она начинается
Со стука вагонных колёс
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своем сердце принёс.
С чего начинается Родина?..

Этой песне не аплодировали. Когда отзвучала гитара, все продолжали сидеть тихо-тихо, словно ожидая, что умолкшие струны вот-вот зазвучат снова. Казалось, что каждый боится даже пошевелиться или вздохнуть, чтобы не разрушить магию этой простой, но такой серьезной и сильной песни…

Сталин бросил быстрый, короткий взгляд на Ворошилова, тот все понял и слегка тронул за плечо жену. Екатерина Давидовна встала, взяла со стола поднос, поставила на него хрустальную рюмку с водкой и положила рядом черную горбушку, круто посыпанную крупной солью. Чуть покачивая бедрами, она подошла к Кириллу и с поклоном протянула ему нехитрое угощение. Новиков растерялся. Слышал он когда-то о традициях русских деревень, когда подносящей водку женщине полагалось положить на поднос «отдарок», но что он может дать? У него ведь и нет ничего.

– Это от всех нас, – тихонько, на грани слышимости, произнес Сталин. – Прими, товарищ Новиков.

Он помолчал, подергал себя за ус.

– Если бы только эту песню принес с собой, – продолжил Вождь так же тихо, – и тогда был бы тебе низкий поклон от всех нас, от всей нашей Советской страны. Гаихарэ. Каи кацы хар[30].

[30] Спасибо тебе, хороший человек (*груз.*).

9

По мощам – и елей.
Народная поговорка

«Уже свыше десяти лет тому назад оппозиция заявляла в своей платформе: “Со времени смерти Ленина создан целый ряд новых теорий, смысл которых единственно в том, что они должны теоретически оправдать сползание сталинской группы с пути международной пролетарской революции”. Совсем на днях американский социалист Листон Оак, принимавший близкое участие в испанской революции, писал: “На деле сталинцы теперь самые крайние ревизионисты Маркса и Ленина, – Бернштейн не смел и на половину идти так далеко, как Сталин в ревизии Маркса”… Сталинская же бюрократия не только не имеет ничего общего с марксизмом, но и вообще чужда какой бы то ни было доктрины или системы. Алча абсолютной неконтролируемой власти, она готова идти на любые преступления и извращения ленинского учения. “Идеология” сталинской системы проникнута насквозь полицейским субъективизмом, ее практика – эмпиризмом голого насилия. Один факт восстановления Московского патриархата и попытки заигрывать с церковью уже говорят о многом. По самому существу своих интересов каста узурпаторов враждебна теории: ни себе, ни другим она не может отдавать отчета в своей социальной роли. И вот теперь, тщась найти поддержку у самого антисоциального слоя – у церковников, – Сталин лишний раз показывает всему пролетариату, что ревизует Маркса и Ленина не пером теоретиков, а сапогами ГПУ…»

Из работы Л. Д. Троцкого «Сталинизм и большевизм»,
опубликованной в «Бюллетене оппозиции (большевиков-ленинцев)»
28 августа 1936 г.

Когда далеко за полночь гости разъехались, счастливые и довольные, на даче остались лишь самые верные: Берия, Ворошилов и Молотов. Сталин прошелся перед ними, сидящими на потертом кожаном диване, и произнёс:

– Товарищи, вы знаете, что капитан государственной безопасности Новиков – крупный учёный, уже принесший огромную пользу нашей стране. Его изобретения – прибор ночного видения, миниатюрная полевая радиостанция и детектор лжи – уже используются и помогают нам строить Советскую Республику. Но вы, вероятно, не знаете, что у него есть ряд других талантов.

Кроме того, что товарищ Новиков легко входит в любой коллектив и находит общий язык с любыми возрастными и социальными группами… – Он снова прошелся по комнате и вперился во всех троих острым, колючим взглядом. – Он обладает навыками скрытного проникновения на защищённые объекты, а также ликвидации. И возникает вопрос: где и как для Союза ССР, для советского народа, советской партии будет лучше использовать именно эти выдающиеся таланты товарища Новикова?

Норвегия, Сторсанд

Пронзительный ветер со стороны моря дул резкими порывами, хлеща по улочкам норвежской деревушки Сторсанд мелкими ледяными брызгами. Редкие прохожие невольно поднимали воротники и, придерживая шляпы, торопились скорее свернуть за спасительный угол, чтобы хоть как-то укрыться от неласковых приветов Северного моря. Не был исключением и высокий человек, кутающийся в непродуваемый кожаный плащ. Он быстро шагал по главной

улице, держа направление на кирху, однако, не доходя до нее какой-то сотни шагов, неожиданно свернул к деревенскому трактиру. Войдя в пустой зал, он спросил себе горячего ромового пунша, затем уселся за грубый, почерневший от времени стол и предался размышлениям.

Объект находится под постоянным надзором полиции, фактически – на положении интернированного. Насильно выселенный из Осло, он сидит в этой дыре под неусыпном оком аж тринадцати полицейских! К тому же собранных с бору по сосенке из сельских жандармов окрестных деревушек, разве чуть больших, чем эта богом забытая дыра, в которой едва-едва пятьдесят дворов, кирха, одна лавчонка и единственный трактир. Нет, разумеется, эта чертова дюжина блюстителей закона, навербованных из бывших рыбаков или списанных матросов, была для него препятствием совершенно несерьезным, но, перефразируя известное выражение средневекового монаха[31], Кирилл полагал, что не следует множить трупы без необходимости. А подобраться к маленькой гостинице «Сандби», не вступая в конфликт с полицией, было практически невозможно. «А вот и они – легки на помине, – подумал Новиков, глядя на двух краснорожих троккери[32], входящих в трактир. – Вспомни черта – вот и он…» Здоровенные бугаи с обветренными лицами и пудовыми кулачищами заказали себе по рюмке акевитта[33] и по большой чашке кофе, чем привели Кирилла в состояние веселого недоумения: водка с кофе? Ну, до такого только отмороженные викинги могут додуматься!

– Hei, fyren! Gjør det noe?[34] – и с этими словами один из жандармов опустил на стол свою чашку с кофе.

Он уставился на Новикова, ожидая ответа, но тот улыбнулся и виновато развел руками:

– Jeg beklager, jeg snakker ikke norske…[35]

– Hvor er du fra?[36] – поинтересовался второй полицейский, подойдя поближе.

Новиков наморщил лоб, словно бы пытаясь понять смысл вопроса, а затем улыбнулся еще шире:

– Американец я, ребята… – выдал он с хорошо поставленным акцентом южных штатов. – Джонни-мятежник, если уж вам так интересно.

Полицейские переглянулись, и один из них поинтересовался на неплохом английском:

– А сюда каким ветром занесло? Наверное, коммунист?

– Чего?! – Кирилл подскочил на месте в картинном негодовании. – Чего?! Может, ты еще скажешь, что я, первый помощник «Одинокой звезды» – большевик?!! Дерьмо бычачье, парни, да если б вы не были копами, ох, и посчитал бы я вам ребра вместе с зубами! Сверху вниз и справа налево!

– Первый помощник? – недоверчиво ухмыльнулся жандарм постарше с капральскими нашивками на рукаве. – А не слишком ли ты молод для «старика»[37]?

– Первый помощник? – протянул второй и почесал нос. – А чего это ты, oldman[38], забыл в добрых тридцати километрах от моря?

– Километры, дерьмометры… – Новиков сплюнул. – Ни черта я в этих ваших курвометрах не понимаю, а то, что до Большой соленой воды – двадцать миль, так это да… Только до моей красавицы – «Одинокой звезды» – еще дальше, да…

---

[31] Принцип монаха Уильяма Оккама (1285–1349) формулируется: «Не следует множить сущее без необходимости» (т. н. «бритва Оккама»).

[32] Tråkkeri – жандармы (*норв.*).

[33] Традиционная норвежская водка.

[34] Эй, парень! Ты не против? (*Норв.*)

[35] К сожалению, я плохо говорю по-норвежски (иск. норв.).

[36] Откуда ты? (*Норв.*)

[37] «Старик», «дед», «старина» – жаргонные названия первого помощника на торговом судне. Распространены по всему миру и отличаются только языком говорящих.

[38] Старина (*англ.*).

Он отхлебнул пунш и, словно бы в расстройстве, махнул рукой:

– До нее – цельных полтора месяца, парни. Придет в Осло только через полтора месяца, так-то вот.

Тут жандарм-капрал вдруг задумался, а потом спросил:

– Слушай-ка, fyr[39], а это не тебе в Осло переломали ребра в «Kutten huset»[40]? Что-то я про это слыхал.

Лицо Кирилла отобразило крайнюю степень раздражения:

– А посмотрел бы я на тебя, фараон, как бы тебе удалось унести потроха целыми, если ты один, а против тебя – целая дюжина этих вонючих бриттов!

– Верно-верно, – ухмыльнулся капрал. – Только я слыхал, что американский моряк был настолько пьян, что в участке все удивлялся: как это его смогли так избить трое англичан. А сам при этом исхитрился только голов разбить целых восемь штук!

Он протянул руку и обменялся с Новиковым крепким рукопожатием. Потом взмахом подозвал трактирщика:

– Akvett på tre og være rask![41] – после чего повернулся к Кириллу: – Давай-ка выпьем с тобой, fyr. Арне Вермандсон уважает человека, который сбил спесь с этих «морских королей»! Да и столичным лежебокам ты тоже правильно дал! Ты не смотри на эти мундиры: нам тоже довелось походить под разными звездами…

Новиков пил с жандармами и аккуратно подводил разговор к объекту. Откровенно говоря, он несколько лукавил, когда мысленно ругал пришедших полицейских: именно ради этой встречи он и приехал сегодня в Сторсанд. Да и в трактир зашел за пару минут до смены караула не случайно.

СССР, Москва

После встречи на даче прошло всего две недели, когда Кирилла вызвали в Кремль к Самому. Сталин встретил «попаданца» радушно, предложил чаю, поинтересовался, как идут дела в Осинфбюро, особенно – в его технических отделах. Выслушав ответ, что все нормально и часть образцов уже внедряется в серийное производство, Иосиф Виссарионович спросил Новикова, может ли майор государственной безопасности Вольский быть рекомендован к самостоятельной работе. А потом…

– Товарищ Новиков, есть мнение, что международный шпион и предатель Троцкий не должен жить. Больше не должен жить этот иуда.

Сталин бесшумно прошелся по кабинету, затем резко повернулся и вперился взором прямо в глаза Кириллу. Тот невольно поежился: от Вождя исходила какая-то могучая, давящая все на своем пути волна силы, и хотя Новиков точно знал, что может в любой момент сактировать этого уже очень немолодого горца, даже особо не напрягаясь, но по спине все-таки пробежал предательский холодок.

Должно быть, Сталин заметил состояние Кирилла, потому что чуть заметно усмехнулся в усы и принялся набивать трубку. Не торопясь закурил, снова метнул в Новикова пронзительный взгляд и продолжал:

– Однако многие товарищи полагают, что казнь предателя должна быть показательной. Так вот: есть мнение, что эти товарищи ошибаются. Очень ошибаются эти товарищи. Как бы нам ни хотелось показательной казни, у вражеского окружения не должно быть никаких оснований обвинить Советский Союз и Коммунистическую партию в том, что предатель Троцкий

---

[39] Парень (*норв.*).

[40] «Кошкин дом» (*норв.*).

[41] Акветт на троих и побыстрей! (*Норв.*)

был нами уничтожен на чужой территории, в чужом государстве. Во враждебном окружении находится Советское государство, и потому мы не можем позволить себе свести на нет усилия наших советских дипломатов, наших полпредов, которые показали всему миру, что с Союзом ССР можно вести дела. Вести дела, а не воевать. Я думаю, это понятно, товарищ Новиков?

Кирилл механически кивнул и спросил:

– Когда мне выезжать в Мексику, товарищ Сталин? Сколько у меня времени на подготовку?

Сталин удивленно посмотрел на своего собеседника:

– Если, товарищ Новиков, вам так хочется поехать в Мексику, то, конечно, можно организовать такую поездку. Но есть мнение, что сначала вам надо съездить в Норвегию и решить вопрос с судьбой предателя Троцкого.

К изумлению Новикова, его непосредственный начальник Артузов практически ничем не снабдил отправляющегося на задание ликвидатора. Нет, Кирилл, разумеется, получил надежные документы, дававшие ему дипломатическую неприкосновенность, еще одни – утверждавшие, что он – поляк, прибывший в Норвегию по коммерческой надобности, ему была выдана значительная сумма в английских фунтах и норвежских кронах и… И на этом вся подготовка закончилась! Практически полностью!

– …В Осло вам надо выйти на связь, отправив письмо вот по этому адресу. Так мы узнаем, что вы успешно добрались и приступили к выполнению задания, – Артур Христианович показал Кириллу небольшую карточку с типографской надписью. – Так же свяжитесь с ними для организации отхода. Укажите ваши данные, на которые сможете получить письмо до востребования, с инструкциями. Письмо придет из Швеции.

– Минуточку, Артур Христианович! А как насчет обеспечения наружного наблюдения за объектом? Маршруты следования, схемы периметров охраны, отвлекающие маневры, наконец?

– Но, Кирилл Владимирович, вам же выданы расходные средства… – Артузов казался озадаченным. – Вот и используйте их для организации всех необходимых мероприятий.

Норвегия, Сторсанд

Две недели назад Новиков, уже восемь дней ошивавшийся в столице Норвегии и ее окрестностях, отправил в страну счастливой охоты американского моряка Джозайю Финна, став обладателем его документов, имени и биографии. Внешне Кирилл был даже чем-то похож на незадачливого маремана-задиру, который сперва два часа приставал к Новикову с рассказом о своей печальной судьбе, потом еще два часа – с предложением вместе выпить и «поставить на уши этот долбаный Осло», а потом целых пять минут на улице пытался ударить Кирилла по голове недопитой бутылкой «Джека Дэниэлса». Но – увы! – это было выше его скромных сил. Через пять минут они наконец вышли к облюбованному Новиковым месту возле портовых пакгаузов…

Труп с лицом, размозженным ударом кирпича, без документов и без одежды, был аккуратно спущен в темную воду, и на этом история Джозайи Финна из Луизианы окончилась печально и навсегда. Впрочем, это был конец истории подлинного Джозайи, а вот фальшивый сейчас сидел в стареньком трактире и попивал водку с норвежскими полицейскими.

СССР, Москва

– Товарищ Сталин, я полагаю, что конец объекта должен носить показательный характер. Не в смысле причастности Структуры, а в смысле – «собаке – собачья смерть».

Сталин подумал, постучал трубкой о край пресс-папье из дешевого мрамора и ответил:

– Я думаю, что вы правильно полагаете. Это очень правильное решение, товарищ Новиков. Но я, от имени Центрального Комитета нашей с вами партии, должен напомнить вам, что это событие никак не должно быть связано ни с Советским государством, ни с партией большевиков.

Норвегия, Сторсанд

– Слушай, парень, а как тебя занесло в нашу богом забытую дыру?

Новиков хмыкнул, затем с видимой грустью продемонстрировал жандармам свой бумажник, в котором лежали три пятифунтовых банкнота, сотня крон и двадцатка Североамериканских Соединенных Штатов:

– Это – все, что у меня осталось, чтобы дожить до прихода моей «Одинокой звезды». А Осло – дорогой город… Эдак я скоро и свой талисман в дело пустить буду должен, – он вытащил и показал собутыльникам золотой «игль»[42]. – А тут – дешево, тихо и спокойно.

– Вот что я тебе скажу, venn kamerat[43]! Не самое лучшее место ты выбрал, чтобы встать на якорь! – Капрал, чье дружелюбие было изрядно подогрето еще тремя порциями акветта и одной порцией пунша, хлопнул Кирилла по плечу. – Думаешь, Матс зря тебе про коммунистов помянул?

– А что, у вас их здесь много? – спросил Новиков, старательно имитируя речь изрядно подвыпившего человека. – У вас тут что, зоопарк для коммунистов?

Жандармы радостно заржали.

– Почти угадал, Финн, старина! Почти! – Матс Снорсон доверительно придвинулся к Кириллу. – Ты про Троцкого слыхал?

– Это который русского царя убил? – округлил глаза Новиков. – Постой-ка, Матс, но он же вроде как помер?

– Нет, это не тот помер, – просветил своего «американского» друга образованный капрал Вермандсон. – Это у них Ленин помер, а Троцкий – живехонек.

– Здесь он у нас сидит, – заговорщицки подмигнул Снорсон. – В гостинице «Сандби».

Тут он прервался, чтобы одним длинным глотком допить пунш, и Новиков призывно замахал рукой трактирщику: неси, мол, еще – присовокупив для пущей убедительности бумажку в десять крон. Жандармы, восхищенные щедростью своего нового друга, быстро о чем-то пошептались, после чего Арне Вермандсон привстал и навис над столом и Кириллом:

– Джозайя, старина, а хочешь на него посмотреть?

– На кого? – Новиков пьяно качнулся. – Я б лучше на нее посмотрел.

– На кого «на нее»? – растерялся капрал.

Кирилл махнул рукой:

– А все равно, лишь бы молодая и в юбке, а не в штанах. Неплохо бы, чтобы еще и ноги раздвинула.

Матс пьяно захохотал:

– Вот теперь сразу скажешь: Джозайя Финн – настоящий моряк! Что ни случись, а он – о бабах!

Но капрала уже разобрало. Он пересел к Новикову, облапил его за плечи:

– Нет, fyr, ты подумай: когда ты еще такое увидишь, а? Ну вот представь: вернешься ты в свою Америку, и спросят тебя: «Джозайя, а что ты видел в Норвегии?» Ты им скажешь: «Осло видел, Сторсанд видел. Видел хороших норвежских парней Арне Вермандсона и Матса Снорсона. Девок норвежских видел…»

---

[42] Золотая монета достоинством десять долларов.

[43] Дружище (*норв.*).

Новиков с удовлетворением отметил, что капрала уже понесло. Но тот распалялся все сильнее и сильнее:

– А тебя тогда опять спросят: «А что ты видел такого, чего нет у нас в Америке? Девки у нас такие же, как и в Норвегии. Или у них – поперек?»

– А я им так скажу: «Ребята. Я видел копов, с которыми честному моряку незазорно выпить!» Вот что я им скажу!

От таких слов оба жандарма прослезились и полезли обниматься, нещадно обдавая Кирилла могучим перегаром. Но когда закончилось бурное изъявление чувств, капрал снова свернул на свое:

– Это ты, конечно, хорошо сказал, venn kamerat, но подумай, как будет здорово, если ты им скажешь: «Я видел большевика Троцкого, который такой страшный, что сами большевики выгнали его из своей большевистской России!» Разве это не здорово?

– Здорово, – пьяно мотнул головой Новиков. – Согласен. Ведите его ко мне – мы с ним выпьем!

Жандармы снова заржали.

– Э-э, брат, это ты загнул, – отсмеявшись, сообщил Матс. – Ему выходить нельзя. Мы его как раз и стережем! – И он гордо расправил плечи. – Но показать тебе его мы можем. Тебе ж все равно устраиваться в «Сандби» – другой-то гостиницы тут нет и никогда не было.

– А-а, ладно! – Новиков хлопнул ладонью по подставленной руке капрала. – Ваша взяла, ребята! Ведите, показывайте! Только прихватим еще бутылочку… генеральным грузом…

Демонстративно покачиваясь и спотыкаясь, Кирилл шагал вместе с жандармами к гостинице «Сандби». В потайном кармане его плаща имелась желатиновая капсула с производным от ЛСД, которое он синтезировал еще в лаборатории Осинфбюро. Теперь оставалось только подобраться к объекту, незаметно скормить ему эту капсулу и чуть-чуть скорректировать направление мыслей жертвы. Все остальное он сделает сам…

В гостиницу его пропустили без звука – еще бы! – ведь он был в компании всеми уважаемых Арне Вермандсона и Матса Снорсона. «Патриархальные нравы, – усмехнулся Кирилл про себя. – Сплошная пастораль! Офицер где-то гуляет, один капрал еле на ногах стоит, второй смотрит на бутылку, словно волк на Красную Шапочку, и все остальное ему уже и не интересно, даже то, что его собственная кобура расстегнулась… Двое жандармов треплются с Матсом, и оружия, кажется, нет ни у одного… Идиллия, мать их!..» Его пригласили выпить со вторым капралом, чьего имени он не запомнил, а потом просто и без затей проводили к Льву Давидовичу. Тот что-то писал, но когда Новиков и Снорсон вошли, поднял голову:

– А-а, тюремщики пожаловали, – произнес он по-английски с акцентом восточных штатов. – А вы что – новенький?

С этими словами Троцкий отхлебнул чай из стакана, стоявшего на столе.

– Нет, сэр. – Кирилл слегка поклонился. – Простите, вы не могли бы дать мне автограф? А то мне ведь никто не поверит, что я видел самого Троцкого.

Беглый политик оживился:

– Американец? Моряк, надо полагать? Автограф? Разумеется. А что написать?

– Американец, – подтвердил Новиков. – Моряк. Вот, если не верите – могу доказать, – и с этими словами он извлек из бумажника блестящий «игль». – Это – обычный талисман американских моряков. Видите, как блестит?

И монета, словно по волшебству, начала вращаться в руке Кирилла, погружая Троцкого в лёгкий транс.

Снорсону было неинтересно разглядывать золотой кругляшок. Куда больше его интересовала судьба принесенной бутылки, а потому он спокойно вышел, оставив Кирилла наедине с Троцким. Тот уже не отводил взгляд от блестящей монетки, точно завороженный, не обращая внимания на негромкий голос собеседника:

– Вам грозит опасность. Вас могут убить. В этой деревне – все убийцы. Берегитесь. Вот что вас может спасти – на стол с тихим стуком лег браунинг, незаметно прихваченный из кобуры второго капрала. – Вам нужно быть очень осторожным. При малейшей угрозе – стрелять первым.

Троцкий молча кивнул, не отрывая взгляда от монеты, мелькавшей в руках странного визитера, и сглотнул. Новиков протянул ему стакан с уже растворившимся порошком.

– Выпейте, это подкрепит ваши силы. Так как насчет автографа, сэр? – спросил он, внезапно спрятав монету в кулак. – Дадите?

Троцкий встряхнул головой, провел по лбу ладонью:

– Да-да, конечно. Вот, пожалуйста, – он схватил листок и черканул на нем несколько строк. – Берите.

– Thanks a lot[44], – поклонился Кирилл и вышел прочь.

И тут же попал в объятия капрала Вермандсона.

– Ну, что? Видал, Джозайя, какого мы тут тигра прячем?

– Да ну-у… – протянул Новиков. – Тоже мне – тигр. Он вроде всех боится.

– Ну так! – капрал важно кивнул. – Конечно, боится. И ты бы боялся, старина, если бы Сталин назначил за твою голову целую кучу новеньких блестящих крон!

Внезапно Кирилл решил подстраховаться. Он изобразил на лице «возвышенный полет» мыслей, а затем вдруг приник к уху капрала и зашептал:

– Слушай, Арне, дружище, а давай я его… а? Прикинь, тебе ведь нельзя, а мне – мне-то можно. И мы потом получим от Сталина эту самую кучу крон, поделим и… Ты мне только дай кольт, а уж я – я-то не промахнусь!

В голове пьяного Вермандсона некоторое время шла борьба между сребролюбием и чувством долга, но последнее все же победило. Тяжело вздохнув, он помотал головой:

– Нет, venn kamerat, нельзя. Никак нельзя. Мы же его охранять должны… Нам же сам король, – тут капрал пьяно всхлипнул, – доверил. И мы…

Дальше продолжать от избытка чувств он не смог, а потому просто проводил Кирилла в его «номер» – крохотную каморку прислуги, в которой, однако, имелись приличная кровать, тумбочка, графин с водой и чистое белье.

– Спи, старина, – Арне Вермандсон гулко хлопнул Новикова по спине. – Спи и ничего не бойся! Потому что теперь тебя бережем мы.

С этими словами он ухмыльнулся и, выйдя, закрыл дверь на ключ:

– Что будет нужно – стучи! – раздался его пьяный голос, а потом забухали тяжелые шаги.

Судя по их неритмичности, капрал был пьян до полного изумления. Кирилл слышал, как Вермандсон пару раз падал и раз десять собирался упасть, лишь в последний момент успевая схватиться за что-то. Потом все стихло.

Новиков сделал несколько резких наклонов, потом занялся дыхательной гимнастикой, стараясь скорее выгнать хмель из головы. По его прикидкам, у него была еще пара часов до того, как начнется. Он налил себе стакан воды, вытащил купленную в столичной норвежской аптеке таблетку колы, тщательно разжевал ее, запил водой. Повторил все то же самое с таблеткой аспирина. В голове прояснилось окончательно, Кирилл сел на кровать и стал ждать. Мерно бежала секундная стрелка, отсчитывая падающие мгновения, не торопясь шла минутная, и, незаметно глазу, ползла часовая. Десять минут… двадцать…

Дверь захлопнулась, оставив Льва Давидовича в одиночестве. Троцкий огляделся, потом посмотрел на перо, зажатое в руке. Должно быть, он собирался что-то писать, но вот что? И если собирался, то где бумага?..

---

[44] Большое спасибо (*англ.*).

Он встряхнул головой и попытался восстановить недавние события, но почему-то не смог вспомнить ничего, что происходило с ним после обеда. Да и обед этот был сплошной насмешкой над едой: осточертевший печеный лосось с вареной картошкой, укропом и вечным, опостылевшим хуже горькой редьки, мутным кисло-сладким соусом. Когда-то он любил лососину, но за полгода в Норвегии успел ее возненавидеть. И этот вечный кисло-сладкий соус! До сих пор во рту остался его противный привкус. Он отпил чая, чтобы смыть гадкое послевкусие обеда, но это не помогло. И тут вдруг перед глазами что-то сверкнуло, словно бы осколок зеркала под солнечными лучами. И тут же в ушах отчетливо зазвучал мягкий, убедительный голос: «Вам грозит опасность. Вас могут убить. Вам нужно быть очень осторожным…»

Троцкий резко обернулся, но в комнате никого не оказалось. «Померещилось», – с раздражением подумал он, снова поворачиваясь к столу. И чуть не вскрикнул от неожиданности: прямо перед ним на столе лежал пистолет. Браунинг.

Даже под страхом смерти Лев Давидович не смог бы объяснить, откуда взялось оружие в кабинете, на его рабочем столе. Чувствуя, как по спине пробежал холодный липкий ручеек пота, он осторожно взял пистолет двумя пальцами, поднес к лицу. Обычный пистолет, у него во время гражданской был такой же.

На вороненом кожухе затвора возник ухмыляющийся рот:

– Ты не узнал меня, миин алт прииан[45]? – спросил браунинг звонким шепотом. – А помнишь, как мы с тобой?..

Что именно они делали вместе с браунингом, Троцкий так и не узнал, потому что за окном вдруг возникла жуткая харя. Она гримасничала, показывала синий распухший язык, вращала огромными глазами без ресниц. Лев Давидович щарахнулся назад, но харя каким-то невероятным образом проникла в комнату и принялась летать по комнате. И тут он вспомнил о браунинге, который так и держал в руке. Торопливо щелкнул затвором, вскинул пистолет…

Хари не было. Нигде. Троцкий оглянулся. Точно пропала. Он взял со стола стакан с уже остывшим чаем и допил его одним длинным глотком.

– В то вгемя, когда пголетагиат задыхается под непосильным игом бугжуазии, – раздался за спиной громкий картавый голос, – товагищ Тгоцкий чайком изволят баловаться! Хогош, ничего не скажешь!..

Обернувшись, Лев Давидович с ужасом смотрел, как из темного угла комнаты к нему шествует мертвый Ульянов. Его набальзамированное лицо не было тронуто тлением, костюм выглядел как новый, но вот глаза… Глаза Ленина были мертвыми и светились слабым гнилушечным светом.

«Какой же он высокий, – пронеслось в воспаленном мозгу удивленное. – Мне всегда казалось, что я выше его…»

Ульянов поднял руки, которые вдруг налились фиолетовым, удлинились и потянулись к Троцкому.

– Хотел вместо меня быть? – шипел мертвый соратник. – А удавленником быть не хочешь?..

Не помня себя, Лев Давидович заорал от ужаса. Отпрыгнул к стене, схватил стул, швырнул его в Ленина. Какая-то страшная фигура в черном балахоне с капюшоном вошла в дверь.

– Что тут произошло? – странный срывающийся то в визг, то в вой голос. – Левушка, что с тобой?

Из-под балахона высунулась рука. Вернее – кости руки. Голые кости, ярко блестящие белым на темном фоне.

– Ты кто? – одними губами прошептал Троцкий. – Кто ты?..

– Я? – удивилось существо в балахоне. – Я кто? Я – твоя жена…

---

[45] Мой старый друг (*идиш*).

Костяные пальцы отбросили назад капюшон, и Лев Давидович увидел человеческий череп. Череп оскалился:

– Ты меня не узнал?

Теперь к Троцкому тянулись уже костяные пальцы. Неверной рукой он поднял пистолет и нажал на спуск. Закутанный в балахон скелет упал, а Лев Давидович бросился бежать. Выстрелил в каких-то странных разлагающихся уродов, пытавшихся его задержать, потом еще раз – в чудовище с головой собаки и туловищем флоридского аллигатора… Выбежал из дома, но оказался не на деревенской улочке в Норвегии, а в страшном, непонятном лесу, где каждое дерево тянуло к нему свои извивающиеся ветви. Отчаянно закричав, он побежал прочь от этих немыслимых образов, стреляя на бегу, и чувствовал, что убежать он не сможет.

За стеной раздался дикий крик, в котором не было ничего человеческого. Испуганный женский возглас, грохот падающей мебели, неразборчивые голоса. И тут же грохнул выстрел. Один, тут же – второй, а потом выстрелы застучали так часто, как только возможно нажимать на курок. «Блин, да он же так все патроны расстреляет, – подумал Новиков. – Тоже мне – пулеметчик нашелся!..» Но вот прогремела дробь шагов по лестнице, снова крики, пара выстрелов… Ударом ноги в замок Кирилл выбил дверь, выскочил в коридор, огляделся и метнулся к окну.

Осторожно выглядывая из-за края оконного проема – не хватало еще пулю от этого шизика схлопотать! – он видел, как по улице бежит расхристанный человек. Несмотря на холод, он был не только без пальто, но и без пиджака – в одной жилетке и разорванной на груди рубахе. Его волосы развевались на ветру, стекла очков блестели, точно глаза вурдалака. На бегу человек размахивал руками, в каждой он держал по пистолету. «Молодчина, – усмехнулся про себя Новиков. – Второй ствол раздобыл, красавец!»

Тут на улице появились жандармы, бегущие следом. Они что-то кричали, тоже размахивали руками, но оружия пока не доставали. Они почти догнали Троцкого, когда тот обернулся и выстрелил пару раз в преследователей, а третью пулю всадил в окно небольшого домика у дороги.

Судя по реакции жандармов, «демон революции» в кого-то попал, потому что преследователи остановились и, повытаскивав пистолеты, открыли огонь на поражение. Кирилл полюбовался тем, как осатаневшие норвежцы достреливают уже лежащего без движения Троцкого, повернулся к выходу и налетел на Матса Снорсона. Одного взгляда на полицейского было достаточно, чтобы понять: все прошло как надо. Или даже еще лучше.

– Джозайя! – завопил Снорсон, увидев Новикова. – Давай быстро ноги в руки и беги отсюда! Тут сейчас такое начнется!..

– А чего случилось-то? – изобразил недоумение лже-Финн. – Стрельба, вопли… Это чего?

– Да ты что?! Все проспал?! – Матс ухватил Кирилла за рукав и потащил прочь из гостиницы, рассказывая на ходу:

– Этот Троцкий, к которому я тебя водил, с ума сошел! Жену свою застрелил, сына, лейтенанта нашего… Арне в руку ранил. На улице еще кого-то из наших зацепил и старую бабку Кнудсонов – наповал!

– Погоди, Матс, а я-то тут при чем?

– Да ты-то, ясное дело, ни при чем, только попробуй объяснить это важным шишкам из Осло. Арне велел тебя отсюда побыстрее отправить, а уж мы скажем, что никого чужого не было…

Через полчаса, покачиваясь в кабине небольшого грузовичка, везущего в Осло свежую рыбу, Новиков курил, а про себя размышлял: «Вот это – операция! Рассказать кому из наших – не то что не поверили бы – на смех бы подняли! Вовек бы потом не отмыться… Со стороны

посмотреть – бешеная везуха, помноженная на бешеную наглость… Ох уж мне эти патриархальные отношения. Здесь не работа – сплошной курорт…»

10

Женщина – слабое, беззащитное существо, от которого невозможно спастись.
Марк Твен
Смерть международного шпиона

Телеграф принес известие о смерти Троцкого. По сообщению иностранных газет, чувствуя неотвратимость суровой кары мирового пролетариата, он покончил с собой. Сама жизнь с суровостью неумолимого судьи подвела черту под его жалкой и подлой жизнью.

В могилу сошел человек, чье имя с презрением и проклятием произносят трудящиеся во всем мире, человек, который на протяжении многих лет боролся против дела рабочего класса и его авангарда – большевистской партии. Господствующие классы капиталистических стран потеряли верного своего слугу. Иностранные разведки лишились долголетнего, матерого агента, не брезгавшего никакими средствами для достижения своих контрреволюционных целей.

Троцкий прошел длинный путь предательства и измены, политического двурушничества и лицемерия. Недаром Ленин еще в 1911 году окрестил Троцкого «Иудушкой». И эта заслуженная кличка навсегда осталась за Троцким.

На процессах над антисоветскими элементами перед всем миром был вскрыт весь предательский, изменнический путь Троцкого: уже с 1921 года он был агентом иностранных разведок, международным шпионом. Троцкий ревностно служил разведкам и генеральным штабам Англии, Франции, Германии, Японии.

Когда в 1929 году советское правительство выслало за пределы нашей Родины контрреволюционера, изменника Троцкого, капиталистические круги Европы и Америки приняли его в свои объятья. Это было не случайно. Это было закономерно. Ибо Троцкий уже давным-давно перешел на службу эксплуататорам рабочего класса.

Троцкий, организовавший злодейское убийство Кирова, Куйбышева, М. Горького, получил достойное воздаяние за интриги, предательства, измены, злодеяния. Опасаясь мести за свои преступления, страдая навязчивой манией преследования, видя в каждом встречном своего возможного палача, он наконец не выдержал. Доведенный до исступления своей звериной злобой, Троцкий застрелил своих жену и сына, ранил трех норвежских полицейских и убил престарелую вдову простого рыбака, потому что даже в глазах этой ни в чем не повинной престарелой женщины ему чудился приговор. Норвежские полицейские, охранявшие Троцкого от возможных покушений, вынуждены были обороняться и застрелили его.

Так бесславно кончил свою жизнь этот презренный человек, отвергнутый собственной Родиной и своим классом, сойдя в могилу с печатью предателя на челе.

Опубликовано в газете «Правда» от 16 ноября 1936 г.

Указ Верховного Совета СССР № 12237-37
от 17 ноября 1936 г.

За образцовое выполнение служебного задания особой важности и проявленные при этом мужество и героизм наградить:

– орденом Красного Знамени – т. Новикова Кирилла Андреевича;

– орденом Красной Звезды – тт. Берию Лаврентия Павловича, Меркулова Всеволода Николаевича, Артузова Артура Христиановича.

Председатель Верховного Совета СССР М. И. Калинин

Финский пограничник внимательно рассмотрел польский паспорт, затем вернул его владельцу и, козырнув, сказал что-то по-фински. По сопровождавшему слова жесту Новиков понял, что путь свободен и претензий у пограничной стражи Финляндии к нему не имеется. Он вежливо наклонил голову и чуть приподнял шляпу. Дверь в купе захлопнулась, и Кирилл расслабленно откинулся на спинку дивана. Ну, вот и все. Дело сделано. Сейчас в Питер, а оттуда – в Москву…

На Ленинградском вокзале его встретил Россохин, и уже через полчаса Новиков сидел в своих апартаментах на втором этаже Осинфбюро. Глеб, усевшийся напротив, выставил на стол новенькие майорские петлицы с одним эмалевым ромбом, раскрытую коробочку с орденом Красного Знамени и бутылку коньяка, на этикетке которого извивались не то грузинские, не то армянские буквы, а на лейбле у горлышка имелись лишь две буквы: «О» и «С»[46].

– Армянский? – спросил Новиков.

Россохин отрицательно мотнул головой:

– Грузинский. Лично товарищ нарком велел передать. – О ком могут сказать просто «нарком» два майора государственной безопасности – догадаться было несложно. Кирилл пригубил коньяк – тот оказался выше всяких похвал.

– Нарком доволен, – сказал Глеб, в свою очередь прихлебывая ароматный напиток. – Велел тебе передать, что имеешь полное право сегодняшним вечером распорядиться по своему усмотрению. Отчет напишешь завтра, и в четырнадцать ноль-ноль – к нему с отчетом, а пока – свободен, как ветер!

Он допил свою рюмку и поднялся из-за стола.

– Надумаешь в театр или еще куда – свистни. Сделаем места, какие скажешь, и в том ряду, в котором укажешь. Да, вот еще что, – Россохин хлопнул себя по лбу, – совсем забыл!

Он открыл портфель и вытащил из него несколько пачек денег в банковских бандерольках:

– Держи. Тут оклад плюс премиальные. Завтра из финчасти зайдут – в ведомости распишешься. Ну, так… Извини, Кир, я – побежал. Дела.

– Постой-ка, – изумился Новиков. – А ты что, не пойдешь со мной?

С самого первого момента появления в этой Москве он никогда никуда не выходил один. Всегда в сопровождении. Либо Петр, либо Глеб, ну и пара сержантов ГБ, больше похожих на родственников Кинг-Конга – в довесок. А нельзя по-другому. И не потому, что ему не доверяют. Не доверяли бы – хрен бы исполнять Троцкого отправили. Один, за границей да с пачкой денег – вот уж где раздолье для беглеца-изменника типа иуды Резуна! Сопровождали потому, что за него боялись: очень уж серьезных тайн оказался он носителем. А утечка информации всегда была, всегда есть и всегда будет. Что ты ни делай. Но сегодня… Ведь еще по дороге сюда Россохин рассказал, что Вольский – в командировке. Где-то на полигоне новый прицел испытывает. Так кто же с ним пойдет?

Этот вопрос он и задал Глебу, добавив:

– С одними сержантами идти придется? Так с ними же – тоска смертная. Не поговорить ни о чем, не обсудить ничего. У них же на все вопросы только два ответа: «Да, товарищ майор государственной безопасности» и «Нет, товарищ майор государственной безопасности»…

– Правда? – Россохин ехидно улыбнулся. – Ну, тогда сам им скажи, что гулять в их сопровождении отказываешься.

---

[46] *Коньяк «ОС»* – «очень старый». Один из лучших советских коньяков. В производстве уже более 100 лет. Был создан к 100-летию вхождения Грузии в состав России.

С этими словами он поднял трубку телефона, стоявшего на столе, и произнес:

– Центральный? Сопровождение товарища Новикова – к нему в кабинет.

Минут через пять раздался стук в дверь, и звонкий девичий голос спросил:

– Разрешите? – И после утвердительного ответа внутрь вошли две настоящих красавицы.

– Сержанты государственной безопасности Кузнецова и Никитина, – доложила та, что повыше – сероглазая блондинка со слегка вздернутым носом и рельефно очерченными скулами. – Прибыли в ваше распоряжение, товарищ майор государственной безопасности.

Вторая девушка – брюнетка с классическим профилем – лишь чуть заметно кивнула. Кирилл смотрел на своих новых сопровождающих и решал в уме задачу: кто именно распорядился приставить к нему этих фемин государственной безопасности? Сам, Берия или Артузов?

Глеб, который легко просчитал ход мыслей своего товарища и в некотором роде начальника, сделал быстрый жест, словно надевал пенсне. Затем он встал, попрощался еще раз с Кириллом и девушками и вышел, оставив Новикова наедине с прекрасными сотрудницами НКВД.

Кирилл молчал, разглядывая своих новых «конвоиров», одновременно восхищаясь бериевским талантом психолога. Всесильный нарком подобрал девушек именно таких типов, которые всегда больше всего привлекали Новикова. Кузнецова была типичной представительницей северорусских красавиц – достаточно высокая, с пропорциями древнегреческих статуй и, должно быть, весьма сильная физически. «Рукопашница, – решил Кирилл. – Нож, любое оружие ближнего боя… Стрельба, скорее всего – скоростная».

Никитина – худощавая с аристократическим профилем и зелёными глазами, явно была снайпером: очень уж характерная мозоль виднелась у нее на сгибе указательного пальца. Впрочем, в рукопашном бою черноволосая красотка тоже наверняка была не подарком.

Кирилл посмотрел на стол, на котором все еще стояли пустые рюмки и бутылка с коньком. Там же лежали папиросы и спички, забытые Глебом, и массивная бронзовая пепельница.

– Лови! – крикнул Новиков и с пулеметной скоростью метнул в девушек по очереди рюмки, спички, папиросную пачку, бутылку и пепельницу.

Результат превзошел ожидания: ни один из предметов не упал на пол. Блондинка легко вынула из воздуха летящие в нее рюмку и спички, успела перехватить их в одну руку и поймала пепельницу. Никитина же такими быстрыми, что они казались смазанными, движениями перехватила рюмку, бутылку и длинным скользящим движением достала папиросы.

– О'кей, – вынужден был признать Кирилл. – Подготовка удовлетворительная. – Больше он ничего сказать не успел, потому что сержанты, переглянувшись, одновременно бросили в него рюмки, а потом пепельницу и бутылку. И ему пришлось поднапрячься, чтобы перехватить брошенные в него метательные снаряды, не вставая с кресла.

Справился… Поставил на стол коньяк, рюмки, пепельницу отодвинул подальше. Широким жестом указал девушкам на стулья с кожаной обивкой:

– Присаживайтесь, знакомиться будем.

Те, не чинясь, уселись к столу и теперь, так же, как раньше Кирилл, разглядывали его. Новиков с усмешкой наблюдал за ними, а потом спросил:

– И как впечатление?

Никитина улыбнулась:

– Хорошее… А как ваше, товарищ майор государственной безопасности?

Кирилл засмеялся:

– Вполне на уровне. Ну что, девушки, зовут меня Кирилл, а вас?

– Вера, – представилась Кузнецова.

– Надя, – сказала Никитина.

«Не хватает только Любови и матери их – Софии…» – иронично подумал Новиков, а вслух произнес:

– Очень приятно. Девушки, а как вы смотрите на поход в ресторан? Давненько я в хорошем ресторане не бывал.

Девушки дружно кивнули, а потом Вера, чуть помявшись, сказала, что вот прямо так, в форме, в ресторан идти как-то не хочется.

«Да чего ж я, такой дикий?» – поразился Кирилл.

– Разумеется, не в форме. Сколько вам нужно времени, чтобы подготовиться?

– Минут двадцать можно? – осторожно спросила Надя.

«Можно Машку за ляжку, – хмыкнул про себя Новиков, – а в армии – разрешите!» Но только кивнул, и красавиц точно ветром сдуло.

Оставшись один, Кирилл глубоко задумался. Берию он изучил уже вполне достаточно, чтобы понимать: Лаврентий Павлович никогда ничего не делает просто так, без потаенного смысла. Так зачем рядом с ним появились эти красотки? Просто для того, чтобы он, Новиков, не рехнулся в исключительно мужской компании? Хорошая причина, но вряд ли только эта…

Подсунуть в постель стукачку? «There are no secrets in the bed»[47]? Разумеется, но зачем? Смысл? Просто попытка держать все и вся под контролем? Слабовато для версии. А вот если подвести ему подругу жизни, чтобы раз и навсегда привязать, прикрепить к этому месту и к этому миру? Правда, задачка не наркомовского масштаба.

– Товарищ майор государственной безопасности! Мы готовы.

Кирилл поднял взгляд… О, да! Они были готовы! Сияя улыбками, перед ним стояли две мужские погибели, мощностью в сто мегатонн каждая! Распахнутые котиковые шубки демонстрировали идеально пошитые по фигурам дорогие шелковые платья, ножки в плотных шелковых чулках сверкали лаковыми туфельками, маленькие шапочки совсем не скрывали пышных волос. И хотя косметики был абсолютный минимум, Новиков понимал, что красотой и свежестью эти сержантки могут дать сто очков вперед любой «миске» из его прошлого-будущего. Его восхищенный взгляд был истолкован верно. Задорно встряхнув светлой копной, Вера спросила:

– Как, товарищ майор госбезопасности: не стыдно вам будет с нами в ресторан сходить?

Новиков смущенно потер нос:

– Да вот думаю, вам-то со мной не стыдно будет? – Он огладил руками пиджак. – Костюмчик у меня, правда, «в загранице» пошит, но как-то…

– А мужчина и не должен затмевать своих спутниц, – лукаво стрельнула глазами Надя. – Иначе что же спутницам за интерес, если все только на их мужчину пялиться станут?

И через полчаса они уже входили в зал «Праги»[48].

– Извините, – подошедший к столику, за которым сидели Кирилл и девушки, мужчина говорил по-русски чисто, но с первого же слова чувствовалось, что этот язык ему – не родной. – Я желал бы пригласить одну из ваших совершенно очаровательных спутниц на танец. Хотя бы один вальс. Если вы, разумеется, будете не против.

Велеречивость обращения говорила, что к ним подошел иностранный дипломат. Новиков пригляделся к характерной мимике и, несмотря на неяркий свет в зале, пришел к твердой уверенности, что тот – англоязычный. Подошедший был среднего возраста, высок, хорошо сложен и очень напоминал киношного Джеймса Бонда в исполнении Роджера Мура.

– Если дамы не против, – произнес Кирилл несколько суховато, – то не вижу причин им препятствовать.

Пока Вера, а потом и Надя танцевали с этим плейбоем, Новиков быстро прогнал в голове возможные варианты развития ситуации.

---

[47] В постели нет тайн (*англ.*).

[48] Один из старейших и знаменитейших ресторанов Москвы.

В то, что иностранец рискнул бы в те… то есть в эти времена подойти знакомиться с девушкам в ресторане, он ни на грамм не верил. Даже в намного более спокойный период правления Брежнева любого иностранца, прибывавшего в Союз, инструктировали о происках зловещего «Кей-Джи-Би», только и ждущего: как бы захватить наивного интуриста в свои кровавые подвалы!..

Но для оценки возможности вербовки сотрудника госбезопасности «Прага» – не самое подходящее место. Здесь действительно дежурили сотрудники НКВД, причем не только внештатники. И если англоязычный мистер об этом не знает, то на Бродвее, 10[49] – или где там сейчас в Британии разведки ныкаются? – даром едят свой хлеб. Не говоря уже про масло. Тогда еще варианты? Попытаться его тихо актировать? А причина? В Норвегии он не засветился – это Кирилл знал наверняка. А в получение зарубежными конторами широкой информации по тому, чем занимается Осинфбюро, откровенно говоря, не верил. Времени мало прошло, чтобы собрать по крохам инфу, систематизировать ее и, путем долгих логических построений, выйти на ключевую фигуру. В этом нет ничего невозможного, и как ни прячься, как ни маскируйся – все равно вычислят, найдут, определят и выйдут на него. Но это – работа не одного года. А что же тогда? А тогда вот что: просочилась информация, что рядом со Сталиным появился новый человек. Кто, что – непонятно, а потому появляется естественное желание – посмотреть на него поближе.

– Я искренне благодарю вас и ваших спутниц за доставленное удовольствие. – Музыка смолкла, и рядом со столом снова оказался «Джеймс Бонд». Он помог Наде сесть и снова склонился в легком полупоклоне: – Позвольте мне отблагодарить и вас, и милых дам.

Не дожидаясь ответа, он подозвал официанта и заказал ему бутылку дорогого розового «Абрау-Дюрсо».

– Включите в мой счет, – бросил он небрежно и сделал было шаг к своему столику, но, видимо, передумал.

Сияя обворожительной голливудской улыбкой на все сорок четыре зуба, он снова подошел к Новикову:

– Разрешите представиться? Я – третий секретарь посольства Британской империи Бертран Вустер.

Кирилл пристально посмотрел на девушек, пытаясь внушить им, что они тут – лишние. Надя поняла первая. Она подхватила Веру под руку, торопливо прощебетала их имена и тут же, извиняясь, потащила свою подругу куда-то. Новиков сделал рукой широкий жест:

– Прошу.

Англичанин уселся за стол и выжидающе посмотрел на Кирилла.

Тот представился, и начался легкий, ничего не значащий разговор: о погоде, о русской зиме, о видах на будущее Коминтерна и международного рабочего движения. Краем глаза Кирилл заметил, что его сопровождающие стоят чуть поодаль, но так, чтобы англичанин никак не мог их увидеть. И вот тут Новиков понял, что в появлении Берти Вустера есть одна странность. Когда они входили в ресторан, его в зале не было. Он пришел примерно на полчаса позже. От британца чуть ощутимо тянуло коньяком – значит, он успел выпить, но не более одной-двух рюмок… Времени на закуску Вустер не тратил, а значит… Он приехал в «Прагу» через сорок три – сорок пять минут после них. И почти сразу пошел на контакт. Вывод? Его предупредили, что Новиков здесь. И предупредили не из Осинфбюро – тогда бы он уже ждал тут или прибыл бы почти одновременно, а кто-то из тех, кто работает в ресторане. Причем этот кто-то понятия не имеет о Кузнецовой и Никитиной, вернее – о месте их службы… Значит, оценочный подход. Посмотреть, как он будет реагировать на контакт, и оценить возможности

[49] Адрес в Лондоне, по которому в период 1926–1964 гг. располагалась штаб-квартира британской военной разведки Secret Intelligence Service (SIS).

вербовки. Ну, это мы ещё поглядим, кто кого вербанёт! Кирилл внутренне улыбнулся и сделал свой ход.

– Скажите, Вустер, – медленно произнес Новиков, переходя на чистый английский. – Чем же это вы так досадили своему начальству, что вас послали сюда на встречу со мной?

Англичанин, которого перебили на полуслове, вздрогнул и замолчал. Затем сказал осторожно:

– Почему вы так решили? Я вам мешаю?

– Мне – нет. Если бы вы мне мешали – уже сейчас рассказывали бы о своей подрывной деятельности на Лубянке. Или в другом месте. Но вы мне не мешаете, – Кирилл широко улыбнулся. – Вы мне интересны, так что будьте спокойны.

И не давая Вустеру опомниться, он сделал девушкам знак, разрешающий наконец вернуться к столу. Вскоре вся четверка с удовольствием попивала кофе с фирменными пирожными «Прага», попутно обсуждая, в чем Москва превосходит Лондон, а в чем – уступает.

– …о нет, нет, Кирилл, я не говорю о красоте! – Вустер шутливо поднял руки. – То, что у вас сделали из метрополитена – Альгамбра[50], дворец Оберона[51]. Вы не видели наше метро? О красоте говорить не приходится, но польза, функциональность! Дюжина дюжин станций! А что у вас?

– Вот только вашему метрополитену, Бертран, уже добрых полвека, если не больше. А у нас его только-только запустили. И двух лет не прошло.

– Но это ничего не значит, – англичанин яростно рубанул рукой воздух. – Вы разорите вашу страну, если будете и дальше возводить эти дворцы под землей! Так нельзя, неразумно, нет смысла!

– Отчего же? – задорно тряхнула головой Надежда, от чего ее роскошная черная грива разметалась по плечам. – Нам не нужно кормить ораву бездельников-капиталистов, у нас нет мироедов-помещиков – вот деньги и найдутся!

Вера была явно согласна со своей подругой, и Кирилл уже хотел присоединиться к ним, но тут чертик, ведающий в учреждении Сатаны интригами, вдруг выскочил из ниоткуда и нашептал ему нужный ответ.

– Скорее всего, сэр, еще две-три линии мы построим в этом стиле, а потом перейдем к более простым проектам. – Новиков вспомнил станции метрополитена его времени, с простой типовой колонной архитектурой. – Конечно, у нас хватит средств даже самую простую станцию облицевать мрамором, но вы правы: такое расточительство не сможет быть постоянным.

Он постарался не заметить изумленных взглядов своих спутниц, пригубил коньяк, отхлебнул кофе:

– Хотя красота – тоже полезна. Вот вы, к примеру, наверняка любите окружать себя красивыми вещами, возможно – и не слишком функциональными. Я, кстати, искренне вам завидую, Бертран. Мы, к сожалению, не имеем возможности разнообразить интерьер своих жилищ, – Кирилл старался быть максимально искренним: на оценочный подход посылают лучших из имеющихся психологов.

Он вспомнил свою московскую квартиру из того «будущего прошлого». Новиков специально подобрал по каталогам анатомическую мебель, максимально удобную, но вместе с тем и красивую, чтобы глаз отдыхал. На стене висело полотно работы Васильева – и не копия, между прочим, а самый что ни на есть оригинал. Правда, рядом были еще пара картин художников совершенно неизвестных, но тоже радующие взгляд. Должно быть, Вустер уловил новиковские флюиды, потому что тут же переключился на расписывание бытовых выгод жизни в Англии.

---

[50] *Альгамбра* («Красный замок») – архитектурно-парковый ансамбль в городе Гранада, в Испании. Резиденция правителей Гранадского эмирата.

[51] В западноевропейском фольклоре и литературе Оберон – король фей и эльфов, повелитель волшебной страны.

Его заносило, и Кирилл еле-еле сдержался, чтобы не рассказать заносчивому островитянину об отсутствии смесителей в ванных. Но устоял от соблазна, и лишь кивал в нужных местах… Пусть мистер Вустер сообщит своим хозяевам, что у «объекта» имеются подходящие слабости. «Для закрепления пройденного материала» Новиков подбросил британцу историю о том, что сожалеет о своей бывшей коллекции холодного оружия, теперь – увы! – безвозвратно потерянной. Это была истинная правда, разве что афганский хайбер, йеменскую джамбию и японский кусунгобу[52] трудно было назвать коллекцией. Так – сувениры на память. «О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах…»

Заглотил ли англичанин наживку, Кирилл не понял. Вскоре третий секретарь посольства сэр Бертран Вустер попрощался и ушел, предварительно добившись обещания, что их первая встреча будет не последней. Через полчаса после него Новиков с девушками тоже вышли из ресторана и, проигнорировав автомобиль, пошли пешком по заснеженной, предновогодней Москве.

Кирилл молчал, наслаждаясь тишиной, мягким сиянием снега, отсутствием автомобилей. Девушки же не рисковали нарушать безмолвные размышления своего патрона, так что до Осинфбюро они дошли в полном молчании. И уже лишь в своем кабинете Новиков спросил:

– Ну-с, красавицы, что скажете по сегодняшнему вечеру?

Вера, не задумываясь, выпалила:

– Попытка контакта. Провальная: контактер не ожидал, что объект, то есть вы, товарищ майор, будете не один. Повторение будет не скоро: объект на контакт не пошел, заинтересованности не проявил… – Она на секунду замолчала и добавила: – Необходимо срочно проверить сотрудников Осинфбюро, так как информация о нашем маршруте была передана контактеру, скорее всего, отсюда.

– Понятно, – кивнул Кирилл. – Товарищ Кузьмина, спасибо, можете идти отдыхать… – И, когда Вера вышла, повернулся к Никитиной: – А вы, товарищ Никитина, что скажете?

Черноволосая сержант задумалась. Минут пять-десять она что-то и так, и эдак прикидывала, беззвучно шевеля губами, а потом осторожно произнесла:

– По-моему, товарищ майор, имел место пробный контакт. Мне кажется, что вам удалось заинтересовать англичанина, а кроме того, полагаю, что наша роль осталась для него не раскрытой. Теперь я понимаю ваши реплики о старинном холодном оружии… – тут она замолчала, уставившись на Кирилла своими огромными, глубокими зелёными глазищами.

Новиков не торопил события. Он налил себе и Надежде по глотку коньяка, придвинул вазу с мандаринами и лимонами:

– Угощайся, товарищ сержант.

Никитина кивнула, выпила, закусила мандарином и… прикусив губу, поднесла руки к застежке платья. Кирилл только что не ругнулся вслух: так все хорошо начиналось – и так все заканчивается! Она решила, будто можно вот так, в приказном порядке…

Новиков не считал себя Казановой, но вниманием женщин обделен никогда не был, а потому коротко скомандовал:

– Отставить! – и, перехватив удивленный взгляд Надежды, добавил, еле сдерживая злость: – Продолжите по команде «Раздевайсь!» и «Ложись!», товарищ сержант. А пока я жду продолжения ваших оценок.

Никитина смутилась, покраснела, опустила руки и принялась перебирать складки платья. Потом, собравшись, подумала ещё немного и сказала:

---

[52] *Хайбер* – длинный однолезвийный кинжал пуштунов; *джамбия* – национальный йеменский кинжал с сильно изогнутым лезвием; *кусунгобу* – ритуальный прямой тонкий японский кинжал с коротким лезвием.

– Я думаю, что товарищ Кузнецова была права, указав на необходимость тщательной проверки сотрудников Осинфбюро. Не вижу другой возможности получения информации о нашем пребывании.

Новиков усмехнулся, затем снова плеснул коньку в рюмки:

– Очень жаль, что не видишь, Надюша, очень… – Он погрел рюмку в руке, поболтал коньяк, понюхал аромат, но пить не стал. – А ну-ка, девушка, соображай: кто здесь знал, в какой именно ресторан мы пойдем?

На лице черноволосой красавицы проступило понимание. Она мотнула головой:

– Никто… – И тут же, сообразив, продолжила: – Выходит, из ресторана сообщили?

– В точку, товарищ сержант. И по времени сходится: с Софийской[53] до «Праги» минут пятнадцать, плюс одеться-собраться – вот и выйдут искомые сорок три – сорок пять минут.

– Сорок три, товарищ Новиков, – тихо сказала Надя. – Я засекла по часикам, – и она показала руку с миниатюрными часами с браслетом.

«Снайпер, – окончательно уверился Кирилл. – Это их коронная фишка: все по времени расписывать…» Вслух же он произнес:

– Молодчина, красавица! Вот что значит – брюнетка! И умница, и красивая – сил нет… Эй-эй, товарищ Никитина, ты чего?! Чего это, а?!!

Надя подскочила на месте, сделала было движение, словно рванулась убежать, но снова обвалилась на стул и, закрыв лицо рукой, расплакалась. Потрясенный Новиков изумленно пялился на плачущую девушку. Что стряслось? Почему только что мирная, можно сказать даже приятная, беседа вдруг окончилась слезами?..

Он прислушался к невнятным возгласам Надежды.

– Вы – начальник, товарищ майор, – рыдала взахлеб девушка, – но вы не смеете!.. Никто не смеет… И красота – вообще… она не главное… вон, Верка… красивая… и что?.. только и умеет… ногой – по яйцам, да кулаком – в кадык… Дура красивая!!!

Постепенно до Кирилла начало доходить. Надя была изумительно, волшебно красива… но по меркам конца XX – начала XXI века. А сейчас, в тридцатые годы она вполне могла считаться если и не законченной дурнушкой, но в идеал этого времени совершенно не вписывалась. Худая, узкобедрая, с грудью максимум первого размера, тонким лицом и точеным профилем, она совсем не укладывалась в популярные образцы красоты. И потому восприняла комплименты Новикова как издевку.

Истерику надо было прекращать, и Кирилл использовал старый, как мир, способ. Он рывком поднял Надежду со стула, прижал к себе так, что у той перехватило дыхание, и впился ей в губы долгим, требовательным поцелуем. Девушка всхлипнула и ответила – неумело, но жадно. И все пошло как обычно, как идет с тех пор, как Адам и Ева вкусили от Древа Познания… Единственно, что нарушило естественный ход событий, был вопрос, заданный задыхающимся от счастья голоском:

– А как же без команды «Раздевайсь»?.. – и радостный смех.

[53] До 1964 г. посольство Великобритании в Москве находилось по адресу Софийская набережная, 14.

11

Если ты узнал, что у тебя появился шпион противника и следит за тобой, обязательно воздействуй на него выгодой; введи его к себе и помести его у себя.
Сунь Цзы. Искусство войны

На основании приказа НО 673 как не прошедших проверку на приборе «ДЛ» Ложимер направить тт. Мерецкова, Жукова, Власова, Павлова в распоряжение управления кадров РККА.
Народный комиссар обороны Ворошилов.

Москва, посольство Великобритании

– Итак, сэр, вы уверены, что объект готов на взаимодействие на определенных условиях?

– Уверенности в этом случае быть не может, милорд, но я бы сказал, – сэр Бертран Вустер сделал глоток кларета и воздал должное сигаре, – я бы сказал, что интересующий нас объект благосклонно отнесется к нашим подходам, особенно если таковые будут подкреплены материально.

Он выпустил клуб ароматного дыма, снова пригубил бокал:

– Даже по виду его спутниц можно сделать достаточно достоверное предположение о том, что ваш… простите, милорд, разумеется, *наш* объект не слишком доволен существующими в России порядками.

– Да, я видел фотографии, – полковник Уинтерсэнд, резидент британской разведки в Советской России, обрезал кончик сигары и тоже закурил. – Вы совершенно правы, Берти: эта брюнетка имеет ярко-выраженные аристократические черты. Вероятно – из бывших, которую наш клиент спас от преследования, а блондинка – яркая представительница северославянского фенотипа, возможно тоже из дворян.

– И вот его случайная оговорка о коллекции холодного оружия, – Вустер улыбнулся. – Я совершенно уверен, что он потерял действительно богатую, возможно – фамильную, коллекцию. Он очень искренне сокрушался о ней.

– Не игра?.. У русских хорошая театральная школа… Станиславский.

– Нет, милорд, тут я не могу ошибиться. Моторика рук, вазомоторика, легкий сбой дыхания. Чтобы поставить такое, нужен не один год. – Бертран подался вперед и произнес с таким жаром, словно давал священный обет: – У него действительно была коллекция, и он действительно сожалеет о ее потере! Это совершенно точно, или все мои познания не стоят и дырявого полупенса!

– Хорошо, хорошо, – полковник поднял руки, признавая свою неправоту. – Попробуем передать ему пару действительно хороших клинков. Настоящий хайбер, который в России мало кто видел, и приличную саблю кара-тобан[54].

Вустер слушал Уинтерсэнда, поддакивал ему, помогал развивать планы дальнейшей работы, а из головы все не шли слова этого странного большевика. Уж не решил ли полковник таким образом избавиться от своего слишком много знающего заместителя? Или, того хлеще, спихнуть на него, Вустера, вину за прошлогодние провалы? Сидней Рейли, помнится, говорил: «Настоящий разведчик не может быть виноват: у него в запасе всегда найдется несколько подходящих кандидатур…»

[54] Очень дорогой и редкий сорт булата.

Москва, Лубянская площадь

– Товарищ нарком, – Новиков обратился к Берия так, как было принято здесь, в Структуре. Хотя Лаврентий Павлович и декларировал его право обращаться к нему по имени-отчеству, Кирилл предпочитал не выделяться. – Товарищ нарком, я по поводу своей докладной.

– Докладной, докладной… – Берия поправил пенсне и пристально посмотрел на Кирилла. – Прочитал я твою докладную. Проверка курирующих ресторан «Прага» ведется. И ты с этим, – он выделил голосом последнее слово, – прямо ко мне пришел?

– Никак нет, товарищ нарком. Я по поводу вербовки. Прошу дать разрешение на работу с третьим секретарём посольства Британской империи Бертраном Вустером.

Нарком внудел удивленно взглянул на майора, а потом снял пенсне и принялся тщательно его протирать. Без линз его глаза подслеповато щурились и придали строгому лицу странно беззащитное выражение, которое часто бывает у сильно близоруких людей.

– И что тебе, товарищ Новиков, нужно для этой работы? – спросил он наконец. – Разрешение? Так это не ко мне. ГУГБ у нас товарищ Меркулов возглавляет.

Новиков молча выслушал Берию, а затем, еще помолчав, сказал:

– Прошу вашего разрешения на актирование резидента британской разведки в Москве полковника Уинтерсэнда. Операция будет представлена как самоубийство. Это, в свою очередь, создаст условия для продвижения нашего объекта по службе, и ему срочно потребуются положительные результаты. Тут мы и подсунем ему нашего человека. Будем аккуратно кормить дезой[55] и прорабатывать варианты сотрудничества. Если он уедет от нас с повышением, будем иметь перспективного человека на связи.

Берия также помолчал, размышляя и что-то прикидывая, а затем вынес вердикт:

– Операцию я вам разрешаю, товарищ Новиков, но со стороны руководства наркомата будет одно небольшое дополнение, – тут он вдруг лукаво улыбнулся, – и кроме дополнения – приглашение. Василий, Тимур и мой Серго по тебе скучают, а ты, мама дзагхло[56], все никак встретиться с ними не хочешь. А они уже Артему[57] все уши о тебе прожужжали: Кирилл такой, Кирилл сякой… Маслом мазанный, сахарной крошкой обсыпанный. В этот выходной[58] ждем тебя.

Ликвидация главного резидента британской дипломатической миссии была также обсуждена с Артузовым. Артур Христианович предлагал обставить все дело как несчастный случай на дороге: грузовик с песком врежется в авто резидента и сбросит его с набережной в воду Москва-реки. Новиков стоял за более тонкий вариант: незаметный укол или царапина отравленной иглой, инкубационный период на пару-тройку часов и ураганный отек легких.

– Кирилл Андреевич, – Артузов встал и прошелся по кабинету. – У вас куда больший опыт в таких делах, но поверьте моему мнению: этот британец – не Троцкий. Мы должны кинуть противнику хотя бы намек на то, что этого человека убрали свои. Тогда есть шанс на дезорганизацию всего русского направления.

– Артур Христианович, – Новиков присоединился к своему «бумажному» начальнику и тоже зашагал по кабинету. – А может быть, связать его с нами? Ну, то есть сделать так, что он как бы являлся нашим агентом? Бертран Вустер обнаруживает неопровержимые улики, свидетельствующие о работе Уинтерсэнда на НКВД, и тот, чтобы избежать позора, воспользовался

---

[55] *Деза* – дезинформация (*сленг.*).

[56] Буквально «отец собаки» (*груз.*) – разговорная брань, аналогичная русскому «ядрена вошь» и т. п.

[57] *Сергеев Артем Федорович* (1921–2008) – приемный сын И. В. Сталина. Сын революционера Ф. А. Сергеева (кличка «Артем»). После гибели отца при аварии аэровагона в 1921 был взят И. В. Сталиным в его семью, где рос и воспитывался наравне с детьми Сталина.

[58] В период с 21 ноября 1931 по 26 июня 1940 в Советском Союзе неделя была шестидневной, в которой вместо привычных названий дней недели фигурировали просто «первый», «второй» и т. д. Шестой день шестидневки был выходным.

ядом. Я внимательно изучил предоставленное мне досье на Уинтерсэнда. Там упоминается его служба в Британской Бирме в течение пятнадцати лет. Так что он вполне мог покончить с собой, отравившись экзотическим индийским ядом. Что-нибудь типа экстракта красного болиголова или змеиных ядов. Болотной гадюки[59], к примеру.

– Туповатое полицейское следствие пришло к заключению, что доктор погиб от собственной неосторожности, забавляясь со своей любимицей – ядовитой змеей[60], – рассмеялся Артузов.

Однако, отсмеявшись, он задумался, а потом сообщил:

– А знаете, Кирилл Андреевич, ваше предложение настолько нахальное, что может и сработать. Считайте, что мое согласие вы получили. Через десять дней жду от вас подробный план акции, с расписанием необходимых сил, средств и указанием основных и резервных точек исполнения. Теперь вот что, – Артузов взял со стола картонную папку и протянул ее Кириллу. – Вот протоколы допросов сержанта государственной безопасности Увакова и внештатных сотрудников НКВД Бессонова и Трахтенберг. Все трое работали в «Праге». И все трое работали еще и против нас.

Артур Христианович похрустел пальцами, помолчал.

– Если бы не ложимер, который в твоем Бюро сделали…

– Если бы не что? – Новиков опешил настолько, что перебил Артузова.

Тот махнул рукой:

– Ну, этот твой определитель лжи. Его уже по всей конторе «ложимером» окрестили. Так вот: если бы не твой прибор – не вычислили бы их. Это я могу сказать с уверенностью. Я хорошо следователей знаю, которые кабаком этим занимались. В один голос твердят, что без ложимера им бы на троицу эту святую не выйти – так и есть. Так что отдельная тебе благодарность еще и за аппараты. – Артур Христианович улыбнулся. – Папочка – твоя, так что вот, распишись за передачу.

Новиков изучал документы, переданные ему Артузовым, до глубокой ночи. Надя даже обиделась на такое пренебрежение. Именно сегодня она попыталась устроить Кириллу «ужин и вечер – как у Льва Толстого, понимаешь?». Заказала несколько блюд в «Славянском базаре», что при ее окладе было делом не самым простым, раздобыла где-то даже два больших бронзовых подсвечника в виде каких-то танцующих древних гречанок – Новиков содрогнулся, когда увидел этот пуд металла, и представил себе, сколько усилий потребовалось от сержанта госбезопасности, чтобы затащить эти чудовища к нему в кабинет! – и, наконец, выпросила у Веры замечательную пудру – настоящую, рисовую, из Франции.

И все ее старания пошли прахом! Кирилл похлебал знаменитой на весь мир старорусской сборной солянки, кажется, даже не различая вкуса, заел ее одним пирожком с рыбой и одним пирожным «Эклер», а дальше пил только чай, погрузившись в чтение, то и дело черкая в большой тетради какие-то свои заметки.

– Я пойду, товарищ майор? – спросила девушка, окончательно надувшись.

– Куда это? – вопросом на вопрос ответил Новиков. – А ну стоим, ждем указаний. – С этими словами он собрал документы в папку и положил ее в сейф, одновременно вынув из него небольшую продолговатую коробочку.

– Сержант государственной безопасности Никитина! – рыкнул он «командным» голосом.

– Я! – рефлексы службы контора вбивает намертво.

---

[59] Она же «цепочная гадюка» – очень ядовитая и агрессивная змея семейства гадюковых, обитающая в Юго-Восточной Азии.

[60] Цитата из знаменитого рассказа А. Конан-Дойла «Пестрая лента».

– За выдающиеся достижения в создании домашнего уюта и проявленные при этом мужество и героизм награждаю вас именными часами! – и он протянул ей обтянутый бархатом футляр.

Надя раскрыла… и ахнула от восторга. Там лежали маленькие золотые часы с браслетом. Перевернув их, девушка прочитала: «Любимой Наде от К.» Как ни старался гравер, но для имени «Кирилл» места уже не хватило.

Москва, Лубянская площадь

– А-а, товарищ Никитина. Прошу, прошу, – Берия даже встал со своего места и вышел навстречу девушке.

Та вошла в кабинет строевым шагом, вытянулась перед Лаврентием Павловичем:

– Товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга[61]! Сержант государственной безопасности Никитина по вашему приказанию явилась!

Берия чуть поморщился, пристально посмотрел на Надежду, и стекла его пенсне блеснули как-то недобро.

– Явилась, значит? «Передо мной явилась ты, как мимолетное виденье…» А позволь-ка узнать, гений чистой красоты: вот это вот, – нарком взял со стола двумя пальцами исписанный лист бумаги, – вот это вот что такое?

Он поправил пенсне и прочитал:

– «Прошу отстранить меня от участия в контроле объекта Прима по личным мотивам». Что сие означает, чудное видение? – И, так как девушка молчала, продолжил уже с нажимом: – И что это за «личные мотивы» у сотрудника государственной безопасности, я вас спрашиваю?!

Надежда посмотрела на Берию. Глаза у нее были как у лани, затравленной волчьей стаей. Впервые увидев Новикова в спортивном зале, где тот гонял пограничников, она была заворожена хищной пластикой движений майора. А после, когда узнала, что Кирилл ещё и крупный учёный, разрабатывающий новое оружие для РККА, уже неровно дышала в его сторону. Окончательно же «поплыла» после вечера в ресторане, когда на её глазах он обыграл опытного разведчика.

– Товарищ нарком… товарищ Берия… – Она судорожно вздохнула. – Не могу я… люблю ведь его… вот… а тут… – Глаза Надежды предательски блеснули.

Лаврентий Павлович неожиданно шагнул вперед и погладил девушку по голове:

– Ох, глупенькая же ты… Ох, глупая… И как таких глупых, таких хороших в чекисты только берут? – Он ласково, по-отечески взъерошил ей волосы. – Доносить на любимого человека ты, разумеется, не можешь… Хоть тебе лично товарищ Сталин прикажи… А вот о том ты не подумала, дзивпасо[62], что ты своими донесениями его еще и защищать станешь? Майор Новиков – человек скрытный и очень самостоятельный. Очень часто все сам сделать хочет. А вдруг не справится? А мы – его старшие товарищи – знать не будем и помочь ничем не сможем… А ты сразу – рапорт, «прошу отстранить», «личные мотивы».

Он вынул кипенно-белый платок и вытер им девушке слезы. Затем отстранился от нее и взял Надю за плечи:

– Все поняла?

Та часто-часто закивала.

– Вот и хорошо, вот и умница. Ступай теперь к своему Новикову и продолжай работать.

И когда за Надеждой закрылась дверь кабинета, вдруг хмыкнул, представив себе, как этот визит будет смотреться со стороны. Вошла красавица строевым шагом, а выскочила растрепан-

---

[61] В реальной истории это звание Берия получил 11.09.1938 г.

[62] Дорогая (*груз.*).

ная и заплаканная. «Нино донесут – придется Кобе другого наркома себе искать…» Посмотрел еще раз на дверь, за которой скрылась красавица-сержант, и выплюнул только одно слово:

– Эшмако![63]

Москва, Подольская площадь

Изучая протоколы допросов, Новиков удивился тому, как легко были перевербованы англичанами сотрудники всесильного, казалось бы, НКВД. Нет, он был далек от того, чтобы верить в те бредни, которые появились в печати еще во времена перестройки и махровым цветом расцвели в девяностые, но все же, все же… И что особенно удивляло: все трое были самого что ни на есть подходящего происхождения! Уваков – из рабочих, Бессонов – тоже, а Трахтенберг – дочь профессионального местечкового нищего. Неужели они не видели, не понимали, что дал им Советский Союз, что так легко и недорого продали его британцам?

В голове невольно всплыли строчки протоколов допросов:

«Вопрос: Гражданка Трахтенберг, расскажите о первом контакте с агентом иностранной разведки.

Ответ: Как я уже говорила, в первый раз ко мне подошел сотрудник британской разведки Гастингс, хотя тогда я еще не знала, что он – шпион. Он сказал мне, что я очень ему понравилась, и предложил подарок – заграничные шелковые чулки. Я согласилась и тоже сказала, что он мне понравился, хотя это было неправдой.… В другой раз он сказал мне, чтобы я телефонировала ему, если в ресторан придет кто-нибудь из тех, кого он мне назовет. В качестве оплаты он предложил мне тридцать червонцев в месяц и заграничные духи. И еще обещал подарить настоящее кружевное белье из Парижа.

Вопрос: Вы согласились, гражданка Трахтенберг?

Ответ: Да…»

«Вопрос: Гражданин Уваков, вы как сотрудник органов НКВД отдавали себе отчет в том, что предложение указанного вами сотрудника британской дипломатической миссии Гастингса является предложением совершить предательство Родины?

Ответ: Да, я сознавал, что это предложение стать шпионом. Но я рассчитывал, что всегда буду сам решать: передавать им данные сведения или нет. Ведь сообщение о посещении каким-нибудь командиром или сотрудником ресторана не может нанести серьезного ущерба Родине, правда? А тут такие деньги – девятьсот рублей!..»

Кирилл зябко передернул плечами: каково?! «Такие деньги!» А ведь это всего-то – оклад лейтенанта Красной Армии. Ну, костюм на них можно купить хороший, ну, пожрать от пуза… И все? Вот за это стать предателем?! В голове даже немного мутилось от ярости.

Кирилл скосил взгляд на часы и заторопился. Сегодня у него, можно сказать, дебют – выступление на радио. И лучше не опаздывать.

Девушки, одетые в форму, уже были внизу, и стоило дверце Л-1 захлопнуться, как тяжелая машина влилась в городской поток…

На радио Новикова встретили радушно, но несколько настороженно. Виной тому был звонок с таких вершин кремлёвского Олимпа, что специалисты радиокомитета просто терялись.

Кирилл, отказавшись от чая и коньяка, снял шинель и прошёл в студию, где уже стояла прислоненная к стене гитара.

– Начнём, товарищи?

---

[63] Дословно «чертовка» (*груз.*) – аналог русского «коза», «идиотка».

Щелкнул динамик, и невидимый звукооператор произнёс:

– Да, мы готовы, товарищ майор госбезопасности.

Кирилл спел больше двух десятков песен, которые подходили к этому времени, и завершил выступление песней «Бьют свинцовые ливни».

Уже через пять минут после начала радийщики включили общую трансляцию, и ровный мощный баритон заполнил всё здание.

Первые слова, которые услышал Новиков, когда вышел из студии и стихли аплодисменты сотрудников радиокомитета, были:

– Нет, всё это решительно нужно перезаписать. Нужен оркестр, и непременно хор. В таком виде это в эфир давать нельзя. – Говоривший – мужчина лет пятидесяти в сером костюме – всё время хмурил редкие брови, протирал лысину клетчатым носовым платком и поправлял большие круглые очки.

– Товарищ…

– Керженцев Платон Михайлович. Председатель радиокомитета. – Мужчина пожал поданную Кириллом руку. – Я категорически настаиваю на перезаписи.

– Понимаете, Платон Михайлович, – Новиков широко улыбнулся, – дело в том, что времени у меня, можно сказать, совсем нет. Я вот уже пять минут как должен быть в дороге, так как в НИИ связи РККА тоже желают что-то переделать. Так что если есть желание, наложите оркестр поверх голоса.

– Но голос… – жалобно воскликнул председатель радиокомитета…

– Стоп. – Новиков, уже собиравшийся надевать шинель, остановился. – А на что вы пишете?

– Сейчас, товарищ майор госбезопасности. – Маленький, подвижный, словно шарик ртути, мужчина лет тридцати подхватил Кирилла под руку и потащил в тонстудию.

– Вот. – Он с гордостью показал на внушительный агрегат с массой каких-то рычажков, кнопок и двумя огромными бобинами. – Немецкий агрегат «Магнетофон Ка – один»[64].

– Включи. – Новиков хмуро кивнул на агрегат и через минуту услышал собственный голос в сопровождении таких хрипов и шумов, словно он пел на лесопильной фабрике.

– Выключи. – Он печально покачал головой, кивнул технику и вышел из тонстудии.

– Значит, так, товарищ Керженцев, – Кирилл вздохнул, – я сейчас еду в НИИ связи и там обсужу вашу проблему. Такое качество записи советскому народу не нужно. А как сохранить голос товарища Сталина для потомков? С таким-то шумом и треском? Это никуда не годится.

– А как же ваша запись? – несколько растерянно спросил Платон Михайлович.

– Делайте что хотите, – отрезал майор и решительным шагом вышел из студии.

Москва, Кремль

Сталин закурил и поднял телефонную трубку:

– Соедините меня с наркомом внудел… – и почти без паузы: – Лаврентий? А скажи мне, дорогой, приглашение для Новикова на торжественное заседание Центрального комитета по случаю Нового года уже выписали? Да? Очень хорошо, – но голос его не предвещал ничего хорошего.

После небольшой паузы, во время которой он докурил свою трубку, Иосиф Виссарионович продолжил:

– Ты ведь член ЦК, Лаврентий, я не ошибаюсь? Нет? Очень хорошо… Значит, повестку и тезисы заседания тебе передали? Молодцы… А скажи мне, дорогой, что там стоит в пункте пятом, после слова «разное», а? Совсем хорошо, дорогой! Значит, ты помнишь, что третьим

[64] *Magnetophon K1* – первый коммерческий магнитофон компании AEG, Германия.

подпунктом повестки в пункте «разное» стоит обсуждение и прием в кандидаты в члены ЦК, правильно? А кто у нас новые кандидатуры, помнишь? Ай, молодец, все помнишь, умница такой! Чкалов и Новиков, да. – Вождь замолчал, тщательно вычистил трубку и глотнул чая из стоявшего на столе стакана в тяжелом чеканном подстаканнике. – Знаешь, дорогой, мне тут чвени кхру[65] смешной анекдот рассказал о твоей Грузии. Чествуют бывшего князя, который женится на молоденькой. Тамада тост произносит: «Давайте выпьем за нашего князя – великого человека! Он велик не потому, что ездит на чистокровном кабардинце – мы тоже не пешком ходим! Он велик не потому, что сохранил свой прекрасный трехэтажный дом – мы тоже не в шалашах живем! Он велик не потому, что взял невесту-красавицу на сорок лет моложе себя – мы тоже не на старухах женаты! Но только он один из всех нас сумел стать первым секретарем района, не будучи членом партии!» Смешной анекдот, правда?

На другом конце Берия молчал, пытаясь понять, что же именно произошло такого страшного, что Вождь *так* недоволен? И тут его осенило. Каким сверхъестественным чутьем Сталин уловил, что руководитель «кровавой гэбни» понял намек, навсегда останется тайной. Потому что именно в тот момент, когда Берия уже собирался начать объяснять и оправдываться, он спокойно произнес:

– Ты, Лаврентий, когда смеяться кончишь, передай парторгу Осинфбюро, чтобы он учетную карточку Новикова в ЦК переслал. Пусть поторопится.

Вызову к Берии Кирилл одновременно и обрадовался, и удивился. На последний выходной день он был в гостях у Лаврентия Павловича на Большой Садовой[66], но не успел побеседовать с гостеприимным хозяином и высокими гостями о насущных делах. В частности – о судьбе нового истребителя Поликарпова И-180, который сейчас «рождается в муках». Новиков полагал, что для этого, безусловно, замечательного самолета, нужно и такое же замечательное оружие. И пулеметы типа ГШГ и ЯкБ-12,7[67] представлялись ему наиболее подходящими для этой цели. Хотя возможно, что предпочтение было бы отдано оружию типа Minigun или GAU-19 в шестиствольной модификации. Он никак не мог решить, какой вариант вращения блока стволов выгоднее для сегодняшнего времени: самостоятельный, с отводом газов, или принудительный, электрический. С одной стороны, у электропривода масса достоинств, как то: переменный темп стрельбы, упрощение синхронизации, более простая конструкция… Недостаток только один – который отсутствует у привода отходящими пороховыми газами – невозможность использовать оружие без сторонних источников питания. Вот и думай, что лучше.

Кирилл думал слишком долго, но так ничего и не придумал. Посоветоваться же со старшими товарищами не удалось: мальчишки и девчонки первых лиц государства плотно оседлали «дядю Кирю» и ни за какие коврижки не соглашались отдать его обратно, во взрослый коллектив – Василий, Серго, Тимур и примкнувший к ним Артем – требовали посмотреть и оценить их успехи в деле освоения холодного оружия, а также показать новые связки, удары, уходы и блоки. Две Светланы жаждали общения с прекрасным и путем уговоров, взяток и открытого шантажа отбили «дядечку Кирюшу» у мужской части своего недружного детского коллектива. Утащив Новикова в угол, они принялись выклянчивать у него новую сказку. Тут Кирилл слегка растерялся. Нет, он отродясь не жаловался на память – наоборот! И от природы отменная, развитая специальными тренировками она стала просто бездонной. Но вот репертуар сказок, который он знал, не слишком-то подходил к их «светлому сегодня». Как-то не очень годились тут сказки о благородных принцах, мудрых королях и великих волшебниках, а

---

[65] Наш глухой (*груз.*). Имеется в виду *Нестор Аполлонович Лакоба* (Чнагу Чичуевич) (1983–1936) – советский государственный деятель. Был близок к Сталину, близкий друг Берии. Лакоба был плохо слышащим, поэтому в близком кругу его часто именовали Глухой или Адагуа – то же самое по-абхазски.

[66] В Москве Берия занимал особняк по адресу Б. Садовая, 26/40 (Вспольный пер., 1/18). Сейчас там располагается посольство Туниса.

[67] Советские авиационные пулеметы с вращающимся блоком стволов калибром 7,62 и 12,7 мм соответственно.

«Бременские музыканты» были счастливым исключением из правил. Да и к тому же девочки хотели сказку с музыкой и песнями, а таких и вовсе было немного. Новиков было собирался уже поведать юным «наследницам лучших фамилий», к которым примкнули и более взрослые «наследники», сказку «Три толстяка», грампластинки с которой тоже были атрибутом его далекого детства, но вовремя вспомнил, что у автора этой книги были какие-то трения с советской властью[68]. И потому он вспомнил, что в детстве у него была еще одна пластинка – радиопостановка «Волшебные башмаки», созданная по мотивам английских народных сказок. Там было несколько песенок, которые вполне подходили к нынешнему моменту. Вооружившись гитарой, он начал:

Летний день и чист и светел,
Путь-дорога далека!
Гонит вдаль попутный ветер!
Гонит вдаль попутный ветер!
Надо мною облака.

– Шагает Джек по дороге, помахивает вересковым прутиком, несет на плече узелок с краюшкой черного хлеба и старыми деревянными башмаками…[69]

Разумеется, к моноспектаклю очень быстро подтянулись и взрослые, после чего серьезный разговор отложился на неопределенное время. После сказки все с увлечением хором пели песни из репертуаров будущего. Потом танцевали, тоже все вместе, а потом – потом день кончился, и все разошлись. Так что теперь Новиков рассчитывал поговорить с Берией о том, о чем не удалось в выходной. Но с другой стороны, ведь Берия не знал, что Кирилл собирался говорить с ним, а значит, вызывают его для чего-то другого. Впрочем, это уже не играло особой роли: если начальство вызывает – нечего размышлять. Ноги в руки, и – аллюр три креста марш-марш!

Москва, Лубянская площадь

– Разрешите, товарищ нарком? – Кирилл вошел в кабинет и, повинуясь приглашающему жесту, подошел к столу.

Берия протянул ему свою обманчиво белую, кажущуюся мягкой, руку, но Кирилл уже знал этот фокус и, сжав ладонь, достойно ответил на крепкое рукопожатие. Лаврентий Павлович, обладавший поистине железными пальцами, которыми мог без особых усилий свернуть в трубочку серебряный рубль, лукаво подмигнул ему и указал на стул.

– Садись, товарищ Новиков, садись. – И когда Кирилл уселся, протянул ему лист бумаги, почему-то слегка пожелтевший, и ручку: – Пиши, пожалуйста. Коротко и быстро.

– Что писать? – спросил Новиков, подумав про себя: «Надеюсь, не признание в измене?»

Берия снова взглянул на него, теперь уже не лукаво, а просто весело:

– Как что? Заявление пиши… – И, видя, что собеседник все еще ничего не понимает, пояснил: – Ты ведь за коммунизм? За нашу с тобой Советскую Родину?

– Так точно!

---

[68] Автором романа-сказки для детей «Три толстяка» был Юрий Карлович Олеша (1899–1960) – советский писатель, который, несмотря на выдающийся талант, не нашел себя в советской культуре, ударившись в сложные буржуазные формалистические направления. Большая часть его произведений так и осталась не признанной широким читателем. Однако Новиков ошибся: никаким гонениям или преследованиям Олеша никогда не подвергался.

[69] Советская радиопостановка «Волшебные башмаки», 1961 г.

– Словечки у тебя старорежимные, товарищ Новиков, – поморщился Берия, но тут же вернулся к предмету разговора: – Раз ты за Союз ССР – значит, коммунист, так? Большевик?

– Полагаю… Так точно, коммунист!

– А раз коммунист – значит, должен быть в партии, так?

«Вот в чем дело! – успокоился Кирилл. – Ну, в партию так в партию!» Заявление он писал под диктовку наркома, старательно выводя буквы непривычной ему перьевой ручкой. Закончил, обойдясь без клякс, поставил по указанию Берии дату – 23 января 1924 года, подпись и задумался: что делать дальше? Но Лаврентий Павлович тут же взял лист, лично промакнул его пресс-папье и передал бесшумно вошедшему порученцу. После чего повернулся к Новикову:

– Сегодня, часа в два пополудни зайдешь в партком в своем Бюро. Парторг тебе все объяснит. Вопросы?

Кирилл воспользовался случаем и представил Берии свои мысли по И-180, о возможных неприятностях при испытаниях, опасности для Чкалова и о перспективном вооружении нового истребителя. Нарком внимательно выслушал его, сделал несколько пометок, связался с куратором ВВС КА от НКВД Авсеевичем[70], который пообещал быть в Осинфбюро сегодня же, не позднее шестнадцати ноль-ноль. После чего у наркома зазуммерил телефон, и Новиков «откланялся», то есть осторожно вышел, получив разрешающий кивок.

Всю дорогу до своего Бюро он пребывал в размышлениях. Зачем понадобилось писать заявление с давно прошедшей датой, да ещё и на старой бумаге? Партстаж? А для чего? И так первый человек в партии все знает. Тогда зачем? Ответа не было.

Москва, Подольская площадь

Тем временем секретарь парторганизации Особого информационного бюро сидел в своем кабинете и с ужасом взирал на два листа бумаги, лежащие перед ним на столе. Первый лист был заявлением его начальника Новикова К. А. о вступлении в ряды РКП(б), на котором красовались рекомендации за подписями Молотова и… Сталина! А второй – запрос за подписью наркома, в котором требовалось предоставить учетную карточку на члена ВКП(б), майора государственной безопасности, орденоносца Новикова К. А. в отдел партучета наркомата внудел. И самым ужасным было то, что ни партбилета, ни учетной карточки парторг, старший лейтенант государственной безопасности Белкин, никогда в глаза не видывал! Он даже и не знал: партийный ли его начальник или нет? Как-то сразу ему очень вежливо намекнули, что с такими вопросами к руководству лезть не надо. А он всегда был понятливым.

Белкин соображал недолго. Пригладив вставшие дыбом волосы, вызвал двух членов парткома – Геллермана и Кузнецова, которые числись по наркомату вольнонаемными, и быстро провел с ними заседание в сокращенном составе. В результате заседания парткома было принято решение о вынесении коммунисту Новикову К. А. устного порицания за утрату партбилета при выполнении государственного задания особой важности, и в картотеке появилась учетная карточка с пометкой «дубликат». После того как оба члена парткома подписали протокол заседания, Белкин вызвал к себе коммуниста Кузнецову Веру и велел ей занести товарищу Новикову новый партбилет. Что она и выполнила с большим удовольствием, потому что «змея-Надька вцепилась в Кирилла точно клещ, а ведь ни кожи, ни рожи!..»

[70] Авсеевич А. А. (1899 —?) – советский государственный деятель, чекист. С 1935 возглавлял отдел ГУГБ НКВД, курировавший авиационную промышленность. После хрущёвского переворота уволен из органов, исключен из партии. Год смерти неизвестен.

12

– Да что вы можете знать о вредителях!
Лаврентий Павлович Берия в разговоре с Мичуриным
Москва, АБТУ РККА

В Автобронетанковое управление РККА Берия прибыл ровно к десяти ноль-ноль. И был неприятно удивлен: вызванные на совещание конструкторы бестолково толпились в приемной начальника АБТУ Бокиса, а замотанный дежурный капитан устало повторял:

– Товарищи, товарищи! Товарищ комдив задерживается, подождите. Подождите, я говорю! Ну, вот присядьте, подождите…

Тут он соизволил заметить Берию, но из-за того, что тот, по своему обыкновению, был в штатском костюме, принял его за очередного конструктора. Он открыл папку и повел карандашом по списку, одновременно бормоча:

– Фамилия? Придется подождать: товарищ комдив задерживается…

– Фамилия – Берия, – сообщил Лаврентий Павлович любезно. – Мы пока начнем, а когда товарищ комбриг прибудет, проведите его к нам.

– Какой комбриг? – обалдело спросил капитан.

– Комбриг Бокис[71], – столь же любезно пояснил Берия и, распахнув двери кабинета, повернулся к конструкторам: – Прошу, товарищи, заходите.

– Он, товарищ нарком, комдив, – пискнул капитан. – Комдив, а не комбриг…

– Вы, капитан, не в курсе, – лучезарно улыбнулся Берия. – Уже комбриг. А не появится в течение пятнадцати минут, то – полковник.

Войдя в кабинет и прикрыв за собой двери, Лаврентий Павлович прошел на председательское место и, усевшись в кресло, произнес:

– Начнем, товарищи, время дорого. Первыми я бы хотел послушать товарищей Барыкова[72] и Гинзбурга[73]. Прошу.

Названные поднялись и вышли на середину кабинета.

– Сейчас у нас в производстве, – начал Барыков, – следующие марки бронетанковой техники: легкие танки Т-26, а также специальные машины на их основе: ОТ-130[74]. Средние танки Т-28 и многобашенный танк прорыва Т-35…

В этот момент открылись двери кабинета и вошли еще несколько человек. Собравшиеся хорошо знали этих людей: артиллерийский конструктор Грабин, еще один артиллерист – Петров с Мотовилихи, но больше всего поразил третий человек – осунувшийся, плохо выбритый, в костюме явно с чужого плеча. Это был конструктор Сячинтов, арестованный в конце прошлого года и, наверное, так и не выпущенный – недаром рядом с ним стояли двое бойцов ГБ.

Увидев вошедших, Берия поднялся и радушно пригласил:

– Присаживайтесь, товарищи, присаживайтесь. Вот как раз товарищ Сячинтов вовремя прибыл: расскажите-ка нам о судьбе орудия ПС-3.

Названный вздрогнул, ссутулился, помолчал…

---

[71] *Бокис Густав Густавович* (1896–1938) – советский военачальник. Комдив. С 1936 возглавлял АБТУ РККА. За участие в заговоре Тухачевского осужден и расстрелян.

[72] *Барыков Николай Всеволодович* (1900–1967) – советский конструктор танков. В описываемый период – директор Кировского завода.

[73] *Гинзбург Семен Александрович* (1900–1943) – советский конструктор бронетехники. За низкое качество техники во время ВОВ был направлен в действующую армию и погиб в бою. В описываемый период – заместитель Барыкова по конструкторской части.

[74] Огнеметная модификация однобашенного танка Т-26.

– Орудие ПС-3 разрабатывалось мной по заданию врага народа, международного шпиона Тухачевского, – начал Сячинтов монотонно, – с целью бесполезного расходования ресурсов и излишней нагрузки на оборонную промышленность. Хорошо, что товарищ Барыков вовремя раскусил…

– Ну, что там раскусил товарищ Барыков, нам не так интересно, – оборвал его Берия. – Вы нам вот что скажите, как вы думаете, почему орудие с такими высокими характеристиками не пошло в производство?

Сячинтов вздохнул, опустил голову. Барыков попытался что-то сказать, но Лаврентий Павлович резко оборвал его:

– Товарищ, разве ваша фамилия – Сячинтов? Нет? – И, повернувшись к вытащенному из-под ареста конструктору, подбодрил: – Ну, товарищ Сячинтов, смелее. Так в чем же дело?

Тот вздохнул, собираясь, и, сжав кулаки, поднял голову, твёрдо посмотрев в глаза всесильному наркому.

– На самом деле орудие требует очень тщательной обработки, а так как директора больше интересует вал, то…

– То сложное орудие в производстве всеми способами тормозят, – закончил фразу за конструктора Лаврентий Павлович. – Полагаете, что Красная Армия управится и с плохим оружием? – Берия вперил взгляд в Барыкова и Гинзбурга: – Очень ошибаетесь, дорогие наши товарищи! Я бы даже сказал: заблуждаетесь!

Лаврентий Павлович тщательно готовился к этой встрече и потому тут же выложил характеристики орудия КТ-28 и сравнил его с ПС-3. Затем методично принялся драконить танки Т-26 и Т-35.

– Медлительные, слабо вооруженные, с тонкой броней, способной предохранить лишь от винтовок и пулеметов винтовочного калибра. И вы, драгоценные товарищи, всерьез полагаете, что вот это – те самые танки, которые нужны РККА? Нужны Советскому Союзу?..

Кировцы потупились и молчали. Как ни странно, тут же занервничали руководители Харьковского паровозостроительного завода имени Коминтерна. Т-35 строился в основном на их заводе, так что директору Ивану Бондаренко и главному конструктору Афанасию Фирсову было о чем подумать. Но в этот момент с шумом распахнулась дверь и в кабинет вошел его хозяин – Густав Бокис.

Он весело улыбнулся Берии, небрежно кивнул остальным:

– Здравствуйте, товарищ нарком. Приветствую, товарищи. Извините за задержку: вчера допоздна работал, проспал…

По его слегка помятому лицу было нетрудно сделать выводы о характере вчерашней работы: о любвеобильности начальника АБТУ РККА ходили легенды. Однако Берия столь же весело улыбнулся Бокису, потом взглянул на часы:

– Вы успели, товарищ комбриг. Приведите в порядок форму: сейчас это вам будет нетрудно. Просто снимите с петлиц лишний ромб и присоединяйтесь к нам, – он рукой указал на свободное место. – Сейчас закончат доклад товарищи с Кировского завода, потом заслушаем товарищей с завода имени Коминтерна, а после уже – вам слово!

И Лаврентий Павлович снова лучезарно улыбнулся, правда, на сей раз – одними губами. Знающие Берию люди содрогнулись бы от этой улыбки. Шептались, что даже любимцы товарища Сталина – прославленный сорвиголова Чкалов и «железный Кирилл» – и те нет-нет да и передергивали зябко плечами, когда видели *такую* улыбку наркома.

Но Бокис то ли не знал об этом, то ли не верил, а потому, гордо выпрямившись, заявил:

– Мне, товарищ Берия, звание не вы присваивали! И я не понимаю…

Дальше продолжить он не успел. Двое неприметных товарищей в таких же штатских костюмах, как и их нарком, оборвали высокопарную речь Густава Густавовича весьма недели-

катным образом – просто и без затей заломав ему руки. Причем столько резко, что у жертвы перехватило дыхание.

Берия, тоже занимавшийся в спортзале Осинфбюро, вдруг каким-то размытым движением оказался прямо перед Бокисом.

– Приподнимите, – попросил он, и его телохранители резко вздернули висящего в заломе человека так, что его налитое кровью лицо оказалось на уровне глаз Лаврентия Павловича.

– Не понимаешь? – произнес Берия свирепо. – А что ты вообще понимаешь? Управление под руководством твоего дружка Халепского уже таких дров наломало, что впору волком выть, а ты еще добавлять взялся, гетеран! Танки лепите без ума, а бензозаправщики к ним? А грузовики – боекомплект подвозить, танкистов кормить? Сколько в РККА санитарных машин, скажи-ка нам? Молчишь? Сказать нечего?

Лаврентий Павлович сделал знак, и Бокиса уволокли. Берия прошелся по кабинету, закурил длинную папиросу «Колхида» и повернулся к конструкторам и директорам:

– Так, на чем мы остановились, товарищи? Ах, да, помню-помню. Значит, так: товарищу Барыкову – строгий выговор и предупреждение на будущее. Еще раз попробуешь, Николай Всеволодович, дурака валять – за ушко тебя, да на солнышко! Поедешь план по лесозаготовкам выполнять. Ты же вал любишь, – теперь улыбка у Берии была настоящая, веселая, – а там валить – не перевалить.

– Товарищ Гинзбург, – Лаврентий Павлович повернулся к конструктору. – С танками у вас, прямо сказать, не очень. Давайте-ка готовьте на основе танка Т-26 легкий танк с противоосколочным бронированием, а на базе нынешних Т-26, – он запнулся, словно стараясь что-то припомнить, – на базе «двадцать шестых» готовьте следующие проекты машин: бронетранспортеры мотострелков, вооруженные бронированные тягачи артиллерийских орудий, самоходные орудия непосредственной поддержки пехоты, самоходные противотанковые орудия и бронелетучки[75]. И на будущее: научитесь смело отстаивать свое мнение, товарищ Гинзбург. Да, есть шанс попасть под горячую руку, но дело – важнее.

Точно таким же был разговор с представителями ХПЗ, где Берия особенно выделил молодых конструкторов Кошкина и Морозова. Танки БТ, за небольшим исключением, также подлежали переделке в бронетранспортеры, самоходные орудия и транспортеры боеприпасов и т. д., и т. п.

По вооружению Лаврентий Павлович очень просил Грабина принять Сячинтова под свою опеку и вместе активизировать работы по танковым орудиям крупных калибров.

Кроме того, Берия вчистую раскритиковал плавающие танки, пояснил всем, куда следует затолкать пятибашенного Т-35 и назвал конкретно – кому, пообещал всемерную помощь и, наконец, сформулировал новую концепцию танка – единого танка для РККА.

– От вас, товарищи конструкторы и производственники, ждут новую, подчеркиваю – принципиально новую машину. Ориентировочные характеристики: масса – тридцать пять – тридцать восемь тонн; вооружение – орудие калибром восемьдесят пять – сто семь миллиметров. Возможна временная установка орудия меньшего калибра, но не менее трех дюймов. Скорость – не менее пятидесяти километров в час по шоссе и не менее двадцати пяти – по полю. Широкие гусеницы для высокой проходимости. Броня – не менее пятидесяти миллиметров, установленная с рациональными углами наклона. Подвеска торсионная, двигатель – дизельный. Предусмотреть место под радиостанцию и приборы наблюдения. Срок вам, товарищи, на все про все – год. При необходимости обращайтесь в Осинфбюро при НКВД. В состав этого бюро временно переводятся товарищи Котин, Кошкин, Морозов, Шашмурин. Вопросы?

Вопросов было так много, что никто не знал, с какого же конкретно начать. Нарком внудел подождал несколько минут, затем решительно поднялся:

---

[75] Бронированная машина, установленная на железнодорожное шасси. Применялась для охраны и разведки ж/д путей.

– Товарищи, прошу меня извинить, но у меня еще очень много дел. Если кому-то что-то понадобится – прошу, без стеснения, прямо ко мне, – он сделал приглашающий жест и продолжил: – Если что – посидим вместе, обмозгуем, одним словом – решим. Но от вас я буду ждать работы – такой работы, чтобы всем было ясно: больше сделать – не в силах никто!

Москва, Лубянская площадь

– Товарищ нарком, а за что вы с Бокисом так круто? – спросил Кирилл, прихлебывая ароматный чай. Чай этот, сорта «Шемокмеди», был гордостью Берии, который лично курировал чаеводов Грузии. И Лаврентий Павлович гордился не зря: бархатистый, терпковатый, не резкий, ароматный напиток был выше всяких похвал.

На вопрос Берия ответил не сразу. Он, в отличие от Новикова, пил чай не из стакана в подстаканнике, а из большой широкой фарфоровой чашки с блюдцем. Приподняв чашку, нарком полюбовался густым, насыщенным цветом чая, затем отхлебнул и зажмурился от удовольствия.

– Честно скажу тебе, Кирилл: вот это я превыше всех напитков ценю. Выше вина, клянусь чем угодно! Чай, – он снова сделал маленький глоток и покатал горячий напиток по небу, – чай… Солнце с гор вобрал, вкус воды с ледников впитал, тепло рук сборщиц сохранил. – Он глубоко вздохнул, выбрал в вазочке кусочек киевского торта, прикусил, запил чаем. – Спрашиваешь, за что с Бокисом круто так? А ты знаешь, какие взятки этот гад брал там, на Западе, за то, что танки их у нас проталкивал? Гинзбург – дурак! – Берия качнул головой. – Ему, видишь ли, любопытно было: сможет он лучше английского или американского танк сделать? То есть взять их проект и улучшить так, чтобы еще лучше вышло. Потому и кивал все время, как болванчик фарфоровый: «Хороший образец, товарищ Гинзбург?» – «Да, да, очень замечательный!» – «А этот образец хороший, товарищ Гинзбург?» – «А этот – еще лучше!» – «Так покупаем?» – «Обязательно!» А сам мечтает, как он руки свои приложит, и заиграет этот бриллиант ограненный, из слабой машины – конфетка выйдет. Дурак он!

Берия снова отпил глоток чая и продолжал:

– А вот Халепский с Бокисом – те совсем другое! Взятку им сунут, причем если бы только деньгами! – Лаврентий Павлович сокрушенно цокнул языком. – Веришь, нет: этому латгалу[76] на «Виккерсе» в качестве взятки ящик шелковых чулок дали[77]! Ну, я и не сдержался, – он снова покачал головой. – Ты пей чай, пей. И я тебя как друга прошу, Кирилл: не надо об этом товарищу Сталину говорить…

Москва, Кремль

Заседание Центрального комитета ВКП(б), открывшееся двадцать пятого декабря, было торжественным только по названию. На самом же деле это было подведение итогов уходящего года и выработка стратегии на год наступающий.

По предложению Сталина рассмотрение кандидатур новых кандидатов и членов было перенесено во второй пункт повестки с тем, чтобы вновь избранные товарищи могли принять полноценное участие в обсуждениях и прениях. И они приняли. Выражаясь языком «светлого будущего» – на всю катушку!

– Разрешите, товарищи, мне? – невысокий крепыш с ромбом в петлице встал и, не дожидаясь ответа, прошел к трибуне. – Комбриг Чкалов, – представился он. – Я вот что вам скажу,

[76] *Латгалия* – часть Латвии, откуда происходил Бокис.

[77] Реальный факт.

товарищи: в нашей авиационной промышленности сложилось невыносимое положение. Я бы даже сказал – бл… невыносимое!

Он перевел дух и продолжил:

– Вот есть у нас отличные авиаконструкторы – товарищ Поликарпов и товарищ Туполев. Мы – летчики – хорошо знаем их самолеты и гордимся тем, что советские машины, в том числе и товарищей Поликарпова и Туполева – лучшие в мире! И что же? Находится куча тех, кто считает себя конструктором – всякие яковлевы, горбуновы, гроховские[78] – сопляки, которые и карандаш еще толком держать не научились! – начинают критиковать товарища Поликарпова и его самолеты, на том только основании, что он, видите ли – беспартийный! А товарища Туполева вообще готовы обвинить чуть ли не в шпионаже! Причем пользуются любыми средствами. Брат – директор завода? Очень хорошо! Пусть скажет, что завод загружен и новый заказ принять не может![79] Сам летчик? Еще лучше! Совру, скажу, что машина никуда не годная! А уж если удалось в верха попасть – пиши пропало! Такого настрочит, навыдумывает, что, как у нас на Волге говорят – хоть святых выноси!

А сами при этом создают, с позволения сказать, такие уе… удивительные машины, что и слов не найти. Вот вам простой пример, – тут Чкалов жестом фокусника выдернул откуда-то фотографию очень странного самолета на двухколесном «велосипедном» шасси. – Вот, товарищи Центральный комитет, полюбуйтесь! Это – истребитель, с металлическими крыльями и деревянным фюзеляжем. Перехватчик, у которого основная работа – в воздухе бой вести. Так вот, двигатель у этого самолета – с жидкостным охлаждением, а охлаждение это устроено так: в двойной обшивке крыла жидкость испаряется и охлаждается. Здорово умники-конструктора придумали – радиатора не нужно! Правда? Правда, только вот одна маленькая зацепочка: пробьет такое крыло *одна* вражеская пулька, и все! Мотор через пять, много десять секунд заклинит и – привет красному военлёту! А автор этого летающего выбл… то есть выродка – сам красный военлет[80], между прочим! И зачем нашему рабоче-крестьянскому Красному воздушному флоту такой, извините, самолет?! На проектирование и конструирование которого народные деньги потрачены! Вы тут сидите – копейки делите, гроши друг у друга из глотки зубами выгрызаете, а тут – р-раз! – и сотни тысяч рубликов свинье под хвост!

В прошлом году тот же военлёт спроектировал самолет, который назвал «Кукарача» – таракан то есть. Я, товарищи, был на этом самолете испытателем. Ну и что же? Поднять машину в воздух так и не удалось. «Кукарача» бегала, набирала скорость, но покидать взлетную полосу не собиралась. Я ее и так, и эдак по аэродрому, гонял, пока не кончилось горючее. Все мое умение и желание оторвать шасси от поверхности любым способом не помогло. Говорю я этому горе-изобретателю: «Настоящий таракан! А тараканы не летают. Где-то вы просчитались или перемудрили, уважаемый». Казалось бы, вот и все? Ан нет! Все-таки удалось ему воткнуть новый вариант «Кукарачи» в официальный план работ Экспериментального института Наркомтяжпрома по вооружениям РККА[81]! А вы тут за копеечки друга дружку давите…

С этими словами Валерий Павлович почти сбежал с трибуны и, протолкавшись, сел на свое место. Новиков с любопытством взглянул на коллегу. То, что Чкалов – летчик, что называется, от бога, он знал, но больше помнил его как отчаянную головушку, эдакого летающего акробата. А оказывается, этот лобастый крепыш – очень толковый и грамотный товарищ… Кстати, предугадавший дальнейшие проблемы советской авиации – да и не только авиации! – промышленности в целом: отчаянная конкурентная борьба без всяких правил и приличий,

---

[78] *Гроховский П. И.* (1892–1946) – советский летчик, конструктор-самоучка. Автор множества оригинальных, но зачастую плохо (или безграмотно) проработанных изобретений.

[79] Чкалов намекает на братьев Горбуновых, один из которых, В. П. Горбунов (1903–1945), был авиаконструктором, а второй – С. П. Горбунов (1902–1933) – директором авиазавода в Филях.

[80] Чкалов описывает созданные летом 1936 Г-26 конструкции Гроховского и Урлапова.

[81] Реальная история самолета-«бесхвостки» Гроховского Г-39.

кумовство, протекционизм. «Надо бы у Сталина разрешение спросить на ознакомление этого волгаря-самородка с некоторыми данными», – подумал Кирилл, и в этот самый момент к нему бесшумно подошел Поскребышев и протянул сложенный лист бумаги. Развернув, Новиков прочитал начертанные уже знакомым почерком строки: «Тов. Н.! Есть мнение, что стоит пригласить в Ос. информ. бюро тов. Ч. и ознакомить его с авиационными новинками на ближайшие десять – пятнадцать лет». Для верности он взглянул на Сталина. Тот перехватил его взгляд и утвердительно прикрыл глаза. А тем временем после выступления Чкалова снова вспыхнули споры о бюджете и о том, как его разделить. После яростного выступления Ворошилова, который, надо отдать ему должное, вполне логично требовал даже не думать снижать расходы на вооруженные силы, на трибуну вышел новый докладчик. Новиков с удивлением смотрел на этого совсем маленького человечка, который, если бы не полувоенная одежда и полувоенная выправка, выглядел бы встрепанным смазливым пацанчиком, чем-то похожим на переодетую девушку. Он заговорил высоким, каким-то ненатуральным голосом заводной игрушки, однако, к удивлению Кирилла, говорил исключительно правильные вещи. И несколько терминов подсказали Новикову, что этот малыш ознакомлен с кое-какими нормами и требованиями будущего. Но он же готов поклясться, что никогда прежде не видел этого мальца!

Разумеется, он ничем не выдал своего удивления. Внешне все выглядело так, словно Новиков просто внимательно слушает докладчика. А потому Чкалов, который нет-нет да и бросал заинтересованный взгляд на своего соседа, наклонился к Кириллу и прошептал:

– Вот дает, Ежинька! Еще бы – сам товарищ Сталин речь написал.

Эта информация объясняла почти все… А кто такой «Ежинька»? Это что – Ежов? Как там его звали-то?

– Ну-ну… – Новиков как бы в сомнении покачал головой. – Может, Николай… м-м-м… Иванович сам свой доклад готовил?

– Кто? – удивился Чкалов. – Ежинька? Да ты что, товарищ дорогой?! Последние пять лет на льдине дрейфовал?

Вот он – первый прокол! Если ты – кандидат в члены ЦК, то должен хотя бы в общих чертах представлять себе перипетии подковерной борьбы в верхах. Вот тут-то Новиков дал маху: работая в Осинфбюро на пределе и даже за пределами возможного, он просто физически не успевал следить за политикой. Да, если честно, и не считал это особенно нужным.

Чкалов все с тем же интересом смотрел на Кирилла, но теперь в его взгляде сквозило уже не только удивление, но и какая-то подозрительность. Новиков быстро слепил в уме достоверную легенду и приготовился ее озвучить, основательно поездив по ушам простодушного летчика, но не успел.

Положение спас незаметный Поскребышев. Он вдруг проскользнул между собравшимися и протянул Сталину узкий листок бумаги. Валерий Павлович сразу же переключил внимание на Вождя, Кирилл сделал то же.

С трибуны в это время вещал каменнолицый мужчина в маршальском мундире – кандидат в члены ЦК маршал Егоров. Он рубил стандартные фразы о большевистской сознательности, партийной совести и совершенно не мешал ни Новикову, ни Чкалову следить за реакцией Хозяина на принесенную бумагу. После прочтения лицо Сталина на мгновение исказилось, став злобным и даже хищным. Глаза сверкнули огнем охотящегося тигра, увидевшего добычу. Он обвел тяжелым взглядом всех присутствующих, на мгновение задержался на Берии, и тот, заметив этот взгляд, чуть кивнул. Затем Иосиф Виссарионович отыскал взглядом Новикова, и Кирилл даже вздрогнул, почти физически ощутив, какие в этом взгляде жажда мести и отчаянное требование о помощи. Он так же, как и Берия, кивнул и краем глаза заметил такой же кивок Чкалова. Да что ж это могло произойти?..

Заседание ЦК как-то быстро свернулось, хотя некоторые вопросы явно остались так и не решенными. Когда все поднялись и начали расходиться, Берия сделал знак Новикову и Чка-

лову задержаться. К удивлению Кирилла, такой же знак получил и Ежов. Они стояли втроем, невольно сбившись друг к другу поближе. Ежов внимательно осмотрел Чкалова, затем Новикова и, помявшись, спросил:

– Товарищи, не знаете, что случилось?

Чкалов коротко мотнул своей лобастой головой, а Кирилл слегка пожал плечами. Ежов вздохнул, затем спросил:

– Закурить не найдется?

Валерий Павлович вытащил из кармана галифе красную с золотом коробку папирос, протянул:

– Угощайтесь.

Сам же, однако, курить не стал. Николай Иванович неумело чиркнул спичкой, заперхал.

– Я вообще-то не курю… то есть постоянно… но вот… особенно когда волнуюсь… – он смутился и слегка покраснел, отчего еще больше стал похож на переодетую девушку. – Я вот знаете… тут подумал…

О чем подумал новый нарком путей сообщения, навсегда осталось неизвестным, потому что в опустевший зал вошел Поскребышев и бесцветным голосом пригласил:

– Следуйте за мной, товарищи.

Они шли кремлевскими коридорами в молчании за своим Вергилием. Откуда-то вынырнул Власик, кивком поприветствовал всех и присоединился к молчаливой процессии. «Точно хороним кого, – подумал Кирилл. – Только гроба и не хватает…» Тут мозг пронзило молнией: «Слушай, а ведь тогда и вправду кто-то умер… Орджоникидзе, что ли?» Но додумать он не успел: все остановились возле неприметной двери. Поскребышев открыл ее своим ключом… В тамбуре застыли истуканам двое в форме сержантов государственной безопасности. Власик кивнул им, распахнулась еще одна дверь – тяжелая, дубовая.

В небольшой комнате на кожаном диване возле низкого стола с мраморной столешницей сидели Сталин и Берия. Перед ними – початая бутылка коньяку, пара рюмок и фотография в простой деревянной рамке. На ней были изображены трое молодых людей: серьезных, насупленных, словно бы придавленных огромной ответственностью, лежащей на их плечах. Приглядевшись, Новиков легко узнал молодых Сталина и Берию, но вот кто был третий? Несомненно – кавказец, с тонким, умным, чуть задумчивым лицом.

– Орджоникидзе? – спросил он негромко.

Сталин поднял голову:

– А-а-а… Нет, товарищ Новиков, это – не Серго… – Он тяжело вздохнул. – Это – наш с Лаврентием старый друг. Нестор Лакоба. Замечательный человек… был…

Он тяжело поднялся с дивана и подошел к стоящим перед ним:

– Вы, товарищ Новиков, дали нам все. Но два грузина – старый и молодой… – тут он посмотрел на Берию, который сидел, опустив голову, – почти молодой… оказались двумя баранами. Безмозглыми баранами оказались эти два грузина, товарищ Новиков, а потому не отнеслись со всей ответственностью к тому, что вы нам дали. Решили – ладно, мы уже много знаем, можно быть спокойными.

Тут вдруг он повысил голос и почти выкрикнул:

– А спокойными нам быть нельзя! Никак нельзя, товарищи!

Сталин прошелся вдоль короткой шеренги, заглядывая каждому в глаза, потом отошел в глубь комнаты и, круто обернувшись, продолжил:

– Товарищ Лакоба был нашей опорой в Закавказье. Многие там хотели бы жить князьями – эдакими феодалами. Но мы никак не можем допустить появления этих князей-феодалов и

планировали сохранить Закавказскую Федерацию[82] под руководством Нестора… то есть товарища Лакобы. И вдруг товарищ Лакоба умирает от сердечного приступа.

Сталин помолчал.

– Товарищ Лакоба был человеком болезненным. Прямо скажем, что товарищ Лакоба был человеком слабого здоровья. Очень плохое здоровье было у товарища Лакобы. Но вот только сердце у него всегда было здоровым! И есть мнение, что раз у товарища Лакобы было здоровое сердце, то он был убит. Отравлен.

Ежов, Новиков и Чкалов молчали. Неожиданно продолжение озвучил Берия:

– Товарищ Лакоба был прекрасным руководителем, настоящим большевиком и настоящим человеком. Абхазская автономия под его руководством стала едва ли не самой процветающей в Закавказье. Партия и правительство Союза ССР полагали, что товарищ Лакоба может занять пост председателя Совнаркома ЗСФСР. И вот… – Он слегка запнулся, снял пенсне, протер его и вернул на место. – Вот теперь сразу два странных события. Во-первых, Азербайджанская, Армянская и Грузинская ССР подают заявления о вхождении в состав Союза как отдельные республики; во-вторых – убивают нашего Глухого.

Ежов и Чкалов пока еще ничего не понимали, но Новиков уже сложил в уме два и два. Федеративное Закавказье было гарантом невозможности возникновения характерных для Востока кумовства, барства и трайбализма[83]. Приставь к начальнику-грузину заместителя-азербайджанца – и не дай бог грузину хоть в чем-то проколоться! Азербайджанец сразу же даст знать куда следует, и с огромным удовольствием. Наоборот тоже хорошо получится. А лет через тридцать – сорок, то есть к концу 60-х – началу 70-х, из граждан такой Федерации получатся более-менее единые «закавказцы»… И вот все пошло прахом!..

Берия тоже встал и подошел к прибывшим. Остановился перед Ежовым, взял его за руку:

– Тебе, товарищ Ежов, поручается возглавить следственную комиссию по данному делу. У тебя, Николай Иванович, опыт в подобных делах уже есть – тебе, как говорится, и карты в руки.

Он замолчал, потому что рядом как-то незаметно оказался Сталин, который продолжил:

– Мы понимаем, что у вас, товарищ Ежов, сейчас много дел в вашем новом наркомате. Очень много дел. Но вы нас тоже поймите: это дело более важное. Даже самое важное… – Он замолчал, набил трубку, закурил и продолжил: – Среди нас есть враги. Эти враги хитрые и злобные, умеющие хорошо маскироваться. Поэтому вам, товарищ Ежов, доверяется это ответственное дело как председателю комиссии партконтроля[84].

Ежов кивнул, и Сталин поманил к себе Новикова, приобнял его за плечи:

– Это – товарищ Новиков. Он не следователь! – Вождь выделил ударением «не». – Но в органах НКВД сейчас нет лучшего специалиста по ядам и их применению. Может быть, лучшего специалиста по ядам сейчас вообще нигде нет. Поэтому есть мнение, что товарищ Новиков может оказать товарищу Ежову большую помощь в расследовании. Неоценимую помощь может оказать товарищ Новиков товарищу Ежову. Предлагается включить товарища Новикова в состав следственной комиссии и дать ему самые широкие полномочия. Широчайшие полномочия даст товарищ Ежов товарищу Новикову. А товарищ Новиков своими знаниями и опытом поможет товарищу Ежову принять правильные решения.

Он отпустил Новикова и подошел к Чкалову. Долго молча смотрел ему прямо в глаза. Валерий Павлович выдержал его взгляд около минуты, а потом опустил лобастую голову.

---

[82] Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика (Закавказская Федерация, ЗСФСР) – федерация Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, существовавшая в 1922–1937 гг., одна из республик-учредителей СССР.

[83] *Трайбализм, трибализм* (англ. tribalism, от латинского tribus – племя) – приверженность к культурно-бытовой, культовой и общественно-политической племенной обособленности.

[84] Н. И. Ежов был председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в период 1935–1939 гг. (фактически до 1938 г.).

– Вот, товарищ Чкалов, и пришел тот день, о котором мы с тобой говорили. Принимай назначение заместителем наркома внудел, включайся в работу и вместе с товарищем Новиковым поступай в распоряжение товарища Ежова.

Чкалов подобрался, встал по стойке смирно.

– Я не подведу, товарищ Сталин. Ни вас, ни партию!

Сталин молча кивнул и пожал Чкалову руку.

– И вот о чем я хочу попросить вас, товарищи, – голос Сталина остановил их в дверях. – Достаточно наши враги сделали черных дел. Киров, Куйбышев, Лакоба… Они не должны больше дотянуться ни до одного советского человека. Каждый советский человек должен чувствовать себя в безопасности! – И без всякого перехода: – Товарищ Новиков, задержитесь.

Кирилл успел сказать Чкалову:

– Подожди меня, товарищ замнаркома, – и вернулся в комнату.

Жестко глядя ему в глаза, Сталин произнес:

– Товарища Чкалова можете посвятить в любые подробности, какие сочтете нужными. Сообщать товарищу Ежову ненужные ему детали не следует.

Чкалов ехал в Осинфбюро с неохотой, уступив лишь настоятельным рекомендациям Берии, а в особенности тому, что давая их, Лаврентий Павлович делал сквозь пенсне страшные глаза и пальцами, носом, руками да и всей своей фигурой яростно намекал, от *кого* эти рекомендации исходят на самом деле. Но даже после того, как Валерий Павлович все понял, он никак не мог избавиться от легкой, пренебрежительной гримаски и всю дорогу рассказывал Кириллу о том, что еще наизобретали новоявленные «советские гении».

– Агитационный пулемет не видал, Кирилл Андреевич?

– Не доводилось, Валерий Павлович. А что это такое?

– А это такой пулемет, который должен действовать на врага не только физически, но и, так сказать, психологически. Гений один постарался: сделал в пулях специальные прорези, чтобы они в полете «Интернационал» высвистывали… Э-э-э! Ты за дорогой-то следи! – вскричал Чкалов, чувствительно приложившись лбом к стойке.

Кирилл резко дал по тормозам и теперь лежал грудью на руле, содрогаясь от душившего его смеха. Чкалов потер лоб и рискнул продолжить:

– А еще один интересный товарищ тут вот миномет предложил, как он говорит – «мобилизационный»[85]. Когда он проект показал «в металле», люди чуть не поумирали. Изобрел этот деятель стальную рогульку, сборную, из трех частей. Сверху – стальная поворотная вилка, которой кусок резинового жгута для запуска легких планеров приделан. Закладывают бойцы мину в этот жгут, оттягивают втроем-вчетвером назад и…

– Главное – бесшумно, и пламя ночью не демаскирует, – простонал Кирилл, трясясь от хохота.

Чкалов посмотрел на него, снова потер лоб:

– Так этот гусь и к тебе со своим проектом приходил? Он нам тоже все доказывал преимущества перед обычным минометом[86].

Новиков откровенно ржал, слушая ехидные комментарии знаменитого летчика. Чкалов прошелся по проектам летающих танков, рассказал, как его звали принять участие в облете опытной летающей подводной лодки, поведал несколько историй из серийной жизни проек-

[85] Чкалов имеет в виду виды оружия, разрабатывавшиеся в СССР для вооружения т. н. «войск второй волны» (нечто типа «Фольксштурма» Третьего рейха в 1945 г.). Эрзац-танки на базе автомобильных агрегатов, эрзац-САУ на базе тракторов и т. д. Массовое оружие невысокого качества, дешевое в производстве.

[86] Невероятно, но факт! Все описанные Чкаловым технические уродцы реально проектировались в СССР в 30-х годах прошлого столетия, а некоторые были даже выполнены в металле…

тов Курчевского, Дыренкова[87] и Гроховского. По всему было видно, что к изобретательству у Валерия Павловича весьма скептическое отношение. Кирилл даже рискнул подначить его, невинным голосом поинтересовавшись насчет изобретений Туполева и Покрышкина. Но Чкалов не повелся, а очень спокойно и грамотно объяснил, что есть художники мастера, а есть художники от слова «худо».

– И с изобретателями и конструкторами такая же петрушка. Так-то вот, товарищ дорогой.

– Ну, ладно, – Новиков сбросил ход, показал часовым у ворот пропуск и въехал в ворота. Остановил машину у парадного входа, вышел и кивнул Чкалову:

– Прошу.

[87] Курчевский Л. В. и Дыренков Н. И. – конструкторы-самоучки, авторы множества проектов различных видов вооружения. Все их проекты отличались либо слабой проработкой, либо технической безграмотностью.

13

Грядущее отделено
Едва приметною чертою
От настоящего…

А. Блок

Народному комиссару госбезопасности
Рапорт
Особая экспедиция, направленная в район Анадырьского нагорья, в точке, определённой приказом, обнаружила:
– скелетированные останки и фрагменты тел – 7 шт.;
– захоронение с телом – 1 шт.;
– закладку с оружием, упакованным в прозрачный пластический материал: винтовка Мосина № 284 30, пистолеты с маркировкой «ПМ» – 3 штуки, устройства неизвестного назначения – 9 штук, документы по списку.
Фотографии с места прилагаются.
Образцы, найденные на месте, опечатаны согласно приказу и направлены в ОИБ.
Следов физических аномалий не обнаружено.
Приложение 1. Фотографии.
Приложение 2. Фотокопии документов.
Начальник экспедиции,
Старший лейтенант НКВД Н. В. Ярёма

Москва, Подольская площадь

Новиков провёл гостя сразу в свою мастерскую и выложил на стол несколько видов оружия.
– Это, товарищ Чкалов, новый автомат. Пока производим немного, но это только пока. Точность как у карабина, а огневая мощь как у пулемёта. Можешь попробовать, – Кирилл кивнул в сторону щита и пристегнул снаряжённый магазин.
Чкалов примерился к калашникову и, вскинув к плечу, уверенно нажал на курок. Прозвучала сухая очередь, автомат чуть повело вверх, но Валерий Павлович удержал линию, и пули легли достаточно кучно. Молча отложив оружие, он вопросительно посмотрел на Новикова, а тот продолжал рассказывать:
– Это бесшумный пистолет. – Он дослал магазин и, дёрнув затвор удлинённого Вальтера ПП, несколько раз нажал спусковой крючок, посылая пули в одну точку на мишени, и положил пистолет на стол. – Это модификация ТТ, а это – очки ночного видения. Ну, тебе, наверное, их показывали.
– Да, уже как-то привозили. – Чкалов кивнул. – Постой, значит, это твоё? И очки эти, и радиостанция, и автомат? – он наконец свёл вместе детали головоломки и улыбнулся: – Да уж, не агитационный пулемёт.
– Но самое главное не это. – Новиков достал заранее распечатанные фотокопии и выложил на стол одну за другой. – Сорок шестой, сорок девятый, шестидесятый, семьдесят четвёртый.

Глядя на фотографии краснозвёздных истребителей, выглядевших словно иллюстрации к фантастическому роману, Чкалов чувствовал, как пересыхает в горле. Он мгновенно понял, что за цифры называл Новиков, да и изменения в облике боевых машин говорили сами за себя.

– Глотни, – Новиков протянул небольшую фляжку, и Валерий Павлович сделал большой глоток «наркомовского» коньяка.

– А дальше? – И он с такой мольбой посмотрел на Кирилла, что тот в душе махнул рукой и выложил ещё пару фотографий.

– Восемьдесят третий. – Он пододвинул к Чкалову фото МиГ-29 и Су-50. – И две тысячи двенадцатый. Больше, извини, нет.

– А что есть? – У Чкалова было такое лицо, что Новиков помимо воли рассмеялся и, хлопнув лётчика по плечу, кивнул в сторону пары кресел в углу.

– Давай сядем, а то разговор, боюсь, долгим получится. – Он подхватил толстую папку, которую Новиков подготовил для разговора с наркомом, и, подождав, пока Валерий Павлович устроится, достал верхний лист. – Схема двухконтурного турбореактивного двигателя, которым сейчас занимается инженер Люлька. У него не будет решения некоторых проблем, но все они указаны здесь, – новый листок лёг на стол, – как и способы разрешения.

Чкалов вернулся только под утро. Жена встретила его встревоженная. Всю ночь она не спала, гадая, что могло случиться с ее таким любимым, но таким отчаянным и бесшабашным самым главным человеком? Вздрагивала от шума каждой запоздалой машины, чутко вслушивалась в припозднившиеся шаги на лестнице…

Услышав повернувшийся в замке ключ, она подхватилась и, выскочив в коридор, бросилась ему на шею:

– Ну где ты опять пропадал, горюшко ты мое?! – шептала Ольга[88], покрывая лицо мужа быстрыми, горячими поцелуями. – Опять напился? – отстранилась она, почувствовав запах коньяка.

Валерий Павлович забубнил тихонечко, что выпил совсем немного, да и как тут было не выпить, если… При этих словах он быстро снял летную шинель, фуражку, скинул сапоги и увлек жену в комнату. Прикрыв за собой дверь, он подхватил Ольгу на руки и закружил пискнувшую от ужаса и восторга женщину по комнате.

– Да что с тобой, волгарь? – шептала она, боясь разбудить детей. – Что случилось? С ума сошел?..

– Ой, Олька, что случилось! Ты и представить себе не можешь, – Чкалов наконец опустил жену и, крепко прижав к себе, усадил ее рядом на диван. – Не поверишь, где я сегодня был. Сам бы не поверил.

Он коротко рассказал жене о событиях прошедшего дня, сказал, что отныне он – не летчик-испытатель комбриг Чкалов, а старший майор государственной безопасности, заместитель народного комиссара внутренних дел.

– А потом… Нет, Олёк, все равно мне не поверишь! – Валерий Павлович тряхнул кудрями. – Сам бы, если бы мне рассказывали – ввек бы не поверил!..

– Да говори уже! – Ольга шутливо ткнула его в бок крепким кулачком. – Говори, а то поколочу!

Чкалов вдруг отодвинулся и пристально посмотрел жене в глаза:

– Слушай меня внимательно, Оленька. Все, что я сейчас тебе расскажу – государственная тайна, и говорить об этом никому нельзя. Даже самому товарищу Сталину, понятно?

– Сталин не знает? – изумилась Ольга. – А как же?..

---

[88] *Чкалова Ольга Эразмовна*, урождённая Орехова (1901–1997). В браке с 1927 г.

– Знает. Он почти все знает, не знает только, что ты сейчас тоже знать будешь. И знать не должен, – он вынул из кармана коробку папирос и яркую, какую-то странную, похожую на леденец зажигалку.

Закурил, затянулся.

– Оль, нашим советским ученым удалось установить контакт с будущим. Не перебивай! – сказал он грубовато, заметив, что Ольга порывается что-то спросить. – Как – я сказать не могу, объяснить не сумею. Знаний, извиняюсь, не хватает. Университет надо было кончать, чтобы такое понимать. Но вот это, – он протянул ей зажигалку, – это – из будущего.

Она взяла странную зажигалку, сделанную словно бы из цветного стекла, но удивительно легкую. Внутри переливалась какая-то прозрачная жидкость.

– А куда бензин наливать? – спросила она.

Чкалов коротко рассмеялся:

– Это не бензин, а сжиженный газ. А еще я видел оружие из будущего. Прибор, в котором можно ночью видеть. Не как днем, конечно, но видно порядочно. А еще фильмы смотрел. Про будущее. Знаешь, а там здорово… – Он докурил папиросу, смял ее в пепельнице, прижал жену к себе покрепче. – Представляешь, Оль, там автомобилей на улицах – больше чем людей! А какие там самолеты летают! «Ишачок» можно в фюзеляж затолкать, да не один, а штук десять, наверное. Представляешь: один самолет может сразу сто десантников перевезти. Или два танка. Они танки с парашютами сбрасывают. Здоровенные! На море – только на самолетах летают… Летом, в отпуск – на самолете. В Египет, к пирамидам, представляешь? Четыре часа, и ты – в Египте! Здорово в будущем жить будет.

Он рассказывал, а она слушала до тех пор, пока не проснулся Игорь[89]. Ольга смотрела на мужа и верила всему, что он ей рассказывал. И пошла готовить сыну завтрак с полным убеждением, что в будущем, которое уже не за горами, будет славная, прекрасная, светлая коммунистическая жизнь. Валерий Павлович смотрел на жену, на сына и остро жалел, что нельзя рассказать всем о том, что открылось ему. Вот только о человеке из будущего он никому не рассказал и рассказывать бы не стал. Не время еще. Слишком много вокруг врагов.

Москва.
Старомонетный переулок

Надежда Никитина открыла ключом дверь и вошла в длинный коридор своей квартиры. Темный и длинный, он был заставлен разной рухлядью, на стене висели два велосипеда и большое деревянное корыто. Осторожно лавируя между вещами, девушка пробралась к своей комнате.

Несмотря на поздний час, с кухни слышались громкие голоса соседок и сильно пахло чем-то кисло-горелым. Надя улыбнулась: опять тетя Маша выясняет у тети Моти и Фимы Моисеевны, кто это взял ее ершик для чистки примуса?

Грохнула дверь, и в коридор выскочила растрепанная и красная тетя Мотя. Увидев Надежду, она кинулась к ней:

– Вот ты, Надька, ты ж – власть наша! – закричала она на всю квартиру. – Что ж ты на эту чуму управы не найдешь?! Сама ж свой ершик вчерась кинула немытый, а сегодня разоряется! Это же разве дело?!

– Матрена Силантьевна… – начала Надя, но больше ничего сказать не успела.

Вслед за тетей Мотей в коридор вылетела тетя Маша и с места в карьер принялась честить ту на все корки.

[89] Старший сын Чкалова, которому в тот момент было восемь лет.

– Ах ты ж, глаза твои бесстыжие! Девку-то почто в свои дела путаешь?! Наденька со службы, усталая, а тебе сразу – жалобиться! – Она замахнулась поварешкой, но, конечно, не ударила, а повернулась к Надежде и совсем другим тоном спросила: – Устала, Надюха? Есть хочешь? Хозяин убоинки принес, так я щей наварила.

Из-за закрытой фанерной двери раздался трубный бас дяди Тихона, трудившегося слесарем в трамвайном депо:

– И то дело! Надюха! Айда с нами щи рубать! А к щам и ишо кой-чего найдется…

– Я тебе, ироду ахонскому, вот сейчас покажу «кой-чего»! – взвилась тетя Маша. – Тебе б ночь-полночь – все винище хлестать! Ах ты ж!..

И с этими словами она метнулась в свою комнату.

Тетя Мотя покачала головой ей вслед, а потом повернулась к Надежде:

– Вот же ж характеру бог послал, – вздохнула она. – Истинный бог, чума!

Она прошествовала на кухню, где сразу же загремела посудой, громко охая и причитая. Кисло-горелым пахнуло сильнее.

Надя прошла к себе через комнату Фимы Моисеевны. Ее сын, семнадцатилетний Солик, еще не спал. Сидя в трусах и майке у стола, он читал при слабом свете лампочки под простым бумажным абажуром большую потрепанную книгу. Увидев Надежду, он покраснел, одернул майку и постарался спрятать голые ноги под скатерть. Надя улыбнулась, махнула рукой:

– Компривет[90], Соломон! Что читаешь?

– Добрый вечер, – Солик покраснел еще сильнее. – Вот, «Отверженные» Гюго. Читали?

Книгу эту Надежда не читала, но содержание знала. А потому гордо кивнула:

– А как же. Очень полезная книга, – и, не желая развивать тему дальше, ушла к себе.

Надя знала, что несмотря на разницу в возрасте – почти десять лет, юноша влюблен в нее. Уже целых три года, с тех пор как ему исполнилось четырнадцать, Солик Беркович тайно вздыхал по своей соседке. Из-за этой любви он бросил занятия музыкой и записался в секцию стрельбы – в ту же самую, которую посещала и она. Очень неплохих результатов добился. А когда она задерживалась на службе, то очень часто находила на своей подушке то веточку сирени, то несколько полевых цветов – в зависимости от сезона. Летом на тумбочке мог стоять стакан спелого крыжовника или земляники, а однажды зимой она обнаружила на постели два мандарина. Надя долго бы гадала, откуда взялись эти фрукты зимой, но Фима Моисеевна похвасталась, что Солику в школе на елке дали три мандарина в подарке. «А Солик у меня такой хороший мальчик! Один мандаринчик мне отдал!»

Надя улыбнулась и зашла в свою комнату. Маленькая, похожая на пенал, узкая комнатка с одним окном – зато своя, собственная. И не проходная, как у Берковичей, а угловая, тихая. Правда, холодноватая: места для печки не хватило, но Надя аккуратно платила Фиме Моисеевне свою часть за дрова, и та топила печь посильнее, чтобы тепла хватало на обе комнаты.

Надежда щелкнула выключателем, и сорокасвечёвая лампа под уютным шелковым абажуром осветила спартанскую обстановку комнатки. Этажерка с книгами, табуретка, тумбочка узкая, девичья кушетка, заправленная солдатским одеялом – вот, собственно, и все. На оклеенной газетами стене висели портрет Сталина, фотографии матери, отца и погибшего в гражданскую брата. На вешалке поместились драповое пальто, которым ее премировали за первое место по стрельбе в московском «Динамо», два легких ситцевых платья и одно крепдешиновое, а заодно – летний комплект формы. Вся одежда была аккуратно выглажена, повешена на плечики и обернута газетами от пыли и моли.

На тумбочке стояли чайник, стакан и спиртовка. Надя не любила ходить на общую кухню, а потому кипятила чай прямо в комнате. К тому же ела она чаще всего в столовой на службе, а

[90] *«Комсомольский привет»* – распространенное приветствие между комсомольцами и молодыми членами ВКП(б) в довоенном СССР.

в выходной довольствовалась бутербродами с вареньем, четыре банки которого прислала мать. Все это богатство стояло под кроватью и в тумбочке, где также хранились ее небогатое белье, запасной стакан, тарелка, нож и заварка с сахаром.

Вытащив из-под кровати вещмешок, Надежда аккуратно уложила в него летнюю форму – на Кавказе наверняка тепло; запасное белье, полотенце, зубную щетку и расческу. Вздохнула: зубного порошка осталось всего ничего – надо новый купить в аптеке. Вот в Тифлисе и купит. И мыло тоже. Огляделась: вроде все собрала. Закинув мешок за плечо, она вышла из комнаты.

– Фима Моисеевна, – обратилась она к соседке, – я в командировку уезжаю, присмотрите там за моей комнаткой, хорошо? В тумбочке – варенье клубничное, вы кушайте, пожалуйста. Я же знаю, вы его любите. И Солик тоже любит…

– Ой, Надюшенька, да куда же ты, на ночь глядя? – запричитала Фима Моисеевна. – Хоть бы поела, девочка, а то вон как похудела. Совсем не заботишься о себе: одни глаза на лице остались. Нет уж, нет уж, садись, я тебя сейчас покормлю сперва. Я такую рыбку приготовила, такую рыбку…

Надя вздохнула и покорно села за стол. В их большой, на восемь семей квартире, лучше было не спорить, а есть, когда дают. А то соседки налетят – втрое больше съесть заставят…

Москва, улица Дзержинского

Расследование гибели Нестора Лакобы началось на следующий день к вечеру. Утром Ежов, Новиков и Чкалов встретились в здании на улице Дзержинского, где Ежов со своей неуемной энергией и педантичностью уже выбил несколько кабинетов и большой зал для общих совещаний. Сразу же по встрече Николай Иванович быстро и четко распределил обязанности и раздал ценные указания. Чкалову он велел найти самолет и подходящую, как он выразился, «летную бригаду».

– Экипаж, – поправил его Валерий Павлович, но маленький человек не обратил на это внимания. Новикова как «старожила» НКВД обязали связаться со спецлабораторией Всесоюзного института биохимии и выбрать там нужных специалистов. Сам Ежов тут же отправился в Наркомздрав – требовать лучших патологоанатомов. Днем они уже должны были быть на аэродроме и вылетать в Тифлис[91].

Надо отдать должное энергии и чиновничьей хватке Николая Ивановича Ежова – все прошло именно так, как он и запланировал. С разрешения Берии, Новиков кроме двух специалистов из «Лаборатории Х» взял с собой Россохина, Кузьмину, Надю, десять сержантов ГБ, с которыми он уже давно занимался лично, а также «маленькое дополнение», обещанное ему Берией при выполнении следующих специальных операций – стажеров Кузнецова и Мазаник. Увидев эту ораву, Чкалов поморщился, но Кирилл подошел к нему и негромко, но твердо сообщил, что предпочтет лететь двумя или даже тремя самолетами, чем там, на месте, принять участие в увлекательном соревновании «стрельба по мишени “бегущий кабан”» в роли того самого кабана. Валерий Павлович, подумав, согласился и тут же рванулся к телефону – договариваться о втором самолете. В результате в двенадцать часов дня два ТБ-3, натужно ревя моторами, оторвались от земли и взяли курс на юг.

ТБ-3 – тяжелый бомбардировщик, и к перевозке пассажиров приспособлен мало. Сидеть в его фюзеляже было темно, очень холодно и крайне неудобно. Конечно, перед вылетом всем выдали унты, овчинные шлемы, летные обливные полушубки и даже маски из кротовых шкурок. Но все равно это не помогало – холод пробирал до костей. Надежда пыталась спрятаться за Кириллом, но это не помогало – сквозняк в фюзеляже бомбардировщика был такой, что оставалось только удивляться: как это их еще не выдуло наружу?

[91] Вплоть до распада ЗСФСР Тбилиси назывался Тифлис.

Новиков старался по возможности прикрыть Надю и Веру от ветра, но получалось слабо. В полумраке он смог разглядеть скорченную фигурку Ежова и хмыкнул про себя: «Ежов-то съежился…»

Широким жестом он распахнул свой полушубок и жестом пригласил девушек спрятать лица у него на груди. Сам Кирилл не слишком страдал от холода: занятия аутотренингом, входившие в обязательную программу обучения «федералов», уверенно помогали абстрагироваться от не слишком комфортной окружающей среды. Не то что Ежов, Майрановский[92] или тот же Чкалов.

Вспомнив о Валерии Павловиче, Кирилл зябко повел плечами: в отличие от остальных членов группы, Чкалов летел не внутри фюзеляжа, а в открытой кабине, взяв на себя обязанности командира авиагруппы. Впрочем, наверное, ему там было привычнее: уж он-то налетался в таких условиях, по сравнению с которыми даже ледяная тьма продуваемого фюзеляжа бомбардировщика могла показаться верхом комфорта.

Новиков осторожно, чтобы не тревожить девушек, повернул голову. Та-а-ак. Судя по всему, хуже всех в их компании приходится Григорию Моисеевичу. Высокий и нескладный, с уныло висящим семитским носом, он сильно дрожал от холода. Должно быть, в его тощем теле не было достаточно тепла, чтобы согреться под полушубком.

Очень аккуратно, двигаясь буквально по миллиметру, Кирилл дотянулся до кармана и вытащил флягу-спиртоноску – побочную продукцию своего Бюро. Узкая, удобная, ложащаяся в карман по бедру фляжка была необычной новинкой здесь – в настоящем прошедшего времени. Не меняя положения тела, Новиков поднял руку и протянул Майрановскому флягу:

– Коньяк. Выпейте, Григорий Моисеевич, согрейтесь.

Майрановский благодарно взглянул на Кирилла, дрожащей рукой отвернул крышку и сделал долгий глоток. По его лицу растеклось блаженное выражение, щеки заметно даже в темноте глухого фюзеляжа зарумянились. Прижав руку к груди, Майрановский поклонился. И тут же откуда-то высунулась еще одна рука и перехватила фляжку. Ежов, который был мельче Григория Моисеевича чуть не вдвое, сделал два глотка, со свистом втянул в себя воздух и сообщил, ни к кому не обращаясь конкретно:

– В следующий раз надо приказать с собой термос с кофе взять.

– Стоит, – кивнул Новиков, подумав про себя, что должен был позаботиться об этом сам.

Первая посадка была в Сталинграде. Чкалов завел громадный самолет на посадочное поле, громадные колеса коснулись заснеженной полосы, и ТБ-3, слегка переваливаясь с боку на бок, точно откормленный гусь, побежал к бревенчатому зданию штаба. Валерий Павлович круто развернул четырехмоторного великана, словно это легкий «ястребок», и заглянул внутрь фюзеляжа:

– Эгей, товарищи! Живы?

– Все нормально, Валерий, – откликнулся Новиков. – Выходить можно?

Чкалов открыл им дверь, сбросил вниз легкую алюминиевую лесенку, поразившись про себя тому, что его новый товарищ Кирилл спокойно вышел в расстегнутом полушубке. «Наверное, в будущем люди стали сильнее и не обращают внимания на жару или холод», – подумал он и несколько секунд, пока выбирались остальные, мечтал о том счастливом времени, которое наступит в будущем, при коммунизме.

---

[92] *Майрановский Григорий Моисеевич* (1899–1964) – руководитель токсикологической лаборатории НКВД-МГБ (1937–1951), полковник медицинской службы, доктор наук, профессор. С помощью его разработок были уничтожены несколько ярых противников СССР, в т. ч. несколько руководителей украинского националистического бандподполья. Автор/соавтор более сотни научных работ, посвященных свойствам, производству и применению ядов. Был оболган перед И. В. Сталиным и арестован. После переворота хрущевской хунты Майрановскому было отказано в реабилитации, а после отбытия срока заключения запрещено селиться в крупных городах.

Николай Иванович Ежов все еще мерз, даже в жарко натопленном здании штаба авиационной части, на чьем аэродроме они приземлились. Он даже подумал было, что это – акт вредительства! Заморозить членов следственной комиссии, чтобы они не могли нормально работать и выявить всех врагов! Но посмотрев на Новикова, Чкалова и сотрудников госбезопасности, с сожалением был вынужден констатировать, что так сильно замерз только он один. «Наверное, надо было больше заниматься физкультурой, – уныло подумал Ежов. – Хотя когда заниматься спортом, если столько работы?!» И еще раз с завистью взглянул на Новикова, который, войдя в помещение, сразу же скинул полушубок, шлем и унты, и теперь разминался с несколькими энкавэдэшниками, затеяв с ними шутливую возню. Впрочем, если судить по лицу одного из вылетевших из общей кучи сержантов ГБ, возня была не вполне шутливой. С сожалением оторвавшись от зрелища схватки сильных и ловких мужчин, Николай Иванович велел запасти на следующий перелет не меньше трех литровых термосов кофе с коньяком на каждый самолет.

– И для товарища Новикова найдите бутылку лучшего коньяка, – добавил он неожиданно сварливым голосом.

Ему было чуточку обидно. Вон как к этому майору госбезопасности, между прочим – наверняка очень близким к самым верхам государства! – льнут эти дуры-сержантки. Хотя он, наверное, просто не читал о Древней Спарте и об Александре Македонском. А ведь судя по лицу – он совсем не глупый, этот товарищ Кирилл Новиков. Надо, чтобы с ним Миша Кольцов[93] познакомился. И поговорил. Может быть, тогда…

Николай Иванович уселся в кресло. Прикрыл глаза и предался приятным мечтам. Он даже не подозревал, как же ему повезло, что в число дисциплин, преподававшихся разведчикам конца XX – начала XXI не входила телепатия.

Следующая часть перелета прошла легче. Сказались и горячий кофе, и уже какая-никакая привычка, но по ощущениям пассажиров, замерзли они значительно меньше, хотя летели почти столько же. Два воздушных гиганта сели на аэродроме Тифлиса уже за полночь, но в здании аэровокзала Ежов тут же устроил скандал по поводу отсутствия заказанных заранее автомобилей.

– Некоторые товарищи на местах, – кричал он визгливо, – должно быть, забыли, что на свете существует такая вещь, как партийная дисциплина! Наверное, нужно напомнить некоторым товарищам, что партия – это не только прекрасное слово, но и в первую очередь – очень важное дело. Именно этому учит нас товарищ Сталин!

Начальник аэропорта – молодой, но уже тучный грузин – вздрагивал и опасливо оглядывался, словно опасаясь, что «кровавая гэбня» вот-вот ухватит его за филейную часть тела. Николай Иванович в справедливом негодовании обернулся к своим сопровождающим и, найдя взглядом Чкалова, обратился к нему:

– Товарищ комбриг, скажите нам: если в армии командир не выполнит приказ начальника, что ему за это будет?

– Смотря какой был приказ, – рассудительно проговорил Чкалов. – А то ведь и к стенке прислонить могут.

Начальник аэропорта при этих словах сморщился и, казалось, был готов вот-вот разрыдаться. Но в этот самый момент в здание вошел высокий человек в кожаном плаще. За ним следовали несколько командиров в форме НКВД.

---

[93] *Кольцов Михаил Ефимович* (настоящее имя – Моисей Фридлянд) (1898–1940) – советский писатель, журналист и фельетонист. Активный гомосексуалист, партнер Ежова. Будучи в командировке в Испании, активно сотрудничал с троцкистскими организациями. Осужден и расстрелян.

– Здравствуйте, товарищи. Я – Гоглидзе[94], – представился вошедший. – Прошу извинить за задержку. Мы думали, что вы ночью не полетите. Откуда нам было знать, что у вас сам Чкалов пилотирует.

Увидев красавца-грузина, Ежов сменил гнев на милость и гордо проследовал в машину, не забыв, однако, приказать переобмундировать всех прибывших с ним.

– У вас тут, товарищ Гоглидзе, еще совсем осень, а у меня – люди в зимней одежде. Неудобно им будет, да и лишнее внимание привлечет.

– Сделаем, – коротко бросил Гоглидзе и отдал гортанную команду по-грузински. Затем сам распахнул дверь аэропорта: – Прошу…

Новиков и Россохин предложили остановиться в той же гостинице, где умер Лакоба. Ежов, подумав, согласился, и следственную комиссию отвезли на проспект Руставели в гостиницу «Ориент».

Гостиничная обслуга, предупрежденная суровыми товарищами из НКВД, встретила высоких гостей во всеоружии: рядами стояли горничные, дежурные и администраторы, официанты и метрдотели, а из ресторана доносился дразнящий аромат вычурных блюд кавказской кухни. Директор гостиницы товарищ Згуриди лично выскочил навстречу и принялся настойчиво приглашать в самые лучшие номера, в ресторан, в знаменитые бани «Ориента». Но его ждало горькое разочарование: несмотря на усталость от перелета, следствие тут же приступило к работе.

Ежов отправился вместе с Гоглидзе в Управление НКВД, Россохин занялся ознакомлением с документами предварительного следствия, а Кирилл, прихватив с собой стажеров, Чкалова и Майрановского, начал допрос охранника покойного Лакобы – Давлета Кандалия. После первых же ответов Новиков, оставив Канталия под охраной Умида Ходжаева и еще двух сержантов ГБ, вышел вместе со стажерами и Майрановским в коридор:

– Ну, молодые люди, ваше мнение?

– Врет, – уверенно сказал Кузнецов. – Моторика не характерна для жителей Кавказа – значит, напрягается и думает. Раз обдумывает ответы – врет. Кроме того, все руки к лицу тянет, словно прикрывается.

– И глаза бегают, – Мазаник, словно прилежная ученица, одернула форменную юбку и преданно посмотрела в глаза «куратора». – Вы его спрашиваете, а он глазами – зырк-зырк.

– Молодцы, – похвалил подопечных Кирилл. – Все верно. Григорий Моисеевич, – повернулся он к Майрановскому, – вот и ваш выход. Три кубика вашей новой сыворотки.

– Кирилл Андреевич, – Майрановский смущенно потупился. – Это же ваше предложение… Э… я все понял, – он неумело вытянулся по стойке смирно. – Три кубика, внутривенно… Я пойду?

Кирилл усмехнулся про себя страданиям штафирки, но кивнул и сказал:

– Сейчас ребята его подержат, а вы – готовьте шприц.

Тифлис,
гостиница «Ориент»

Давлет Канталия нервничал и отчаянно трусил. Его семи классов образования вполне хватало для того, чтобы понять: этот майор государственной безопасности с неподвижным, словно высеченным из камня, лицом обязательно докопается до всего. И до того, что покойный Лакоба уже давно был костью в горле слишком многих, и до того, что после перевода Берии в

[94] *Гоглидзе Сергей Арсеньевич* (1901–1953) – советский политический деятель, один из руководителей органов государственной безопасности СССР. С 1934 – руководил НКВД ЗСФСР. После военного переворота 1953 года расстрелян хрущевской хунтой.

Москву Лакоба был основным кандидатом на должность руководителя всего Закавказья. И до того, что в семье шефа уже давно шептались, что Нестор «забыл старые обычаи… ни родню не уважает, ни друзей… словно пришлый какой-то стал…» Да и Сария[95] уже давно смотрела на мужа – нет, не в глаза, а в спину – как на пустое место. Это-то хоть понять можно: шеф – человек… то есть был человек болезненный. Прислуга в доме шепталась, что Сария уже давно… то с одним, то с другим.

Распахнулась дверь, и в комнату вернулись те, что вели допрос. Майор уселся за стол напротив, а высокий человек с тонким и умным лицом, на котором выделялись горящие глаза, подошел поближе.

– Закатайте рукав, пожалуйста, – попросил он, держа в руке шприц.

Канталия затравленно оглянулся. Вот и все, сейчас и его… как Лакобу… Он завизжал, вскочил со стула и прыгнул вперед, пытаясь дотянуться до сидевшего напротив майора. Уж если умирать, так хоть продать жизнь подороже.

Новиков легко упал назад вместе со стулом, уходя от атаки очумевшего абхазца. Кувырок… он уже на ногах. Легким, но точным ударом Кирилл заставил охранника Лакобы задохнуться, резко перехватил ему руку, заломил и прижал к столу.

– Ходжаев, – голос Новикова звучал почти спокойно. – Что встал столбом? Помогай.

Ходжаев, уже получивший стараниями своего «домулло» третьего «кубаря» в петлицы[96], зафиксировал вторую руку Канталия, окончательно обездвижив подследственного. Кирилл завалился на спину подследственного, вытягивая его руку на себя, и, словно бы греясь на пляже, спокойно спросил оцепеневшего от такого зрелища Майрановского:

– Григорий Моисеевич, ну? Вену я вам открыл, только гимнастерку надпороть.

Тот стряхнул с себя оцепенение и подбежал к столу. Ловко вспорол рукав гимнастерки Канталия скальпелем и сделал ему укол, точно попав в едва видневшуюся вену. После этого бывшего охранника подняли и, заковав предварительно в наручники, снова усадили на стул.

– Григорий Моисеевич, вы время засекли?

– Да-да, Кирилл Андреевич, все сделано.

– Ну, тогда дайте отмашку, как будет пора. А пока, – Кирилл нашел глазами Надежду, – Наденька, распорядись, чтобы нам сюда чаю принесли. А вот для этого орла кавказского – кофе покрепче, чтоб не сомлел раньше срока.

К утру допрос закончился. Поплывший от пентотала натрия Канталия взахлеб рассказывал все, что знал, слышал, думал и о чем только догадывался. Собрав все записанные показания, Новиков вместе с Чкаловым отправились к Ежову на доклад. Николай Иванович встретил их осунувшийся, с набрякшими от недосыпа веками:

– Ну, что скажете, следователи? – приветствовал он их. – Утро доброе?

– Да как сказать, товарищ председатель комиссии, – Чкалов задумчиво пожевал губами. – Как-то очень уж странно выходит.

Николай Иванович удивленно взглянул на Валерия Павловича, потом перевел взгляд на Новикова.

– Да ничего странного, – глухо сказал Кирилл. – Товарищ Чкалов все никак поверить не может, что жена, родственники и близкие друзья могут убить. Подло, предательски. Как в спину выстрелить… – Он протянул Ежову пачку исписанных бумаг: – Вот.

Ежов углубился в чтение, но в этот момент вошел Россохин в сопровождении двух привезенных из Москвы патологоанатомов. Он сел на стул и произнес только одно слово:

– Отравление.

---

[95] *Лакоба Сария Ахмедовна* (Джих-оглы) (1904–1939) – жена Нестора Лакобы, «первая леди» Абхазии. Отличалась феодальными замашками, чванством и барством. Была близка к членам троцкистской оппозиции в Закавказье. Умерла в тюрьме.

[96] То есть звание младший лейтенант государственной безопасности.

Николай Иванович подпрыгнул на стуле, словно сел на шило, и, перегнувшись через стол, возопил визгливым, бабьим фальцетом:

– Это точно?

Россохин только кивнул головой. Врачи Беркович и Табачников принялись торопливо объяснять свое заключение, но Новиков прервал их:

– Товарищи, пробы крови и тканей взяли? Срочно на обработку Майрановскому.

Доктор Беркович, подхватив саквояж с пробами, быстро вышел, а Табачников еще задержался, что-то возбужденно рассказывая. Смертельно уставший, не спавший вторую ночь подряд Кирилл машинально прислушался к сбивчивым речам Табачникова.

– …я просто абсолютно уверен, что это – отравление! Если даже считать, что тот безграмотный неуч, который делал вскрытие, занес в тело какую-нибудь биокультуру, все равно нельзя объяснить *такую* скорость разложения.

Новиков напрягся. Где-то он уже слышал про подобные симптомы.

– С этого места поподробнее, пожалуйста, – попросил он. – Разложение чистое или сопровождается каким-нибудь необычным запахом?

Патологоанатом задумался, а потом неожиданно выдал:

– А знаете, товарищ майор государственной безопасности, ведь вы правы. Мне-то, дураку, сперва казалось, что пахнет просто разлагающимся белком, а вот теперь я отчетливо припоминаю, что пахло… – Он озадаченно почесал средним пальцем нос. – Пахло эдак… знаете ли… вот слегка на запах фосгена похоже… эдак вот… скошенным сеном как-то. Но картина отравления совершенно не соответствует фосгену.

Новиков встал и прошелся по комнате.

– Очень интересно, товарищ Табачников, очень интересно. «Зоман»? Или «Табун»? – бормотал он, вышагивая из угла в угол. – Их уже изобрели? Возможно-возможно… Хотя… Может, какой-то Кулибин отыскался?..

Остальные присутствующие следили за ним, точно завороженные. Вот Новиков остановился и коротко приказал:

– Товарищу Майрановскому передайте: пусть обязательно сделает анализ на фосфорорганику. И в частности – на амиды цианфосфорной и метилфторфософоновой кислот. Только пусть будет очень осторожен!

Председатель Совнаркома Грузинской ССР Герман Мгалобишвили проснулся в прекрасном настроении. Осторожно, чтобы не разбудить жену, он выскользнул из спальни, с аппетитом выпил стакан мацони, поданный прислугой, и принялся делать утреннюю гимнастику. Семикилограммовые гантели легко летали вверх и вниз в его сильных руках, а в душе просто-таки пели птицы. Ну и что, что за окном – декабрь? Птицы в душе плюют на времена года!

Этот проклятый сталинский «глухарь» наконец получил свое. И опасными остались только двое: проклятый гетеран[97] Гоглидзе, который готов вылизывать задницы московскому зверю и его прихлебателю Берии; да еще этот набозаро[98] Багиров[99] в Баку. Впрочем, опасаться нужно только Гоглидзе. Багиров сидит в Баку, а теперь, после совместной подачи обращений от пятого декабря, Азербайджан – другая республика! А Грузия еще очень даже просто станет суверенной – всего-то и надо проголосовать за выход из состава СССР, и все! Буду[100] сказал,

---

[97] Пассивный гомосексуалист (*груз. бран.*).

[98] Ублюдок (*груз.*).

[99] *Багиров Мир-Джафар Аббасович* (1895–1956) – советский государственный и партийный деятель. Руководитель Азербайджанской ССР в 1937–1953 гг. Поддавшись на лживые обещания хрущевской хунты, предал и оговорил своих товарищей, но предательство ему не помогло: в 1956. Багиров был осужден и расстрелян.

[100] *Мдивани Буду (Поликарп) Гургенович* (1877–1937) – советский партийный и государственный деятель, один из лидеров

что все готово, и старик Махарадзе обещает помощь всех старых революционеров… очень жаль, конечно, что так не вовремя скончался «стальной лев Революции», но и без него управимся, без него. За легким завтраком – копченая фазанятина, пара ломтиков севанской форели с только что сорванной зеленью, фрукты и большая чашка шоколада с горячими булочками – Мгалобишвили читал свежие газеты. Странно, но до сих пор в них не было ни слова о новом составе Союза. Он уже решил, что нужно позвонить в Москву и узнать у доверенных людей – найдутся и там сторонники! – что это Коба медлит, как телефон зазвонил сам. Дожевывая последний кусок, Мгалобишвили взял трубку:

– Слушаю.

– Герман? – зазвучал в динамике голос Мдивиани. – У нас возникла проблема. Сегодня ночью прилетели следователи из Москвы.

– И что? – По спине пополз неприятный холодок. – Что они собираются делать?

– Они уже делают, Герман, – в трубке отчетливо хмыкнули. – Вывезли тело из городского холодильника в Управление НКВД, задержали охранника Лакобы и сейчас направляются в дом Сухишвили[101]. Мне кажется, что они слишком активны, а?

– Я тоже так думаю, Буду, – ответил Мгалобишвили. – Надо их отвлечь, как думаешь? Кавказское гостеприимство славится по всему Союзу. Вот и займись. Пригласи, угости. Позови артистов, артисток. Пусть поедят хорошей еды, попьют хорошего вина и поймут, что «глухаря» отравили шпионы. Английские, например.

– Сделаю, – в трубке раздался короткий смешок. – Так примем – буквы «му» сказать не смогут.

Майрановский вошел в кабинет с несколькими листами бумаги в руках и удивленной миной на лице. Он положил листы на край стола, за которым сидели Ежов, Новиков, Россохин и Чкалов, и, кашлянув, спросил:

– Кирилл Андреевич, как вы узнали?

– Что определилось? – вопросом на вопрос ответил Кирилл. – Цианфосфорная или метилфторфософоновая?

– Циан и ион фосфора семь плюс… Но как?..

Ежов вдруг сообразил: Троцкий-то умер не случайно. И не случайно у этого красавчика Кирилла на груди новенький орден. Кстати, он ведь сам проводил по комиссии партконтроля заявление парторга из этого… как его?.. Осинфбюро об утрате Новиковым партбилета.

– Товарищ Майрановский, – произнес он веско, – товарищ Новиков не имеет права раскрывать вам всю информацию, которой обладает. Достаточно того, что, работая за рубежами нашей Советской Родины, он добыл важные сведения о ядах.

Этими словами он заслужил одобрительный взгляд Чкалова и благодарные, хотя и недоуменные взгляды Новикова и Россохина. Затем Кирилл сказал:

– Так, товарищи, я могу с уверенностью сказать, чем был отравлен товарищ Лакоба. Это совсем новое вещество, недавно разработанное в Германии. Называется «Табун»… – Он подумал совсем немного и добавил: – Могу предположить, что вещество добавили в коньяк, водку или чачу – в воде он растворяется плохо. Или незаметно нанесли на кожу жертвы. Двух-трех миллиграммов вполне достаточно…

– Тогда скорее всего – на кожу, – заметил Глеб. – Лакоба был слабогрудый и пил мало. Причем в основном – вино.

Все замолчали. Наконец Ежов, откашлявшись, спросил:

Грузинской оппозиции.

[101] *Сухишвили Илья Ильич* (1907–1985) – грузинский хореограф и танцовщик. К нему домой 27 декабря 1937 был приглашен Нестор Лакоба и, вероятно, там же и был отравлен.

– Как вы полагаете, товарищи, каким путем этот «Табун» мог попасть в Союз ССР? По линии наркомата внешней торговли мог?

Новиков отрицательно качнул головой:

– Нет, товарищ председатель. Еще раз подчеркиваю: препарат этот разработан совсем недавно, и к тому же им заинтересовалось командование вермахта. Ручаюсь, что «Табун» мог попасть на нашу территорию только как средство для проведения терактов и диверсий. Через западные спецслужбы, скорее всего – германские.

– Спецслужбы – это шпионы? – уточнил Ежов. – Я тоже придерживаюсь этого мнения. И возможно, через недобитых троцкистских агентов.

Он поднялся из-за стола и обвел всех тяжелым взглядом:

– Об этом нужно срочно сообщить в ЦК и лично товарищу Сталину. Товарищи, прошу вас продолжать работу в определившемся направлении.

Уже на выходе из здания Управления НКВД Грузии Новикова догнал младший лейтенант государственной безопасности. Он еще только начал представляться, как по его нервным движениям, чуть близоруким глазам и бледному, подолгу невидящему солнечного света лицу Кирилл определил – шифровальщик. И не ошибся – младший лейтенант протянул ему узкий голубоватый конверт с грифом «Сов. секретно. Лично в руки».

Сломав сургучную печать, Новиков пробежал глазами текст:

«Багаж, в т. ч. приборы «Л/М», отправлен. Сопровождает тов. Мильштейн[102] с группой. Рекомендуется подключить тов. М-на и его группу к работе следств. комис.

Есть мнение, что тов. Г. можно доверять как мне.

Л. Б.»

Кто такой «тов. Г.» гадать было не надо: Гоглидзе. А вот кто такой Мильштейн, Новиков не помнил, хоть расстреляйте. Впрочем, вспоминать особенно и не хотелось: явится – привлечем.

С утра работа не задалась. Сперва долго искали местного врача, производившего вскрытие, который уже успел пустить слух об отравлении Лакобы цианистым калием. Кирилл долго пытался понять: какой дурак поверит в эту чушь, но потом вспомнил, что в середине тридцатых годов двадцатого столетия в России мало кто вообще слышал это словосочетание «цианистый калий», а уж о том, что это яд почти мгновенного действия, и вовсе никто не знал. Так что удивляться особенно не приходилось. В конце концов доктора отыскал Николай Кузнецов, который, вспомнив, что врач этот – народный комиссар здравоохранения Абхазии, и хорошо представляя себе нравы тогдашних власти предержащих, решил на свой страх и риск проверить актрис тбилисских театров подходящего возраста. Из постели пятой симпатичной актрисулечки и был извлечен Иван Григорьевич Семерджиев, личный врач Лакобы и уже бывший нарком здравоохранения Абхазии. Извлечен, упакован и доставлен в Управление НКВД… в дверях которого его и ударил штыком «сошедший с ума» часовой. Сошел он с ума или нет, пока выяснить было невозможно: Кузнецов, вынужденный отбиваться от штыковых ударов, не успел остановить своих сопровождающих, и те открыли огонь на поражение. Так что сейчас убийца находился между жизнью и смертью в центральном военном госпитале под усиленной охраной. А мастером штыкового боя он был знатным: одним точным ударом снизу вверх пробил Семерджиеву мозг.

---

[102] *Мильштейн Соломон Рафаилович* (1899–1953) – советский государственный деятель, генерал-лейтенант. Возглавлял Третье управление НКВД, был заместителем министра внутренних дел Украины. Один из руководителей операций по уничтожению организации фашистского охвостья – ОУН (бандеровцев). При попытке ареста хрущевской хунтой оказал вооруженное сопротивление и погиб с оружием в руках.

Илья Сухишвили тоже не сумел дать внятных показаний: «добрые люди» напоили танцора до состояния полной невменяемости, и все попытки привести «мыслителя нижних конечностей» в себя успеха не давали. Доктор Беркович, осмотрев привезенного хореографа, вынес вердикт: «Сильное отравление опийной настойкой».

Ничего не дал и опрос персонала гостиницы «Ориент»: все были напуганы произошедшим, путались в показаниях, а то и вовсе принимались нести такую ересь, что Новиков в конце концов махнул рукой, решив оставить разбор сбивчивых и противоречивых сведений, полученных от гостиничных сотрудников, на потом. Правда, смущало одно: куда-то делись горничная номера Лакобы и дежурная по его этажу, работавшие в ту ночь. Дома молодые женщины не ночевали, в посторонних связях замечены не были, так что скорее всего, их уже не было в живых.

– Вот что, товарищ Гоглидзе, – произнес Кирилл, входя в кабинет начальника НКВД Грузии. – Получил я сегодня шифровку, в которой мне разрешили тебе доверять. А потому скажу без околичностей: Лакобу убили, и это заговор. Причем не из тех, что вы… да и мы иной раз сами сочиняем. Тут все по-взрослому.

В нескольких словах он обрисовал опешившему Сергею Арсеньевичу ситуацию, не забыв упомянуть про «Табун», про ложимеры, которые должны вскоре прибыть, и про доверие руководства, которыми он пользуется. Выслушав все, Гоглидзе помолчал, затем протянул руку:

– Серго меня зовут. Близкие зовут. Ты тоже зови, – И, после обмена рукопожатиями, продолжил горячо: – Скажи, что нужно? Люди? Самых верных, самых лучших дам! Оружие? Скажи только, какое нужно? Хоть танк, хоть самолет! Для Лаврентия я кому угодно горло зубами грызть стану!

– Ну, без этого мы пока обойдемся, – отшутился Кирилл, с некоторым внутренним опасением глядя в угольно-черные, полыхающие огнем глаза фанатика, в которых нет-нет да и проскальзывали искорки безумия. – Три автомобиля надо. Больших, легковых. Бойцов не нужно, а вот толковых следаков, обязательно – со знанием местных наречий, трех-четырех дай. Только таких, в которых ты, Серго, как в себе уверен.

– Сделаю! Все сделаю! – почти кричал Гоглидзе. – Лучших дам! Как псы верных дам! Все знают, все понимают, – тут он вдруг осекся, задумался, а потом продолжил уже без прежнего ажиотажа: – Слушай, Кирилл, я вот что сделаю. С тобой муж сестры моей пойдет, Автандил Махрадзе, два племянника пойдут, Гия и Котэ. Ты говоришь, что часовой этого чатлаха[103] Семерджиева убил? А ведь я людей чуть ли не сам лично всех проверял… Прости, Кирилл, но боюсь я с тобой чужих отправлять. А этих… – Он махнул рукой. – Сейчас… подожди, увидишь.

Минут через пятнадцать в кабинете стояли трое молодых людей и пожирали глазами Гоглидзе и Новикова. Сергей Арсеньевич подошел к ним, а затем вдруг как-то по-змеиному прошипел:

– Дедас дайпице[104], что вот его будете слушать, словно отца. И если с ним что-то случится, а вы останетесь живы – нет вам места возле моего очага! Дедас дайпице!

Все трое словно по команде опустились на колени и гортанно произнесли что-то на грузинском. Новиков вопросительно взглянул на Гоглидзе. Тот ощерился:

– Они поклялись. Их матери умрут, если они не выполнят своей клятвы. Ты можешь им доверять.

В сопровождении своей группы и новых сотрудников-переводчиков Кирилл направился по адресам, взятым у домочадцев Сухишвили – собирать всех, кто был на том злосчастном ужине. И тут же, у входа в Управление, столкнулся с какой-то непонятной, но явно угрожающе

---

[103] Негодяй (*груз. бран.*).

[104] Клянитесь матерью (*груз.*).

настроенной толпой. Возглавляла ее одетая в длинное черное платье и распахнутую соболиную шубку женщина лет тридцати пяти, высокая и статная горянка. Однако лицо ее носило явные следы бурной жизни и выглядело так, словно кто-то взял хорошую фотографию и, слегка смяв ее, снова попытался разгладить. «Пьет, – с ходу определил Кирилл. – А судя по ноздрям, по краям которых явственно проглядывали тонкие ниточки сосудиков, – с кокаином дамочка знакома не понаслышке. Да и вот эти морщинки около глаз… Такие морщинки обычно свидетельствуют о бурной и беспорядочной половой жизни. Короче, погуляла, леди, погуляла. Если это, конечно, не актриса кино. Там косметика похожие следы оставляет…»

От этих размышлений Новикова оторвал высокий, гортанный голос женщины, которая начала с места в карьер выкрикивать какие-то слова, и, если судить по интонации, слова эти явно не были вежливым приветствием. Да не были вежливыми вообще.

– Что ей надо? – спросил Кирилл у стоявшего рядом Гии. – Чего она надрывается?

– Она кричит, чтобы ей отдали тело мужа, – ответил тот вздрагивающим от сдерживаемого гнева голосом. – Бранится очень. Сильно бранится.

«Так это – жена Лакобы? Вот это удача! Сама приехала…»

Новиков поднял руку:

– Гражданка Лакоба, в настоящий момент следствие по делу об убийстве вашего мужа продолжается, и тело вам передано быть не может. Но вы приехали очень вовремя: нам нужно задать вам несколько вопросов.

Услышав это, Сари Лакоба выкрикнула какую-то длинную фразу, в которой Кирилл сумел разобрать только слово «Берия», потом вдруг завизжала и прыгнула к Новикову, целя растопыренными пальцами ему в лицо. Тот привычно, словно на тренировке, ушёл от атаки и легко ткнул развоевавшуюся фурию тремя пальцами в межключичную впадину. Женщина издала хрюкающий звук, ее глаза закатились, и она мешком осела на землю.

Толпа взревела. Новиков заметил, как несколько человек потянулись к оружию, и не раздумывая скомандовал:

– К бою!

Его команда, которую он дрессировал и натаскивал уже четыре месяца, не подвела. Мгновенно, отработанными движениями, они рассредоточились, окружая толпу, сухо треснули автоматы. Человек двадцать упали наземь, а остальные замерли, оторопев от ужаса.

– Оружие – на землю! – рявкнул Ходжаев. – Турмокх, итлар! Коллар юкхарига![105]

От волнения он перешел на родной язык, но его поняли. Да и трудно не понять человека, который наставил на тебя ствол и готов пустить его в ход.

Из здания уже выскакивали энкавэдэшники с оружием наизготовку. Новиков бросил им:

– Попытка нападения на сотрудников НКВД при исполнении служебных обязанностей.

Этого было достаточно. Задержанных хватали, сноровисто обыскивали и, не особенно церемонясь, тащили внутрь. К Кириллу подошел побледневший Гоглидзе:

– Что, началось уже? – спросил он отрывисто. – Скоро они, не ожидал.

В это время его племянники подняли Сари Лакобу, которая все еще не могла нормально дышать. Она перхала, порываясь схватиться за горло, но парни крепко держали ее за руки. Котэ начал что-то быстро объяснять дяде по-грузински, но тот оборвал его:

– Говори так, чтобы тебя все понимали!

Паренек было смутился, но тут же заговорил по-русски, лишь изредка вставляя грузинские ругательства.

– Эта бозия[106] кричала, что товарища Лакобу отравили по приказу товарища Берии. Говорила, что товарищ Берия – мама дзагхли![107]

---

[105] Стоять, собаки! Руки вверх! (*Узб.*)

[106] Проститутка (*груз.*).

Глаза Сергея Арсеньевича при этих словах налились кровью. Широко раздув ноздри, он слушал своего племянника и вдруг с силой ударил Сарию по лицу. Что-то выкрикнул по-грузински и снова ударил женщину, да так, что у неё мотнулась голова. Новиков испугался, как бы Гоглидзе не убил одуревшую от потери вдову, и, заметив, что начальник грузинской НКВД примеряется ударить в третий раз, удержал его руку:

– Стой, Серго! Ну, сдурела баба, что мужика сактировали, так чего ж теперь – убить ее, что ли? Она же в состоянии аффекта: сама не понимает, чего несет.

Гоглидзе глянул на Кирилла такими глазами, что тот на мгновение замер, быстро прикидывая про себя: как гасить и выключать этого неистового горца в случае чего? Чтобы не сильно повредить, но чтобы – с гарантией?

– Слюшай, какой аффект-канфект?! – завопил Гоглидзе. От ярости у него прорезался жуткий акцент, и слушать его стало тяжело. – Этот шлюха – канфект? С ним палавына Грузии спит, да! Он Лакоба изменял направо-налево, такой чиловэк пазорыл, да! Ему щуба нада, афтамабыл нада, золёто нада, все давай, давай! Таварыщ Лакоба его любить, ни атказыват ни в чем, а этот, – тут руководитель НКВД Грузии запустил длинную тираду на родном языке, – этот ему изменял, да!

Схватив задержанную за волосы, он грубо рванул ее вперед:

– Пашлы, сука! Гаварить будем.

Новиков попытался прекратить «разговор» с Сарией Лакоба через пятнадцать минут после его начала. Не потому, что он был противником «особых методов» допроса, а просто потому, что бессмысленно приводить допрашиваемую в невменяемое состояние. Завтра-послезавтра привезут ложимеры, и тогда ответы подозреваемой станет значительно легче контролировать. Вот только Гоглидзе, который уже несколько успокоился, привел контраргумент. Тяжело вздохнув, он печально промолвил:

– Хорошо ты говоришь, Кирилл, очень хорошо. Машинки умные придумал… Если бы уверенность у меня была, что сука эта до твоих машинок доживет – клянусь! – пальцем бы не тронул. Только кто мне гарантию даст, что у меня здесь не найдется дружок того шакала, который сейчас в госпитале лежит? Извини, дорогой: надо сейчас все знать.

– Тогда… – Кирилл тоже вздохнул. – Извини, Серго, но твоих ребят кое-чему поучить надо. А ну-ка… Ваня, ремни!

И через тридцать секунд женщина была связана так, что не могла пошевелить даже головой.

За семьдесят лет методы экстренного потрошения ушли далеко вперед. Новиков достал из кармана крошечный пенал, похожий на ученический, только раза в два меньше, и вынул несколько тонких металлических игл.

– Думаешь, эта бозия так заговорит? – Гоглидзе с сомнением посмотрел на такие нестрашные с виду иголки, но, переведя взгляд на Кирилла, вздрогнул.

– Три минуты. Потом можешь спрашивать.

Через минуту Сария, в которой в этот момент не было ничего человеческого, выла от боли, срывая голос, и билась так, что толстые ремни скрипели от натяжения. А ещё через минуту, когда Новиков вытащил иглы и боль утихла, Сария Лакоба начала давать показания. Через два часа Новиков и Гоглидзе, отправив арестованную отдыхать в камеру, ошарашенно уставились друг на друга.

– Если я правильно понял, – начал Новиков медленно, – то в заговоре против Лакобы здесь не участвовали только ты, Серго, и еще этот… Багирмир?

– Мир-Джафар Багиров, – машинально поправил его Гоглидзе.

---

[107] Отец собаки (*груз. бран.*).

Он был бледен, и лишь две струйки крови, текшие из прокушенной губы, прочеркивали ярко-алым белое лицо. Гоглидзе попытался закурить, но все ломал и ломал спички. Ломал до тех пор, пока Кирилл не протянул ему недавно сделанную в Осинфбюро зажигалку.

– Кирилл, – сказал он каким-то жалобным голосом. – Как брата прошу: скажи, что эта сука врет.

Новиков помолчал, размышляя, а затем сказал:

– Ежова надо вызывать. Пусть он решает. А к бабе этой я свою охрану приставлю: она нужна живой. Даже больше, чем мы с тобой. И шифровку в Кремль. Прямо сейчас.

Мдивиани ехал домой в хорошем настроении. Он успел встретиться сегодня с Ежовым, этим мальчиком из Москвы, и убедил его обязательно принять участие в торжественной встрече Нового, тысяча девятьсот тридцать седьмого года. Вместе с его товарищами, разумеется.

…Когда Гоглидзе и Новиков вошли в кабинет к Ежову, тот что-то с жаром объяснял Чкалову и двоим лейтенантам государственной безопасности, сидевшим рядом. Увидев Кирилла, Николай Иванович приятно зарумянился и, оборвав свой рассказ, обратился к нему:

– Товарищ Новиков! Ну что же вы нас совсем забросили? Новых друзей нашли, а старых забыли? А вот мы тут с местными товарищами договорились, что Новый год вместе встретим… Представляете? – глаза Ежова влажно заблестели. – Вино, цыплята табака, лезгинка. Умеете танцевать лезгинку, товарищ Новиков? А?

И он вдруг встал на цыпочки и легко пролетел вокруг опешивших Гоглидзе и Новикова, выбрасывая руки в танце.

– Мгалобишвили пригласил? – уточнил Кирилл. – Или Мдивиани?

От его голоса веяло таким арктическим холодом, что поежились даже сидевшие за столом. Лицо Ежова приобрело выражение обиженного ребенка, наказанного ни за что. Он обошел Новикова и постарался посмотреть ему в глаза:

– А почему вы разговариваете с председателем следственной комиссии ЦК таким тоном, товарищ майор государственной безопасности? – спросил он оскорбленно. – Я, знаете ли, следствие по делу об убийстве товарища Кирова вел и в людях разбираться умею. Что не так с товарищами Мгалобишвили и Мдивиани?

Гоглидзе хотел было что-то сказать, но Кирилл опередил его. Взяв у него пачку листов с машинописным текстом, он положил их на стол и указал на них рукой:

– Это – материалы допроса гражданки Лакоба. Она сообщила о своем участии в подготовке убийства своего мужа, товарища Лакоба. А также – об участии в подготовке убийства товарища Лакоба, председателя Совнаркома Советской Абхазии, граждан Мгалобишвили и Мдивиани. С учетом применения новейшего яда есть все основания полагать, что Мгалобишвили и Мдивиани связаны с германскими разведывательными службами.

Надо отдать должное Ежову, тот моментально все понял и подобрался, точно хищник перед прыжком.

– Это точно? – спросил он быстро.

– Точно, – подтвердил Гоглидзе. – Совсем точно…

– Нужно сообщить наверх, – добавил Новиков. – Сейчас здесь может стать очень горячо, так что Кремль должен знать.

Ежов моментально отдал соответствующие распоряжения, затем вопросительно посмотрел на Кирилла:

– Что собираетесь делать, товарищ Новиков?

– Взять опергруппу, подписать у вас ордера на арест и обыск и привезти Мгалобишвили и Мдивиани сюда. Ну, и вдумчиво побеседовать…

– Верное решение, одобряю, – кивнул Николай Иванович. – Подготовьте документы, я подпишу. И не теряйте ни минуты.

По вечернему Тифлису автомобили ехали медленно: узкие улицы со сложным рельефом, внезапно выскакивающие то тут, то там на дорогу люди, вьючные животные и огромные арбы – все это не позволяло двигаться быстрее. Но вот дорогу перегородили две застрявшие арбы, и Новиков понял, что это – надолго. Проще было пройти пешком, тем более что до особняка Мгалобишвили оставалось не более пятисот метров. Он вышел из машины и махнул рукой, приказывая следовать за ним. С трудом протиснувшись мимо намертво сцепившихся повозок, он шагнул было вперед, когда почувствовал какой-то тревожный укол. Точно воробей ткнул клювом под сердце. Забавный такой воробушек – из чистого льда.

Новиков остановился, поднятым вверх кулаком остановил группу и внимательно огляделся. Он привык доверять своим предчувствиям – потому-то до сих пор и остался жив. Вроде ничего опасного, тем более что навстречу шагает целый взвод красноармейцев.

Кирилл бросился под прикрытие уличной чугунной тумбы, крикнув одновременно: «К бою!» за несколько секунд до того, как остановившиеся красноармейцы начали сдергивать с плеч винтовки. Они еще не успели прицелиться, как дружный залп из четырех автоматов свалил чуть не половину из нападавших.

Краем глаза Новиков отметил, что его команда действует грамотно и разумно. Ходжаев и второй младший лейтенант ГБ Павликов быстро закатились под арбы и вели оттуда прицельный огонь, одновременно страхуя Веру, которая тоже оказалась под повозками. Девушка была без автомата, но уверенно вела огонь из «морского» люггера[108]. Надежда затаилась где-то, да так здорово, что Кирилл ее не заметил, но четко слышал три одиночных выстрела, после которых рухнули командир взвода и двое бойцов, пытавшихся командовать.

Валерий Павлович, стоя как памятник, длинными очередями поливал из автомата, точно из шланга, мечущихся по узкой улице в поисках укрытия противников. Грузинов Гоглидзе видно не было. Должно быть, им объяснили, что соваться без спецподготовки в скоротечный огневой контакт в условиях старого города – просто усложненный способ самоубийства: не убьют чужие, так за милую душу положат свои.

Тут откуда-то сверху врезала еще пара автоматов. Осторожно подняв голову, Кирилл увидел, что из окон второго и третьего этажа ведется прицельный огонь. На втором этаже, вероятно, был Рассохин с Бажуковым, потому что до третьего этажа за пятнадцать секунд могли добежать только они – Павел, бегавший стометровку за одиннадцать секунд, и длинноногий лейтенант ГБ Бажуков, попавший в коллектив Осинфбюро за приверженность к мотоспорту и альпинизму. Впрочем, как помнил Новиков, стрелком он тоже был не из последних.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Впрочем, боем эту бойню было назвать трудно: лишь некоторые красноармейцы успели сделать по два выстрела. Несколько человек катались по булыжной мостовой, вопя от боли в простреляннных коленях, а остальные смирно лежали, как и полагается стремительно остывающим трупам…

К Новикову подбежал красный от недавних переживаний Чкалов. Он странно морщился, но при этом весело хохотал. Хлопнув Кирилла по плечу, он ткнул пальцем себе в грудь, прикрытую бронежилетом.

– Во! Представляешь, ощущение – точно бугай боднул, а крови нет! Пуля не прошла!

Новиков разглядел на ткани аккуратное отверстие, затем – странно встопорщенную изогнутой пластиной ткань. Прикинул импульс и принялся тщательно осматривать Валерия Павловича с головы до ног. Найдя то, что искал, он хмыкнул и покачал головой:

[108] Модель Борхард-Люггер «9-мм Зельбстладепистоле 1904» с длиной ствола 147 мм.

– Везучий же ты, Валерий. Просто неприлично везучий… – И, предваряя расспросы, воткнул палец в еще одно отверстие в районе плеча. – Во-первых, пуля попала под углом, а потом срикошетила и ушла вверх. И если судить по траектории, то прошла в паре миллиметров от твоей волжской бестолковки. Прямой винтовочный выстрел прошил бы тебя насквозь вместе с бронёй.

Чкалов вывернул голову, удивленно осмотрел выходное отверстие и, по-волжски окая, проговорил:

– А я-то думал – показалось… Свистнуло, понимаешь, возле самого уха.

Тут к ним подбежали остальные. Надежда крепко поцеловала Новикова, а когда оторвалась и принялась что-то пояснять, повернувшись к побоищу, Вера тоже быстро мазнула его губами по губам. Глеб быстро доложил, что в результате огневого контакта с группой противника захвачены пятеро пленных, пригодных для экстренного потрошения. Кирилл, выделив Рассохину пятерых и приказав взять пленных в автомобили, с остальной частью группы поспешил к дому Мгалобишвили.

Охрана предсовнаркома Грузии попыталась оказать сопротивление. Когда Ходжаев предъявил ордер на арест и обыск, охранники выхватили оружие и выстрелили в младшего лейтенанта ГБ. Правда, Умид успел отработанным приемом захватить одного из охранников и прикрылся им, точно щитом, прочно удерживая бедолагу за руку, взятую на излом. Так что все пять пуль, выпущенные охраной в Ходжаева, достались их же коллеге.

Охранников возле ворот положили слаженным залпом, следующим вывели из строя охранявших входные двери, но на втором этаже завязался настоящий бой. Охранники Мгалобишвили оказались вооружены маузерами, что в условиях ближнего боя почти свело на нет преимущество автоматов. Новиков, лежавший по одну сторону коридора, подмигнул Бажукову, засевшему в дверной нише, дотронулся до ремня, а затем сделал жест, словно бы прикрывал глаза ладонью. Лейтенант понятливо кивнул и снял с пояса опытный образец гранаты под названием «Зарница».

– Бойся!

Вспышка и резкий звуковой удар от брошенной свето-шумовой гранаты вывели из строя всех, кто находился рядом. Короткий бросок – и сопротивление окончательно подавлено. Из кабинета Кирилл выволок за шкирку трясущегося Мгалобишвили и швырнул его в теплые дружеские объятия Ходжаева и Котэ Гоглидзе. Гия Гоглидзе сидел в коридоре и тихо ругался по-грузински, а Вера быстро бинтовала ему простреленную навылет руку.

«Захват прошел успешно, – отметил про себя Новиков. – Теперь бы еще доставить задержанного в целости и сохранности…»

Но обратная дорога прошла без происшествий. Кирилл даже удивился такому миролюбию заговорщиков и удивлялся вплоть до самого здания Управления НКВД. Ну, почти до самого здания.

На улице перед Управлением НКВД республики волновалось человеческое море. «Стихийная» демонстрация, с красными флагами, какими-то непонятными рукописными плакатами и, естественно, с галдежом, выкриками, лозунгами и абсолютной неуправляемостью. Но пока еще никто не рвется в здание, пока еще перед тяжелыми дубовыми дверями спокойно стоят часовые. «Хотя про спокойно я, пожалуй, погорячился, – подумал Новиков, наблюдая, как часовые яростно переругиваются с толпой. – Похоже, с доставкой задержанного могут возникнуть проблемы…»

До сих пор демонстранты не обратили внимания на автомобили, стоявшие чуть в стороне, возле здания школы, но кто мог дать гарантию, что они и дальше не станут их замечать? А вот тогда… Толпа – не воинская часть, и никто не сможет сказать с уверенностью, смогут ли ее остановить десяток автоматов, или нет. Согласно выкладкам психологов, толпа гаранти-

рованно разбегается при поражении пятнадцати – семнадцати процентов от ее численности, но Новикову не хотелось проверять эти выкладки на практике.

– Действуем так, – сообщил он Чкалову. – Валерий, ты с грузинами в качестве переводчиков отвлекаешь их внимание. – Кирилл указал на демонстрантов. – Плети им что хочешь, рассказывай о полете в Америку, на Дальний Восток, про испытания новых истребителей, обещай пролететь под мостом через Куру, короче – делай, что хочешь, но отвлеки их внимание. Девчонки вместе с Глебом аккуратно ведут задержанного в здание. Вера, – обратился он к Кузьминой, – свое пальто отдашь этому уроду, благо он – мелкий. Голову ему чем-ничем замотайте: за бабу сойдет. Двигаться быстро, но без суеты. С вами пойдет один из грузинов – переводчиком. Махрадзе, это – ваша задача. В случае чего – врите, что ведете к врачу старую бабушку или еще что. На ваше усмотрение. Мы вшестером, – он указал на Ходжаева, Бажукова и еще четверых, – страхуем обе группы. Все ясно? Вопросы?

– Товарищ майор, – произнесла Надя дрожащим голосом, – может быть, вам лучше пойти с нами?

– Может быть, хотя вряд ли… Еще вопросы? Нет? Тогда выполнять!..

На двигавшихся в сторону здания Управления республиканского НКВД толпа обратила внимание не сразу. Еще бы! Перед ними на неизвестно откуда взявшейся громадной бочке стоял сам Чкалов и вдохновенно рассказывал о слепом полете, по приборам, когда карту унесло порывом ветра…

– И тогда я говорю радисту: «Запрашивай у Ленинграда пеленг, – ну, то есть радиосигнал, – а то по пачке “Беломорканала” мы никуда не долетим!»

Гия Гоглидзе, тщательно пряча перевязанную руку, перевел, и толпа взорвалась хохотом. Чкалов распахнул на груди шинель, показывая собравшимся свои награды, и продолжил:

– А вот еще случай был: летел небольшой одномоторный самолет, в котором пилот, штурман и девушка радистка. Летели над океаном. Летели себе, летели и вдруг, – Валерий Павлович описал рукой замысловатую траекторию, – вдруг ка-а-ак нае… упали, в общем…

Кирилл уже понадеялся на то, что этот анекдот позволит доставить арестованного Мгалобишвили в Управление беспрепятственно, когда кто-то из толпы заметил группу людей, движущихся явно в НКВД, в центре которой ведут «пожилую женщину». Мгновенный крик привлек внимание, и толпа, позабыв о герое-летчике, грозно качнулась вперед…

Новиков вскинул автомат и дал длинную очередь по ногам. Он стремился не убивать, а зацепить, подранить как можно больше демонстрантов. И это ему удалось в полной мере.

Люди закричали, завыли, часть упала, а часть в едином порыве рванулись к стрелкам. Кирилл успел увидеть, что Мгалобишвили задергался, видимо пытаясь вырваться, но от Веры вырваться было невозможно, а Надя еще и ткнула бывшего предсовнаркома Грузии пистолетом в ребра. Тот дернулся и побежал туда, куда влекли его неумолимые конвоиры. Но больше Новиков не разглядел, потому что ему сразу стало некогда отвлекаться…

Толпа почти прорвалась к автомобилям, из-за которых и открыла огонь отвлекающая группа, когда свои пять копеек в общее веселье добавили Чкалов и Гия Гоглидзе. Валерий Павлович и его толмач одновременно выхватили пистолеты и уложили нескольких передовых демонстрантов. Кирилл отдал команду, и к Чкалову с младшим Гоглидзе бросились двое сержантов ГБ с автоматами. Они довооружили отчаянных бойцов и все вместе попытались организовать косоприцельный огонь, но тут из стоящего рядом здания Совнаркома Грузии неожиданно бухнул винтовочный залп.

Гия Гоглидзе и один из сержантов рухнули на брусчатку. Второй сержант ухватил Чкалова за рукав шинели и, невзирая на сопротивление, поволок его к автомобилям. Бойцы группы Новикова залегли возле машин, но это прикрытие было чересчур слабым для пуль трехлинеек. Дело принимало скверный оборот: стрелки из Совнаркома прижмут энкавэдэш-

ников к земле, а тем временем демонстранты смогут… Да все что угодно они смогут! Например, развоpотить мостовую и забpосать его бойцов булыжниками…

Примерно такие мысли промелькнули в голове Кирилла. В подтверждение их правоты в машину ударил первый камень. «Ну, сейчас начнется…»

И тут со стороны управления НКВД слаженно ударили три пулемета. Чекисты просто выставили в окна максимы и теперь чесали улицу длинными, на пол-ленты минимум, очередями. Демонстранты в ужасе завыли и стали разбегаться. Кирилл скомандовал своим товарищам переждать обстрел, а когда пулеметчики перенесли огонь на Совнарком, скомандовал: «За мной, бегом, марш!» – и ринулся к Управлению.

В дверях его встретил Гоглидзе. Порывисто обнял Новикова и рассказал, как Ежов, плюясь и матерясь, приказал рассеять толпу из пулеметов, и даже сам лично встал к одному максиму вторым номером.

– Мгалобишвили, гад такой, в камере сидит. Ни царапины, а? – Гоглидзе покрутил головой. – Гия почти убили, а этот…

– Дерьмо не тонет, – ответил Новиков и зашагал на доклад к Ежову.

Николай Иванович при виде Новикова расцвел, подбежал к нему, обнял и расцеловал, приговаривая: «Молодец! Ах, какой же молодец!» Кирилла несколько покоробили эти слишком уж пылкие объятия и поцелуи, но он сдержался и начал докладывать о происшедшем в ходе операции.

Ежов махнул рукой:

– Все знаю, дорогой ты мой, все. Девчата твои рассказали. С подробностями и в лицах… – Он помрачнел: – Как я понимаю, начинается повторение двадцать четвертого года.[109] Что делать предлагаете?

– Связь с армейскими частями, лучше – с авиационными, – ответил Новиков. – Затем вызвать в город части войск НКВД, запросить через Москву прямую связь с командованием Закавказского округа.

– Курсантов школы НКВД вызвать, – добавил Гоглидзе. – Это прямо сейчас сделать можно: Дом связи под нашим контролем.

– Прямо сейчас можно организовать атаку и захват здания Совнаркома. Это будет полезно и с тактической, и с политической точки зрения, – продолжал Кирилл. – Хотя это лучше осуществить ночью, во избежание ненужных потерь…

Ежов внимательно выслушал и одобрил все предложения. Он вызвался лично пройти с группой бойцов НКВД в Дом связи, поручил Гоглидзе поднять курсантов, а Новикову – готовить ночную атаку на Совнарком…

Здание Совнаркома Грузии было захвачено относительно легко. Наличие пистолетов с ПБС, автоматов, личных бронежилетов, свето-шумовых гранат и десяти приборов ночного видения у прошедшей курс обучения по теме «Ночной бой в городе» штурмовой группы делало положение многочисленных, но неорганизованных и примитивно вооруженных защитников совершенно безнадежным. Две роты территориалов[110], защищавшие Совнарком, были частью вырезаны, а частью захвачены в плен, что обошлось группе Новикова всего в двух легкораненых. Которым грозный майор государственной безопасности выдал здоровенный начальственный втык, сразу после оказания первой помощи.

---

[109] В 1924 в Грузии произошло антисоветское восстание («Августовское восстание»). Попытка свергнуть социалистический режим и насадить власть феодалов провалилась с треском.

[110] Так назывались территориальные части «переменного» состава, появившиеся в РККА в результате военных реформ 1922–1928 гг. Служба в этих частях проходила в течение шести лет поэтапно, не более чем по три месяца в год.

Через день в Тифлис прибыла группа Мильштейна, которая привезла еще сотню автоматов, патроны, сотню бронежилетов и давно ожидаемые детекторы лжи. К тому времени в Тифлисе вовсю пылал мятеж, в подавлении которого Новиков и его группа играли главную роль. Мгновенные, словно бросок кобры, ночные рейды по темным улицам, уничтожение складов с вооружением и припасами, захват руководителей – все это производило на мятежников гнетущее впечатление. Мильштейн, долго работавший в Грузии вместе с Берия, досконально знал город, а к тому же оказался спортивным, накачанным мужиком – даром, что ли, возглавлял совет по делам физкультуры и спорта в Тифлисе?! Он быстро и легко вписался в группу Новикова, прихватив с собой еще несколько человек из тех, что прибыли вместе с ним.

Бои в городе продолжались четыре дня, пока наконец рассвирепевший Сталин не отдал приказ немедленно подавить мятеж всеми доступными средствами. Нерешительного командующего Закавказским округом Левандовского сменил боевой и отчаянный Тюленев, который сразу же по прибытии загнал в город регулярные части РККА, усиленные броневиками и артиллерией. Как ни уговаривал Новиков, как ни старался доказать, что подготовленная – ну, пусть на половину подготовленная рота спецназа вполне может решить все эти вопросы «без фанатизма», добиться ничего не смог: решение было принято на самом верху и обжалованию не подлежало.

Из-за временного бездействия Кирилл вместе с Гоглидзе занялся проверкой личного состава НКВД. Ложимеры работали исправно, и очень скоро больше половины комсостава НКВД ЗСФСР отправилось кто куда: кто – на ударные стройки в труднодоступных районах Сибири и Дальнего Востока, а кое-кто – особо везучий! – в отставку, без права занимать любые государственные должности…

Время летело, и наконец в столице Закавказской Федерации наступили закон и порядок. Вместо Мгалобишвили новым председателем Совета народных комиссаров ЗСФСР был назначен Серго Орджоникидзе, Гоглидзе вырос до начальника НКВД всей федеративной республики, из Москвы прислали еще несколько человек, занявших ключевые посты. И вот наконец наступил час расставания. Уже давно откланялся и ушел Ежов, унося с собой пухлый портфель с отчетами о работе следственной комиссии ЦК, крепко пожал руку Гоглидзе и вышел из кабинета Чкалов – уехал на аэродром, проследить, как готовятся самолеты, что понесут группу Новикова, в которую теперь официально включен и сам Валерий Павлович, в обратный путь. Гоглидзе и Новиков остались одни.

– Летом, время будет – приезжай! – произнес Серго Арсеньевич. – Охота, рыбалка, море, горы – все для тебя, дорогой!

– Рад бы в рай, да грехи не пускают, – улыбнулся в ответ Кирилл. – Ты вот лучше ребят потолковее отбери, я тебе таких волкодавов подготовлю!

– Подберу, подберу… Слушай, у меня сейчас почти ничего нет, но вот, – Гоглидзе вытащил из стола кувшин. – Лучшее вино на Кавказе. Оджалеши. Попробуй, дорогой. Понравится – пришлю! Самолет пошлю, специальный!

Кирилл взглянул на часы – время до отлета еще было, так что он решил не обижать отказом славного человека, с которым сдружился за последний месяц, и принял протянутый стакан. Майоры ГБ подняли тост за дружбу. Потом – за Сталина. Потом – за Берию…

Чудом избежавший ареста племянник Буду Мдивиани Авесалом сидел на чердаке дома напротив Управления НКВД и смотрел в бинокль. Он прятался здесь уже четыре дня и понимал, что больше не выдержит. Но сдаваться просто так он не желал, наоборот – он страстно хотел убить этого негодного Гоглидзе, этого грязного шакала, который разрушил его такую счастливую, такую теплую жизнь. Авесалом представил себе, как псы Гоглидзе обыскивали

их дом, лапали их служанок… и Мзикалу, которая научила его быть мужчиной… и Даринэ, которую он сделал женщиной.

В глазах замутилось от голода – он не ел уже целый день! – и от лютой, звериной злобы. Они, эти скоты, не достойные даже слизывать пыль с его сапог, сидели на их диванах, жрали их еду, пили их вина! Наверное, забрали драгоценности его матери, даже то сапфировое ожерелье, которое так ей нравилось. Его подарил дядя Буду – он всегда был к ним добр. А теперь дядю Буду казнили, а он сам, последний из рода Мдивиани, сидит на чердаке, словно загнанный волк и боится выйти на свет.

Но ничего! Ничего! Не зря отец приказал охране учить его стрелять. И вот теперь… теперь…

Авесалом разглядел в бинокль, как в окне кабинета появился ненавистный Гоглидзе, аккуратно отложил в сторону бинокль и поднял охотничий маузеровский штуцер с шестикратным прицелом. Чуть слышно звякнуло выдавливаемое стекло.

Майоры уже поднимали последний тост – опять за дружбу, когда открылась дверь и в кабинет тихонько скользнула Надя.

– Извините… Разрешите? Товарищ майор государственной безопасности…

Любимый, самый лучший человек во всем мире – после товарища Сталина, разумеется! – обернулся. И тут ей в глаз щекотно попал солнечный зайчик. Она тряхнула головой, рассыпая волосы…

– Что, Надюшка? Пора?

– Товарищ Чкалов звонил, – снова блеск зайчика заставляет сощуриться, – звонил и говорил, что самолеты будут готовы через двадцать – двадцать пять минут…

Да что же это за зайчик такой противный?! И откуда он взялся: в комнате нет не то что зеркала, а вообще ничего блестящего…

– Ну, Серго… – Кирилл встал, протянул Гоглидзе руку, – не поминай лихом и…

Это не зайчик! Так бликует прицел!!!

Надя закричала изо всех сил и метнулась к любимому. Свалить на пол, убрать с линии огня!..

– Ки-ири-и-и-илл!.. – и тут же звон разбитого стекла и тяжелый удар в спину.

Словно бы кто-то очень сильный двинул раскаленной кочергой…

…Она еще падала, когда услышала гортанные команды, и удивилась, почему ее Кирилл кричит по-грузински? Тут ее подхватили сильные руки, не давая опустится на пол, и такой родной голос вдруг закричал: «Врача! Живо!» Надя улыбнулась: раз командует, значит – жив… Потом в груди загорелась спичка, превратилась в факел, в костер, в мировой пожар…

…Врачи примчались через пять минут. Они отогнали в сторону и Гоглидзе, и Новикова, о чем-то быстро переговорили, сыпля как из мешка латинскими терминами, потребовали по телефону какого-то Лисинкера[111] и, наконец, унесли девушку в карету скорой помощи. А еще через полчаса в кабинет втащили Авесалома Мдивиани. Новиков и Гоглидзе одновременно шагнули к арестованному, и тот содрогнулся, увидев их глаза.

Через три часа Авесалом сидел в одиночной камере и выл. Он даже не знал, что бывает *так* больно. Даже не предполагал. Но выл он не от боли. Перед его глазами все еще стоял тот самый чекист с глазами, похожими на ледяные шапки Казбека и Эльбруса. И он все еще

[111] *Лисинкер И. Г.* (1875–1959) – выдающийся русский врач-хирург, достойный наследник Пирогова. В описываемый период – ведущий хирург в Тифлисе.

слышал размеренно падающие слова: «Я. Тебя. Запомнил. Я. Позабочусь. О тебе. Сдохнешь. В шахтах. На Таймыре. Солнца. Больше не увидишь. Я. Тебя. Запомнил…»

Москва, Кремль

Михаил Иванович Калинин пытался смотреть прямо и твердо, но как всегда в присутствии Вождя, ему было как-то неуютно и почему-то страшновато. Он прекрасно знал, что никаких грехов за ним нет, что верен он Сталину – верен, точно собака хозяину, что сам Коба всегда был с ним добр и приветлив… Но вот всякий раз, когда Вождь приходил к нему вот так – сам, неожиданно, без лишней свиты, – всякий раз в животе появлялся противный холодок, в глазах почему-то все становилось размытым, словно дождь идет, а по спине будто кто-то водил мягкой пушистой лапкой.

– Я вот к тебе с чем, товарищ Калинин, – произнес Сталин, удобно устраиваясь у стола. – Вот с чем: у нас сейчас многие работают по-новому, по-социалистически. И есть мнение: за то, что они работают по-социалистически, ты, председатель Верховного Совета – Всенародный староста – должен их по-социалистически награждать. Верно?

– Конечно-конечно, – торопливо подтвердил Калинин. – Обязательно надо награждать по-социалистически.

– Это очень хорошо, товарищ Калинин, что ты согласен. А как ты собираешься по-социалистически награждать?

– А… вот… орден есть Трудовой… и еще вот Знак почета… – Михаил Иванович пытался угадать, но чувствовал, что пока до правильного ответа еще очень далеко. Ну, чего Коба так любит тянуть? Сказал бы прямо, что сделать надо – и вся недолга!..

– Это хорошо, что у нас, в стране победившего социализма, в стране, где управляют рабочие и крестьяне, как завещал нам товарищ Ленин, есть ордена за труд. Очень хорошо, товарищ Калинин, что у нас есть такие ордена! Но есть мнение, что этого недостаточно. Совершенно недостаточно, товарищ Калинин.

Калинин снял внезапно запотевшие очки и глубоко задумался. Ну чего ему надо-то?..

– А-а… вот еще, товарищ Сталин… мы же звание даем: Герой Труда[112]. Вот…

Сталин поощряюще улыбнулся, одобрительно кивнул:

– И это тоже очень хорошо, товарищ Калинин, что у нас есть возможность присваивать такое высокое звание. Вот только одно нехорошо: это звание можно присвоить, только если человек проработал тридцать пять лет. А ведь всей нашей власти только-только двадцать лет должно исполниться. И что же получается? Получается, если человек тридцать пять лет трудился, то почти половину этого времени он работал на помещиков, на капиталистов, на царя. Как-то странно получается, а, товарищ Калинин?

Теперь Михаил Иванович облился холодным потом. Вот оно! Вот за это звание сейчас-то его Коба… как Зиновьева… или как Каменева… Зачем он так улыбается?!

– Д-да… эт-то… неправильно, это… – Ну, что же ему надо сказать? – Может… нет… наверное… надо… надо вот… изменить… это… Правила присвоения звания «Герой труда» изменить надо, правильно?

И он умоляюще посмотрел на Вождя.

Тот улыбнулся, на сей раз – явно ободряюще:

---

[112] Постановлением СНК и ЦИК СССР от 27 июля 1927 года было учреждено звание «Герой Труда». Звание присваивалось «лицам, имеющим особые заслуги в области производства, научной деятельности, государственной или общественной службы, проработавшим в качестве рабочих или служащих не менее 35 лет».

– Это очень правильное решение, товарищ Калинин. Вот только есть мнение, что если менять статут награды, то стоит изменить и название. Чтобы всем было ясно: мы награждаем за труд для социалистического государства…

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ
от 27 января 1937 года
ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ВЫСШЕЙ СТЕПЕНИ ОТЛИЧИЯ —
ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Установить высшую степень отличия в области хозяйственного и культурного строительства:

– звание Героя Социалистического Труда.

В связи с установлением звания Героя Социалистического Труда присвоение в соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР от 27.07.1927 звания Героя Труда прекращено.

ПОЛОЖЕНИЕ
О ЗВАНИИ ГЕРОЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

1. Звание Героя Социалистического Труда является высшей степенью отличия за заслуги в области хозяйственного и социально-культурного строительства.

2. Звание Героя Социалистического Труда присваивается лицам, которые проявили трудовой героизм, своей особо выдающейся новаторской деятельностью внесли значительный вклад в повышение эффективности общественного производства, содействовали подъему народного хозяйства, науки, культуры, росту могущества и славы СССР.

3. Звание Героя Социалистического Труда присваивается Президиумом Верховного Совета СССР.

4. Герою Социалистического Труда вручаются:

– знак особого отличия – золотая медаль «Серп и Молот»;

– грамота Президиума Верховного Совета СССР.

5. Золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда носится на левой стороне груди над орденами и медалями СССР.

6. Лишение звания Героя Социалистического Труда может быть произведено только Президиумом Верховного Совета СССР.

Председатель ВС СССР М. И. Калинин

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
УКАЗ
от 27 января 1937 года
ОБ УЧРЕЖДЕНИИ МЕДАЛИ «ЗА ОТВАГУ»

1. Учредить медаль «За отвагу».

2. Утвердить Положение о медали «За отвагу», ее рисунок и описание.

ПОЛОЖЕНИЕ
О МЕДАЛИ «ЗА ОТВАГУ»

1. Медалью «За отвагу» награждаются военнослужащие рядового, командного и начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск пограничной охраны за личное мужество и отвагу в боях с врагами Советского Союза на театре

военных действий, при защите неприкосновенности государственных границ или при борьбе с диверсантами, шпионами и прочими врагами Советского государства.

2. Награждение медалью производится Президиумом Верховного Совета СССР.

3. Медаль носится на левой стороне груди.

4. Ношение медали обязательно на парадах, революционных празднествах и торжественных заседаниях.

5. Лишение медали производится Президиумом Верховного Совета СССР.

6. Награжденные медалью должны подавать личный пример храбрости, мужества и отваги в борьбе с врагами Советского государства и служить образцом для других граждан при исполнении государственных обязанностей.

Председатель ВС СССР М. И. Калинин

Ближняя дача, Волынское

Сталин встал с дивана, прошелся по комнате и остановился у окна. Там, за окном, слышались азартные выкрики, шумела веселая возня. Шестеро охранников под командой Артема пытались одолеть Новикова и Василия. Вождь полюбовался на то, как его сын кувыркнулся кому-то из нападавших в ноги, и здоровенный парень отлетел в сторону, словно бы им выстрелили из древней катапульты. Усмехнулся в усы: занятия с «попаданцем» пошли сыну на пользу. И собраннее стал, и в учебе успехи наметились. Что, впрочем, не удивительно – Новиков сразу обозначил: «Будут тройки – про тренировки забываем!» Васька – гордый, унижаться и просить не станет, так что волей-неволей взялся за ум. Раньше учителя лебезили, боялись сказать о Василии плохое, но он-то знал правду. А теперь все совсем по-другому: всерьез хвалят, правда вот если речь заходит о поведении… Как-то они смущаются, что ли. Ну, да это ничего: парень должен уметь за себя постоять.

Вот еще один охранник улетел головой в сугроб. А товарищ Новиков – молодец! Не бьет охрану, только уворачивается… Ай-яй-яй! Поспешил старый, глупый грузин! Как же это он так: сразу троих приложил? Ага, закончили. Встали, собрались возле Новикова. Ну, правильно: показать показал, теперь надо объяснить… Хороший он человек, товарищ Новиков. Правильный. Значит, не пропали в будущем люди, которые воспитаны по-ленински…

Сталин отошел от окна и повернулся к тем, кто сидел в комнате. Обвел всех взглядом: все правильно – собрались самые близкие, самые доверенные. Молотов, Берия, Серго[113], Анастас[114]. Особняком сидят военные: Клим, Буденный и Шапошников. Борис Михайлович здесь пока человек новый, но умница необыкновенный! Нельзя его не впустить в ближний круг, никак нельзя…

– Есть мнение, товарищи, в связи с введением нового звания Героя Социалистического Труда, присвоить это звание товарищу Новикову в знак признательности его многочисленных заслуг перед партией, правительством и всем советским народом.

Сказав это, он снова обвел всех взглядом. Молотов сидел, как и всегда – словно только что проглотил пресловутый аршин. И совершенно неподвижно. И на лице ничего не отражается.

А вот Лаврентий задумался. Нет, он сам рекомендовал своего подчиненного на награждение – даже обижался, что долго орденов не дают. А вот почему-то задумался…

Серго? Серго, Серго… Ничего-то ты не понял, друг самый старый и самый лучший. Зачем возмущаешься? Зачем удивляешься? Да, товарищ Новиков не сам все это изобрел, но

---

[113] *Орджоникидзе Серго* (Григорий Иванович) (1886–1937) – советский партийный и государственный деятель. Нарком тяжелой промышленности. Близкий друг И. Сталина.

[114] Имеется в виду Анастас Иванович Микоян (1895–1978) – советский партийный и государственный деятель, заслуживший в свое время прозвище «сталинский нарком».

сколько он работал, чтобы все это внедрить? Не боялся спорить, правоту доказывать. А тебе, Серго, он Закавказскую Федерацию сохранил, ту самую, о которой мы с тобой еще в далеком девятьсот седьмом мечтали в Баиловской тюрьме[115]. Простить ему своих старых товарищей не можешь? Всех этих Мгалобишвили, Мдивиани, Орахелашвили[116], сучку Шатуновскую?[117] Пожалел смазливую бабенку? Эх, Серго…

Анастас ничего не понимает. И правильно: ему не объяснили. Не нужно Анастасу объяснять: помочь ничем не поможет, а лишнее знание – лишние проблемы…

Среди военных тоже нет единства. Буденный явно против такого награждения, а вот Клим – явно за. И Шапошников, который, как и Анастас – не в курсе. А потому у него своего мнения нет.

Сталин, не торопясь, закурил, посмотрел на собравшихся, сел к столу и задал вопрос:

– Я полагаю, что нужно устранить некоторое непонимание. Непонимание, возникшее в связи с имеющимся предложением о присвоении товарищу Новикову звания «Герой Социалистического Труда».

Он выпустил большой, синеватый клуб дыма и продолжил:

– Исключительные заслуги товарища Новикова в деле организации оборонной промышленности, внедрения новейших видов вооружения и укрепления Советского государства не вызывают сомнений. Есть мнение, что именно товарищ Новиков сейчас оказывает решающее влияние на оборонную промышленность Союза ССР. И поэтому присвоение товарищу Новикову первому в СССР звания Герой Социалистического Труда будет правильным… – Он остро взглянул из-под поседевших бровей. – У кого-то есть возражения?

К его огромному изумлению, первым поднялся Микоян:

– Заслуги товарища Новикова, разумеется, очень значительны, – начал он. Закашлялся, отдышался и продолжил: – Однако многим советским людям будет непонятно: неужели товарищ Новиков – самый достойный среди всех? Неужели нет никого достойнее?

Он гордо оглядел всех, ожидая одобрения, но, встретившись глазами со Сталиным, вдруг опустил взгляд и скомканно закончил:

– Я предлагаю первому присвоить высокое звание Героя Социалистического Труда товарищу Сталину за исключительные заслуги в деле организации Большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза. Вот… – он запутался в собственных руках, пошел красными пятнами на скулах и сел, с трудом не промахнувшись мимо стула.

Сталин нахмурился, но тут неожиданно высказался Берия:

– Мне кажется, что товарищ Микоян высказал общее мнение. Звания Герой Социалистического Труда больше всех в Союзе ССР достойны вы, товарищ Сталин.

Иосиф Виссарионович хмуро взглянул на своего наркома внудел, но тот выдержал этот взгляд. И тут же Берию поддержал Орджоникидзе:

– Правильно, Коба, тебе товарищи говорят. Кто у нас больше всех работает, если не ты? Сколько раз было, что ты звонишь среди ночи, когда все уже спят, а потом еще приглашаешь с утра встретиться? – Серго возбужденно взмахнул руками. – Ленин столько работал. И ты тоже… Новиков, он достоин, раз мнение есть. Но он не достоин стать Героем Социалистического Труда номер один – есть более достойный!

Сталин посмотрел на всех и увидел, что с Орджоникидзе согласны все. Он вздохнул и покачал головой:

---

[115] В 1907 Орджоникидзе и Сталин познакомились в Баиловской тюрьме в Баку.

[116] *Орахелашвили Иван (Мамия) Дмитриевич* (1881–1937) – советский партийный деятель.

[117] *Шатуновская Ольга Григорьевна* (1900–1990) – советский партийный деятель. Долго работала на Кавказе. В 1937 арестована за участие в троцкистских организациях. После хрущевского переворота была реабилитирована и приняла активное участие в реабилитации подобных себе «невинных жертв». Выступала с разоблачениями т. н. сталинских репрессий.

– И за что же вы предполагаете наградить товарища Сталина?

– За исключительные заслуги в деле организации Большевистской партии, создания Советского государства, построения социалистического общества в СССР и укрепления дружбы между народами Советского Союза, – веско произнес Берия.

Февраль тридцать седьмого года в Москве выдался снежным, но солнечным. Голубоватые тени домов ложились на белые сугробы, а окна отбрасывали веселые солнечные зайчики, разбегавшиеся по всей улице блестящими, золотистыми брызгами.

По залитому солнцем, не по-зимнему веселому Лефортово шел не по должности веселый старший майор государственной безопасности Новиков. Несмотря на холод, он шел в расстегнутой шинели, и встречные прохожие с уважением смотрели на его коверкотовую гимнастерку, на которой яркими пятнами сверкали орден Красного Знамени, Красная Звезда и нововведенная медаль «За отвагу». А выше них горела золотом маленькая звездочка с серпом и молотом. Многие останавливались и еще долго смотрели вслед веселому майору госбезопасности, понимая, что это именно о нем они читали во вчерашней газете.

Позавчера звание Героя Социалистического Труда было присвоено впервые. И, как и должно быть, присвоено дорогому и любимому товарищу Сталину. А вчера в газетах писали, что это звание присвоено еще шестерым: товарищу Калинину, товарищу Орджоникидзе, главному хирургу Красной Армии товарищу Бурденко и еще каким-то трем неизвестным товарищам, но только один из них носит звание «старший майор государственной безопасности». Значит, это он и есть…

Девушки и молодые женщины улыбались ему, пионеры отдавали салют, а молодые парни оборачивались и, завистливо вздыхая, смотрели вслед. Но Кирилл как-то мало обращал на это внимания. Он все еще находился под впечатлением того, что происходило вчера в Кремле…

– …Ты, давай, Новиков, сильно руку Калинину не жми, – напутствовал Кирилла Лаврентий Павлович. – Еще поломаешь нам Всенародного старосту ненароком.

Потом был Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца, сияние хрусталя и начищенной бронзы, странные слова: «…за выдающийся вклад в рост обороноспособности Союза ССР, за совокупные работы в оборонной промышленности и Наркомате обороны…» – и сухонький старикашка Калинин, неловко привинчивающий ему к гимнастерке золотую звездочку с серпом и молотом.

А после, сразу, без паузы – награждение медалью «За отвагу». Повторное: первый раз он заработал эту медаль сопливым лейтёхой в Дагестане. Вот только Сталин правильно сказал: «То, что было – этого не было. Оно только будет, товарищ Новиков. Есть мнение, что неправильно давать награды, которых нет, за то, чего не было». И вот теперь у него на груди снова «отважная медаль»: «За проявленные личное мужество и героизм в боях с врагами Социалистического Отечества». Любопытно, что удостоверение к медали – как орденское, с названием… И номер на медали стоит. Жаль, что не первый, но двадцать второй – тоже неплохо…

Но это не важно. Важно то, что Надежду наградили орденом «Красной Звезды». «За мужество и отвагу, проявленные в боях с врагами Социалистического Отечества и за спасение жизни командира». В виде исключения коробочку с орденом выдали на руки ему, и вот теперь он несет награду своей раненой спасительнице. Своей Наде. А ещё важно то, что золото, из которого была отлита звезда, было как раз тем, которое уже пошло с новых рудников. И не только на награды, а ещё на новые станки и оборудование, закупаемое за границей.

На входе в госпиталь Новикову откозыряли двое часовых в суконных шлемах-буденовках. Глядя на них, Кирилл невольно хмыкнул: совсем скоро эти шлемы-буденовки-богатырки-фрунзевки[118] станут анахронизмом. Впрочем, уже стали. Осталось их только из списка

[118] Официально этот форменный головной убор именовался «шлем красноармейский, суконный», но в обиходе встреча-

обмундирования исключить. Надо будет серьезно поговорить об этом с Ворошиловым, а то каску не надеть, демаскирует – мое почтение, да и зимой не больно-то греет. На фиг, на фиг такой головной убор!

Кирилл вошел в двери главного входа, отряхнул с сапог налипший снег, не глядя ткнул шинель приемщику в гардеробе и двинулся на третий этаж, в палаты хирургического отделения. В спину ему прилетел заполошный крик дежурной медсестры:

– Куды?! Куды?!

– Туды, – не оборачиваясь, выдал Новиков, поднимаясь по мраморной лестнице.

Медсестра – фигуристая и рослая женщина средних лет – рванулась за ним, подняв такой шум, что Кириллу невольно вспомнился виденный однажды в далеком прошедшем будущем атакующий носорог.

Догнав Новикова, она попыталась схватить его за плечо, но Кирилл чуть отклонился вбок, и рука пролетела впустую. Он обернулся и в упор взглянул на медсестру. Увидев лед в его глазах, женщина отшатнулась и залепетала:

– Без халату… без халату… нельзя никак… без халату…

– Ясно, – кивнул головой Новиков. – На третьем этаже выдать могут?

Медсестра сглотнула и часто-часто закивала.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил Новиков. – Можете быть свободны, товарищ.

И продолжил свой путь.

На третьем этаже ему действительно выдали халат. Он оказался мал на добрых три-четыре размера, но Кирилл просто накинул его на плечи, да и перестал обращать внимание на этот временный предмет своего туалета. Спросив у дежурного врача, в какой палате находится сержант государственной безопасности Никитина, он зашагал туда, безошибочно выбрав нужное направление в длинных, перепутанных коридорах. Нашел нужную дверь, открыл…

– Ай!

Перед глазами Новикова мелькнуло смуглое тело, перечёркнутое белоснежными бинтами, – промелькнуло и скрылось под туго накрахмаленной простыней.

– Ой, Кирюша… Это ты?

– Нет, – усмехнулся Новиков и, придвинув стул к койке, сел. – Вот, – протянул он большой бумажный пакет. – Ешь и поправляйся скорее.

Надя заглянула в пакет, ойкнула и вытащила большой персик. За ним последовала изрядная кисть винограда, какой-то керамический горшочек, холщовый мешок с курагой и три плитки шоколада «Золотой ярлык». Она в изумлении смотрела на это богатство, а потом подняла на Кирилла сияющие глаза:

– Откуда это все? Ведь зима же?

– Ну, виноград тебе товарищ Берия передал, персик я вчера с банкета спер, шоколад купил, а вот курагу и мед тебе Ходжаев посылает. – Он открыл горшочек и показал мед странного, снежно-белого цвета: – Хлопковый.

Надежда аккуратно перебирала похудевшими пальцами подарки, потом открыла мешочек с курагой, вытащила одну штучку и осторожно попробовала.

– Это сушеные… – она запнулась, пытаясь самостоятельно отыскать ответ и жалобно посмотрела на Кирилла.

– Абрикосы, – Новиков улыбнулся. М-да уж, вот и разгадка, почему Ходжаев так удивленно смотрел на своего командира, когда Новиков всего-то спросил: нельзя ли достать кураги? Видно, пока этот дар Средней Азии еще мало известен народу.

лись названия «богатырка» (за внешнее сходство с шлемом русского богатыря), «фрунзевка» (так как, по легенде, именно Фрунзе настоял на введении этого шлема в Красной Армии) и всем известное «буденовка».

– Ой, Кирилл… – Надя наконец разглядела новые награды и прикрыла ладошкой рот. – Это вот – за Тифлис, да?

– Это, – он указал на медаль «За отвагу», – да. Всем нашим, кто там был – дали. Представляешь, даже Ежову.

– Здо-о-орово… – протянула Надя. Она закашлялась, но тут же совладала с собой и, замерев, спросила… – И… мне? Мне тоже?..

– А тебе – нет! – сурово сказал Новиков.

Ему хотелось поддразнить подругу, но увидев, как ее глаза мгновенно завлажнели, а губы сжались в тонкую ниточку, решил не волновать Надю. Вытащил из кармана сафьяновую коробочку и протянул девушке:

– Тебе – вот…

Непослушными пальцами она открыла ее и замерла, увидев кроваво-красное сверкание эмали на черном бархате. Еще не веря до конца, Надя переспросила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.